РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2013. № 5 (53)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199178,
Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс.: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
© Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2013
© Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета;

Артамонов В. С. — доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гуторов В. А. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Двас Г. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Журавлев В. П. — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва);

Киричук С. М. — доктор социологических наук (Москва);

Крастиньш А. В. — доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета, почетный доктор СЗИУ РАНХиГС;

Михеев Ю. А. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации (Москва);

Понеделков А. В. — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ростов-на-Дону);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Суслов В. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (Новосибирск);

Филиппов Г. Г. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Шевченко В. Я. — доктор химических наук, профессор, действительный член Российской академии наук, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — *главный редактор*;

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елфимов Г. М. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Исаев А. П. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кириллов А. Л. — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора;*

Клюев А. В. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Курзенев В. А. — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Старовойтов А. А. — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Чимаров С. Ю. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Яновский В. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

9 **ЭДМУНД С. ФЕЛПС**
Меньше инноваций, больше неравенства

13 **В. Л. КВИНТ**
Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

20 **В. А. ШАПОВАЛ, В. М. ГОЛЯНИЧ**
Инновационная технология психодинамической оценки компетенций персонала

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

37 **В. А. ОВЧИННИКОВ**
Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка

42 **В. Р. АТНАШЕВ, К. ВОРД**
Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты

50 **Г. Н. КРАСНОЛУЦКИЙ**
Горизонты российской демократии

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

58 **С. В. КУЗНЕЦОВ, Н. М. МЕЖЕВИЧ**
Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 г.

67 **Ю. В. КОСОВ, В. Г. ХАЛИН**
Об определении нормативных затрат на оказание образовательных государственных услуг в системообразующих вузах России

78 **В. А. КУРЗЕНЕВ, Е. Б. ЛЫЧАГИНА**
Стохастическое моделирование динамики экономической системы

84 **Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, А. В. ТОРОПЫГИН, С. Н. БЕЛОУСОВ**
О сотрудничестве государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом

89 **М. М. ШУМИЛОВ**
Новые задачи евразийской интеграции в условиях глобального экономического кризиса

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

102 **С. Л. СЕРГЕВНИН**
Реализация и охрана Конституции: некоторые структурно-функциональные характеристики

113 **Н. А. ЗАИЧЕНКО**
Институциональные предпосылки образовательных политик

121 **Н. В. БАХАРЕВА, В. А. ПЛОТНИКОВ**
Феномены доверия и недоверия в международных отношениях

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

127 **А. И. ЛУШИН**
Советское государство и права человека в СССР: ретроспективный анализ эмиграционной политики 1960–1980-х гг.

136 **А. В. ПЛОТНИКОВА**
Специфика взаимодействия российских и болгарских политических элит в процессе воссоздания государственности Болгарии в конце XIX в.

A LINEA

143 **Д. А. АКОПЯН**
Роль и статус русского языка как показатель эволюции украинской политической системы

147 **А. В. ЩЕДРИН**
Франчайзинг как механизм интеграции пропульсивного кластера в экономику региона

153 **А. А. ЕРПЫЛОВ**
Обоснование необходимости внедрения методов бюджетирования в практику работы учреждений здравоохранения

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

157 **В. А. ПЛОТНИКОВ, В. А. ШАМАХОВ**
Стратегическое управление: глобальный подход

9 **EDMUND S. PHELPS**
Less Innovation, More Inequality

13 **V. L. KVINT**
The Idea of a Noosphere of Vernadsky and the Regularities Predetermining Formation of a Global Noosphere World Order of the XXI Century

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

20 **V. A. SHAPOVAL, V. M. GOLYANICH**
Innovative Technology in Psychodynamic Assessment of Workforce Competencies

POLICY AND LAWFUL STATE

37 **V. A. OVCHINNIKOV**
Declaration on the State Sovereignty of RSFSR and its Legal Assessment

42 **V. R. ATNASHEV, K. WARD**
Terrorism in Indonesia: International Law and Political Aspects

50 **G. N. KRASNOLUTSKIY**
The Russian Democracy Perspectives

POWER AND ECONOMY

58 **S. V. KUZNETSOV, N. M. MEZHEVICH**
European and Post-Soviet Economic Integration: Tendencies of Development by 2013

67 **YU. V. KOSOV, V. G. HALIN**
Determination of Regulatory Costs on Rendering of Educational Public Services in the System-forming Higher Education Institutions of Russia

78 **V. A. KURZENEV, E. B. LYCHAGINA**
Stochastic Modelling of Dynamics of Economic System

84 **YU. V. MISHALCHENKO, A. V. TOROPYGIN, S. N. BELOUSOV**
About Cooperation of the Customs Union and the Common Economic Space Member States with the European Union

89 **M. M. SHUMILOV**
New Objectives of the Eurasian Integration in the Global Economic Crisis

SOCIETY AND REFORMS

102 **S. L. SERGEVNIN**
Realization and Protection of Constitution: Some Structural and Functional Characteristics

113 **N. A. ZAICHENKO**
Institutional Preconditions of Educational Politics

121 **N. V. BAKHAREVA, V. A. PLOTNIKOV**
The Phenomena of Confidence and Distrust in International Relations

HISTORY AND CULTURE

127 **A. I. LUSHIN**
Soviet State and the Human Rights in the USSR: Retrospective Analysis the Emigration Policy in 1960–1980th

136 **A. V. PLOTNIKOVA**
Specifics of Interaction of the Russian and Bulgarian Political Elite in the Course of the Reconstruction of Statehood of Bulgaria at the End of the XIX Century

A LINEA

143 **D. A. AKOPYAN**
The Role and Status of Russian Language as an Indicator of Evolution of the Ukrainian Political System

147 **A. V. SCHEDRIN**
Franchising as the Mechanism of Integration of a Propulsive Cluster in Regional Economy

153 **A. A. ERPYLOV**
Justification of Need of Introduction of Methods of Budgeting in Practice of Healthcare Institutions Work

SCIENTIFIC LIFE

157 **V. A. PLOTNIKOV, V. A. SHAMAKHOV**
Strategic Management: a Global Approach

Дорогие друзья!

В преддверии ставшего уже традиционным Санкт-Петербургского международного экономического форума я рад представить вам очередной номер нашего журнала.

В своем обращении к участникам, организаторам и гостям XVII Петербургского международного экономического форума, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Поиск ответов на сложные вызовы, стоящие перед глобальной экономикой, требует коллективных усилий, открытого и конструктивного разговора...». Именно так мы сформулировали одно из направлений редакционной политики нашего издания. С 1996 г. редакция журнала отбирает наиболее интересные и актуальные научные статьи в сфере государственного и муниципального управления, охватывающие практически все области знаний, необходимые современному руководителю.

Этот номер открывают эксклюзивный материал лауреата Нобелевской премии в области экономики, иностранного члена Российской академии наук, директора Центра по изучению капитализма и общества при Колумбийском университете Эдмунда С. Фелпса (*Edmund S. Phelps*) «Меньше инноваций, больше неравенства» («Less Innovation, More Inequality») и статья почетного доктора нашего института, иностранного члена Российской академии наук, доктора экономических наук, профессора, заведующего кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова Владимира Львовича Квинта «Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в.».

В рубриках номера опубликованы статьи, подготовленные учеными нашего института, учеными института РАН, ведущих вузов России и зарубежных университетов, Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества, труды молодых исследователей.

Страницы нашего журнала всегда открыты для широких научных дискуссий, обмена мнениями и публикациями по результатам исследований, материалам по практическим наработкам в сфере управления, вопросам подготовки руководителей новой генерации и формирования положительного имиджа чиновника, открыты для всех, кому небезразлична отечественная наука, интересны последние достижения в исследованиях зарубежных ученых, которые стремятся внести свой вклад в процветание России.

Директор СЗИУ РАНХиГС,
главный редактор журнала
«Управленческое консультирование», д. э. н.,
действительный государственный советник
Российской Федерации 1-го класса
В. А. Шамахов

Dear friends!

In anticipation of the traditional St. Petersburg International Economic Forum, I am glad to present to you current issue of our journal.

In the address to participants, organizers and guests of the XVII St. Petersburg International Economic Forum, the President of the Russian Federation V. V. Putin noted: "Finding solutions to the complex challenges currently facing the global economy will require collective action and frank and constructive dialogue...", and exactly so we formulated one of the directions of editorial policy of our journal. Since 1996 editorial board of the journal selects the most interesting and actual scientific articles in the sphere of the public and municipal administration, covering all fields of knowledge, necessary for the modern executive.

This issue is opened with an exclusive material of the Nobel Prize winner in economics, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Center on the Capitalism and Society of the Columbia University Edmund S. Phelps "Less Innovation, More Inequality" and the article of the Honorable Doctor of our Institute, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Financial Strategy Department of the Moscow School of Economics of the Lomonosov Moscow State University Vladimir Kvint "The Idea of a Noosphere of Vernadsky and the Regularities Predetermining Formation of a Global Noosphere World Order of the XXI Century".

In headings of issue the articles of leading scientists of our institute, scientists of Russian Academy of Sciences Institutes, leading higher education institutions of Russia and foreign Universities, Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, researches of young scientists are published.

Pages of our journal are always open for extensive scientific discussions, for exchange of opinions and publication of results of researches, of materials on best practices in the management sphere, of questions of education of executives of a new generation and formation of positive image of the official, are open for all who is interested in domestic science, last achievements in researches of foreign scientists who seeks to make the contribution to prosperity of Russia.

Director,
Chief Editor of Journal
«Administrative Consultation»
Doctor of Science (Economy)
Full State Counsellor 1st Class
of the Russian Federation
V. A. Shamakhov

ЭДМУНД С. ФЕЛПС

МЕНЬШЕ ИННОВАЦИЙ, БОЛЬШЕ НЕРАВЕНСТВА

EDMUND S. PHELPS

Less Innovation, More Inequality

Эдмунд С. Фелпс (Edmund S. Phelps) в 2006 году стал лауреатом Нобелевской премии по экономике за «анализ межвременного обмена в макроэкономической политике» и первым с 1999 г. экономистом, получившим эту премию в одиночку. Иностранный член РАН. В 1981 г. Фелпс был избран в Национальную академию наук США, а в 2000 г. стал почетным членом Американской экономической ассоциации. Фелпс — автор свыше 80 научных статей, а также более чем 90 других экономических документов, отчетов, докладов. Автор ряда книг по микро- и макроэкономике.

Edmund S. Phelps. In 2006 became the Nobel Prize winner in economics for the "analysis of inter-temporal tradeoffs in macroeconomic policy" and was the first person, since 1999, won it singly. Foreign Member of the Russian Academy of Sciences. In 1981 Phelps was elected in the United States National Academy of Sciences, in 2000 became Distinguished Fellow of the American Economic Association. Phelps is the author of more than 80 scientific articles, and more than 90 papers in economics — scientific researches and reports. The author of a number of books on micro- and macroeconomic.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
инновации, неравенство, безработица, экономика, рабочие места, государственное финансирование, инвестиции

KEY WORDS
innovations, inequality, unemployment, economy, workplaces, public financing, investments

Одной из причин чрезмерного неравенства в Америке является динамичность, с которой экономическая активность стала настолько выгодной. Экономика, открытая для новых концепций и новаторских предприятий, будет неизменно генерировать неравные прибыли. Наложить повсеместный налог на эти прибыли означало бы перекрыть все шансы на успех, столь необходимые многим предпринимателям, если они собираются ввязаться в амбициозное рискованное предприятие, — грубейшая ошибка.

Однако отрицать взаимосвязь между неравенством и инновациями также было бы ошибочным. Именно меньшее, а не большее количество инноваций усилило неравенство в Соединенных Штатах Америки в последние десятилетия.

Пиковый период местных инноваций в Америке пришелся на 1820-е — 1960-е гг. Разумеется, в этот период произошло несколько финансовых паник и две депрессии, однако в этот же период буйство творческой активности, экономической конкуренции и стремительного роста национального дохода обеспечило более широкую вовлеченность населения в экономические процессы, рост заработной платы для всех его слоев и привлекательную карьеру для большинства. Инновации обеспечили рабочих усовершенствованными инструментами для производства товаров лучшего качества, тем самым поднимая уровень их заработной платы. Впоследствии волна инноваций схлынула, переместившись по большей части в сторону Западного побережья. В начале 1970-х гг. темп местных инноваций (измеряемый как приблизительный вклад инноваций в темпы роста производительности труда) снизился примерно вдвое — приблизительно с 2 до 1%.

Экономист Роберт Дж. Гордон отметил это как замедление в области инноваций, которое он списывает на окончание периода больших открытий. На мой взгляд, инновации сократились в повседневных процессах, с этим постепенно начинают сталкиваться предприятия, по мере того как они пытаются стать более эффективными с течением времени. Это снижение инноваций во многих областях — с рядом значимых исключений, таких как Силиконовая долина, биотехнологии и экологически чистая энергия, — повернуло вспять колесо развития производительности в истории Америки.

Снижение инноваций привело к масштабной девальвации бизнес-активов, в том числе уменьшению численности работников. Последовало сокращение заработной платы и сокращение найма сотрудников, особенно в тяжелой промышленности и в производстве капитальных благ. В результате этого заработная плата работников на низших ступенях лестницы упала больше, чем заработная плата средних классов, и этот все возрастающий разрыв выровнялся только в 1990-х гг.

Уровень безработицы в целом поднимается и опускается в примерно равной пропорции на всех ступенях лестницы, что и происходило между 1973 и 1985 гг. (за этот период уровень безработицы для белых мужчин увеличился с 4,3 до 6,2%, для темнокожих мужчин — с 9,4 до 15,1%). Но рост безработицы имел более серьезные последствия для находящихся на нижней ступени, так как их экономическая нестабильность изначально была выше. Это и лежит в основании истории неравенства.

Разрыв между менее обеспеченными и более обеспеченными увеличивался по мере того, как росла разница между выпускниками средних школ и отчисленными, и американцами со средним и высшим образованием. Многие из числа более обеспеченных могли выйти на пенсию на собственные средства, что было доступно гораздо меньшему числу менее обеспеченных слоев населения. Неудивительно, что в период с середины 1970-х до середины 1990-х гг. процент белых мужчин, занятых в рабочей силе (которые уже были относительно обеспечены), снижался, в то время как уровень занятости темнокожих мужчин и латиноамериканцев, напротив, не сокращался. (Рост занятости женщин в рабочей силе, белых и небелых, — это уже другая история.)

Неравенство, которому уделяется большое внимание в последнее время, отличается по своему масштабу, но не по своему характеру. В своей книге 1997 г. «Прибыльная работа: как восстановить участие и самоокупаемость частного предпринимательства» я писал, что заработная плата в сегменте со средним доходом — «примерно на границе между рабочим классом и средним классом» — снизилась относительно более состоятельных.

Короче говоря, имело место увеличение разницы между серединой и верхушкой как в уровне занятости, так и в уровне заработной платы. Эта «декомпрессия», как некоторые экономисты ее называют, начала нарастать около 2004 г., с возвраще-

нием скудных инноваций и медленного роста, которые свирепствовали в экономике с 1970-х гг. до краткой передышки, обусловленной интернет-бумом, который начался в середине 1990-х гг.

Вопрос, который стоит перед плановыми органами, заключается в том, какие шаги необходимо предпринять.

Началась активная пропаганда инвестиций в инфраструктуру, сторонники которых в бизнесе и в правительстве утверждают, что реализация таких проектов могла бы создавать больше рабочих мест и давать более высокий уровень производительности после своего завершения — хотя, возможно, и не настолько высокий, чтобы приносить прибыль, покрывающую расходы. Влияние на занятость представляется ясным в краткосрочной перспективе. Экономисты тщательно отбирали данные для доказательства того, что города и штаты получили значительный прирост в производительности от своих инвестиционных проектов. Каким бы ни был ответ, эти дебаты упускают самое главное — тот факт, что правительству придется продолжать поиск новых проектов, как только старые проекты будут завершены. Такая бесконечная череда проектов неизбежно столкнется с законом убывающей производительности. И даже при условии поддержания заданной производительности кирпичи и строительный раствор не могут быть решением проблемы снижения динамизма, которая в значительной степени, если не полностью, лежит в основе замедления инноваций.

Существуют две идеи о том, как возродить динамизм в стране, и обе они горячо обсуждаемы.

Некоторые наблюдатели относят основную часть инноваций в американской экономике — новые товары и новые методы — к коммерческому применению последних научных достижений. Как следует из данного суждения, этот источник научных достижений уже практически иссяк, за исключением небольшого пополнения в течение последних лет, и, таким образом, американские инновации остались «без топлива». По словам этих ученых, увеличение государственного финансирования научных исследований могло бы пополнить эти запасы, создавая новые возможности для инноваций в неопределенном будущем.

Однако этот тезис основан на ошибочном предположении. Нет никаких доказательств того, что новаторство в Америке ограничивается или когда-либо было ограничено научным прогрессом. Некоторые историки убеждены, что в XIX в. инновации в большинстве своем опережали научный прогресс. Множество новых товаров за последние десятилетия были в основном созданы благодаря новым коммерческим идеям и небольшим изменениям, а не в результате новых научных достижений.

Второй подход, в защиту которого выступают некоторые экономисты и политические деятели, заключается в явном принятии промышленной политики. Утверждается, что правительство может стимулировать развитие инноваций в частном секторе путем предоставления финансирования разработки и маркетинга новых продуктов или методов в компаниях или отраслях, которые — по крайней мере, в глазах правительства — выглядят многообещающе в вопросе повышения темпа инноваций. Президент США Барак Обама косвенно одобрил такой подход. В своем обращении к Соединенным Штатам в январе 2013 г. он пообещал сделать Америку «магнитом для новых рабочих мест и производства», с одобрением приведя в пример «производственный новаторский институт» в Янгстауне, штат Огайо, который занимается 3D-печатью, а также объявил об открытии еще трех таких производственных центров, которые будут работать совместно с департаментами обороны и энергетики, «чтобы превратить регионы, оставленные без внимания в процессе глобализации, в глобальные центры высокотехнологичных сфер занятости».

Однако тезис о том, что правительство может адекватно принимать решения, которые ранее принимались хорошо функционирующим частным сектором, вызывает серьезные сомнения. Правда, предприятия частного сектора склонны совершать ошибки при принятии решений о разработке новых продуктов по причине того, что осуществимость, затраты и принятие продукта рынком заранее неизвестны. Сложность в случае с национальной промышленной политикой заключается в том, что она (политика) отдает принятие этих решений в руки чиновников, весьма далеких от местного опыта и знаний, на которые опираются компании с целью внедрения динамичных нововведений. Венчурным инвестиционным компаниям и инвесторам на ранних стадиях достаточно тяжело сделать правильный выбор. Невозможно представить, что это удалось бы сделать правительству. Кроме того, есть моральный риск. Реализация промышленной политики подвержена риску того, что чиновники — возможно, бессознательно — будут делать так, как лучше с точки зрения их политических перспектив, а не того, что они признали бы наилучшим, если бы не принимали непосредственного участия.

В таком случае что же можно сделать для решения проблемы замедления темпов инноваций и сопутствующего роста неравенства? Нет никаких сомнений в том, что существуют эффективные инициативы, которые могут быть приняты для борьбы с конкретными неравенствами. Одной из инициатив, которые могли бы быть приняты для борьбы с особо тяжким неравенством, являются субсидии для работодателей на найм низкооплачиваемых работников. Однако нет никакого способа восстановить чувство равенства, превалировавшего в конце 1960-х гг., не устранив проблемы, которые привели к увеличению неравенства: сужение сферы интенсивных инноваций всего лишь до нескольких отраслей промышленности и, как следствие, замедление экономического роста до черепашьей скорости.

Я убежден, что для того чтобы вернуться к росту производительности и обширной экономической активности, как это было ранее, потребуется, по крайней мере, возрождение высокого динамизма, который лежит в основе этих показателей.

Необходимое возрождение потребует реформы финансового сектора и бизнес-сектора. В финансовом секторе необходимо положить конец краткосрочному мышлению, чрезмерно сосредоточенному на получении плановой квартальной прибыли, а не на долгосрочной прибыли и ее росте. Зависимость финансовых институтов от ликвидности привела к уменьшению привлекательности кредитования бизнеса, в то время как ввиду пристрастия к диверсифицированным инвестициям осталось очень мало финансовых учреждений, желающих зарабатывать деньги старомодным способом — путем кредитования или инвестирования в проекты новых товаров и методов.

Что касается бизнес-сектора, необходимо положить конец распрям в солидных компаниях и недальновидности руководителей, которые знают, что у них есть всего лишь несколько лет, в течение которых они могут собрать свой улов в виде нескольких крупных бонусов. Улучшенный корпоративный надзор со стороны совета директоров и государственных чиновников также является существенным фактором.

Впрочем, мало что из этого обернется успехом, да и реализация любых правительственных реформ будет подорвана, если не будет проходить под эгидой старых идеалов воображения, исследования, экспериментирования и открытий. Именно эти идеалы заложили основу для широкого процветания американского среднего класса в послевоенные годы, и без их возрождения никакие вмешательства государства не смогут в полной мере сократить растущее неравенство, создавшееся в результате замедления темпов инноваций.

В. Л. КВИНТ

ИДЕЯ НООСФЕРЫ ВЕРНАДСКОГО И ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО НООСФЕРНОГО МИРОПОРЯДКА XXI в.

V. L. KVINT

The Idea of a Noosphere of Vernadsky and the Regularities Predetermining Formation of a Global Noosphere World Order of the XXI Century

Доктор экономических наук, профессор, иностранный член РАН Владимир Львович Квинт — профессор Лассальского университета (Пенсильвания, США), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, член Бреттон-Вудского комитета и Всемирной академии искусств и науки. Почетный доктор СЗИУ, научный руководитель научно-исследовательского факультета программ магистратуры и аспирантуры СЗИУ. Обладает уникальным опытом работы в США, Европе и в странах с формирующимся рынком в качестве руководителя и советника лидеров компаний, правительств и государств. В. Л. Квинт является автором 21 книги и более 450 статей.

Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences Vladimir L. Kvint - Professor of the La Salle University (Pennsylvania, US), Head of the Financial Strategy Department of the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University, Member of the Bretton Woods Committee and the World Academy of Art and Science. Honorable Doctor of North-West Institute of Management, Scientific Supervisor of the Scientific and Research Faculty of Master's and Postgraduate Programs of North-West Institute of Management. He possesses unique experience in the USA, Europe and in the countries with the being formed markets as the head and the adviser of leaders of the companies, the governments and the states. V.L. Kvint is the author of 21 books and more than 450 articles.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вернадский, ноосфера, глобализация, демократизация, глобальное рыночное пространство, экономическая система

KEY WORDS
Vernadsky, the noosphere, globalization, democratization, global marketplace, the economic system

Владимир Иванович Вернадский — один из крупнейших мыслителей XX в., создатель нескольких научных направлений в различных областях знаний, включая геохимию и геоморфологию. Но последние 35 лет представителей многих отраслей знаний притягивает выдвинутая Вернадским во многом мистическая, но прежде всего междисциплинарная научная категория «ноосфера». Отойдя от детальных дефиниций данной категории, которые широко представлены в энциклопедиях и Интернете и анализируются в различных статьях, в общем и целом ноосфера — это та окружающая человека и человечество среда, воздействие на которую сознания и деятельности индивидуумов, общественного сознания и общества сравнимо с воздействием геологических и тектонических процессов; сравнимо как по масштабам, так и по результатам.

Вместе с тем, говоря о человеческом разуме, прежде всего следует подчеркнуть, что, не обладая сколь-нибудь значительными представлениями о результатах и глубинных долгосрочных последствиях своего воздействия на окружающую среду, человечество самоуверенно собиралось ее усовершенствовать. И не «просить милости у природы», а «брать» и использовать ее ценности, не задумываясь об измеряемых столетиями и тысячелетиями в основном негативных последствиях этой бездумности и самоуверенности. Формирующееся общественное сознание возникающего глобального сообщества до сих пор не выработало стратегические приоритеты стабильного взаимообогащающего сосуществования и развития с окружающим человечество миром. А без этого невозможно достичь и долгосрочно поддерживать высокое качество хорошей жизни каждого индивидуума глобального сообщества.

Бесспорно, что слова Вернадского относятся не только к земным недрам, почве и атмосфере нашей планеты, но и к все более и более дальнему космосу, в который все больше и больше проникают так или иначе научно-технологические результаты человеческой мысли и сама эта мысль, не всегда приобретающая материальные формы. Популяризация этой категории приводит к попыткам как религиозных, так и политических деятелей использовать эту категорию в своих часто сиюминутных или долгосрочных целях. Однако эти попытки ведут лишь к упрощению или к ущербной для этой категории политизации. Бесспорно, что ноосфера как глобальная и даже вселенская категория влияет и на идеологию, и на духовность общественного сознания, и на политику, и на все страты политической жизни, но Вернадский, являвшийся не кем иным, как ученым, мыслителем, ввел эту категорию прежде всего для осмысления человечеством результатов своих научных исследований в их взаимодействии с тем, что он и назвал «ноосферой».

Процессы глобализации экономического и общественного развития человечества, приобретшие на границе II и III тысячелетий нашей эры характеристики закономерности, вывели категорию ноосферы за рамки исключительно фундаментальных исследований в сферу практической жизни, анализа ее закономерностей и последствий. Именно на границе тысячелетий произошло формирование нового экономического феномена — глобального рыночного пространства (Global Marketplace). К началу второго десятилетия XX в., это пространство объединяет, по моей оценке, приблизительно 96–97% мировой экономики и продолжает расширяться. В рамках глобального рыночного пространства формируется и совсем новое экономическое явление — «глобальная производственная площадка» (Global Workplace), когда производительные силы и производственные отношения, размещенные на территории часто далеких друг от друга стран, тем не менее объединяются единым технологическим процессом и общей конечной продукцией. Это можно наблюдать и в масштабах отдельных стран, и прежде всего России с ее

крупнейшей на планете территорией в рамках национальных границ, когда, например, ресурсы Кольского полуострова Европы и азиатского Таймырского полуострова объединяются транспортной артерией Северного морского пути с его ледокольным и транспортным флотом в единый технологический процесс. И даже анализ взятого в отдельности этого технологического процесса уже показывает масштабы и глубину в данном случае негативных последствий влияния на геологию и экологию всего лишь одного производства с относительно узким спектром конечной продукции.

Возникновение глобального рыночного пространства было бы невозможным без быстрого развития на территории стран, ранее не вовлеченных в крупномасштабное мировое разделение труда, общих рыночных отношений. Возникновение на территории все большего числа стран интегрированных процессов рыночной экономики привело вначале к взаимодействию этих стран с формирующимися рынками (Emerging Market Countries) с рынками развитых государств, а затем и развивающимися, и подобными себе странами с формирующимися рынками. Так, в масштабах мировой экономики стал складываться новый экономических феномен «глобальный формирующийся рынок» (Global Emerging Market), ставший значительной частью глобального рыночного пространства. Взаимодействие участников глобального производственного процесса с производительными силами и с производственными отношениями разных стран, возникновение глобального рыночного пространства привело к появлению новых феноменов — глобального сообщества и глобального сознания. Когда проекты на основе прямых, в том числе иностранных, инвестиций реализуются в кооперации с нестабильными регионами мира, они имеют две основные функции: служат доказательством того, что сотрудничество с данными регионами и даже осуществление инвестиций на его территории возможны, а это, в свою очередь, открывает для населения этих регионов новые горизонты на основе международного и глобального сотрудничества. Успех прямых иностранных инвестиций на глобальном рыночном пространстве готовит более благоприятные условия для деятельности многонациональных институтов в решении поистине глобальных проблем ноосферного масштаба. С точки зрения глобальной стратегии ноосферного миропорядка прямые иностранные инвестиции строят мосты между народами. Когда же, как быстро и где их возводить, на какой технологической основе и возводить ли вообще — вечные и каждодневные вопросы стратегирования, требующие не только грамотных, но, прежде всего, мудрых — ноосферного масштаба миропонимания — ответов. Так продолжается формирование ноосферы, по сути, предсказанной Владимиром Ивановичем Вернадским.

Все экономические системы, макро- (глобальные, региональные и т. д.) или микро- (корпоративные, цеха, бригады и т. д.), проходят через следующие основные фазы: формирование, созревание и, в конечном счете, ликвидация или радикальные изменения, которые в значительной степени изменяют систему почти до неузнаваемости. Эти процессы в основном обусловлены, а часто и предопределены объективными факторами. Когда эти факторы имеют долгосрочное влияние и длительные последствия, они определяют вектор динамики экономических систем. Главными в стратегическом развитии являются объективные факторы, влияющие на экономическую систему независимо от желаний или стараний политиков или руководителей, которые сами по себе могут расцениваться стратегами лишь как субъективные факторы. Объективные факторы ноосферного масштаба в подавляющем большинстве случаев не поддаются существенному изменению волей людей. В качестве простого примера можно отметить, что независимо от того, как сильно люди пытаются что-то изменить (субъективный фактор), законы термодинамики, гравитации или отсутствие богатых природных ресурсов на конкретной территории (объективный фактор) никогда не будут преодолены.

Стратегический экономический анализ должен начинаться с изучения базовых экономических факторов и объективных глобальных, региональных и индустриальных (отраслевых) закономерностей, потому что они действительно оказывают неотвратимое воздействие на глобальное рыночное пространство (ГРП). Несмотря на субъективные желания политических лидеров и руководителей, запасы нефти, золота и других полезных ископаемых не могут возрасти — это объективный фактор. Поскольку природные ресурсы ограничены и человечество активно использует их, запасы большинства полезных ископаемых неуклонно сокращаются. Это является не только фактором, но также и объективным трендом ноосферы. Хотя трудовые ресурсы со временем могут меняться, в каждый данный период уровень грамотности, продолжительность жизни и национальная демографическая ситуация есть такие, какие они есть. Однако субъективные факторы в некоторой степени оказывают влияние на экономические системы. Качество систем управления предопределяет эффективность использования объективных факторов. Например, запасы нефти в каком-то определенном месторождении не могут быть увеличены, но могут быть изменены эффективность и технология ее добычи, очистки, распределения и т. п., что существенно повлияет на фактический объем добычи компанией, которая разрабатывает это месторождение.

В целях разработки и реализации эффективной стратегии для руководства любой компании или национального правительства стратегам необходимо распознавать и понимать самые влиятельные объективные закономерности и их иерархическую классификацию. Успешная стратегия будет работать, только если она соответствует этим закономерностям, а не вопреки им. Стратеги должны выяснять, как свести к минимуму негативное воздействие закономерностей или, если это возможно, использовать их для реализации стратегических приоритетов и целей. Как и лучшие капитаны, стратеги должны уметь использовать даже встречный ветер закономерностей, чтобы привести корабли (компании, регионы и страны) к месту желаемого ими назначения.

В конце XX в. произошли коренные изменения современной цивилизации. Большинство диктатур исчезли; Советский Союз распался; Интернет, мобильные системы и другие технологические достижения радикально изменили повседневную жизнь людей; даже началась подготовка полетов человека на Марс. Все эти процессы являются результатом влияния глобальных закономерностей. Глобальные закономерности — объективные процессы, предопределяющие динамику любой экономической системы. Иерархия глобальных закономерностей изменилась в течение последней четверти XX в., поскольку *глобализация* и *демократизация* стали двумя важнейшими и влиятельными закономерностями. Глобализация вызрела из развития ранее доминировавшей закономерности — интернационализации. Мощь закономерностей глобализации была преумножена до ноосферного уровня передовыми информационными технологиями, которые в конечном итоге привели к формированию ГРП, появившегося на границе двух тысячелетий. *Глобализация* в качестве закономерности может быть понята и как процесс вовлечения подавляющего числа стран всех континентов в единую глобальную систему — единый глобальный миропорядок, и ГРП функционирует в русле этого миропорядка. На самом деле практически невозможно найти страну, полностью изолированную от ГРП. Тем не менее некоторые профессиональные фирмы и эксперты не согласны с этим предположением. Например, Morgan Stanley Capital International (MSCI www.msci.com/) в 2006 г. оценил страны Африки к югу от Сахары и страны Западной Азии как упустившие процесс глобализации. Это верно, что они опоздали на поезд глобализации, но также верно и то, что он не прошел мимо.

Позитивное влияние глобализации очевидно, но, как и каждое новое общественное явление, к которому люди еще не привыкли, глобализация имеет также ряд

последствий, которые могут быть оценены как негативные: проблемы окружающей среды, столкновение культур, эрозия традиций и даже влияние на расовую принадлежность. Тем не менее позитивные последствия ноосферного масштаба беспрецедентны. Глобализация объединяет отдельных людей в единое человечество, приносит миллиардам людей правду о свободе. Растущие возможности глобализации, основанные на информационных технологиях, доносят истину о демократических странах во все уголки планеты. Никакой диктаторский режим не может остановить у государственных границ проникновение информации. Это воодушевило и послужило толчком для демократических выступлений и акций против диктатур по всему миру, ставших переломным моментом крушения подавляющего большинства неэффективных командных экономик. Примерно в это же время другая глобальная закономерность начала расцветать под влиянием этих изменений — *демократизация*, которая, конечно, испытывала огромное сопротивление и реализовывалась различными путями в разных странах.

Переплетение глобализации и демократизации изменило ландшафт политической и экономической структуры ноосферы. Последующие новые политические и экономические реалии послужили спусковым крючком для некоторых других глобальных закономерностей. В конце XX в. эти закономерности изменили глобальный миропорядок.

Система глобальных закономерностей

Ключевые глобальные закономерности различной силы и зрелости влияют на политическое, социальное, экономическое развитие ноосферной цивилизации. Взаимодействие этих закономерностей и их влияние друг на друга могут быть представлены как иерархическая система. На вершине этой иерархии действуют супервлиятельные закономерности: *глобализация* и *демократизация*. Эти две глобальные закономерности, силу которым придают открытия в области информационных технологий, разрушили империи, диктатуры и командные экономики, дали возможность небольшим и менее сильным нациям и народам достичь собственной государственности и кооперировать на глобальном рыночном пространстве, формирование которого было также результатом выделенных выше ноосферных закономерностей и трендов. Крушение диктатур в глобальном масштабе привело к появлению глобальной закономерности — *политической дезинтеграции*. Политическая дезинтеграция неизгладимо изменила политическую карту мира. С 1980-х гг. новые независимые страны появлялись чуть ли не ежегодно, обычно с все меньшей и меньшей численностью населения. В попытке улучшить уровень жизни своих граждан правительства этих новых национальных государств искали решения за границами своих стран, что привело к ускоренному росту международного сотрудничества. Эти первоначальные попытки инициировали *интернационализацию*, развившуюся в основном между соседствующими странами на двухсторонней и многосторонней основах. Либерализация международных экономических отношений под влиянием закономерностей глобализации, демократизации и интернационализации повлекла за собой крепкое политическое и экономическое сотрудничество между странами с относительно близкими культурными, религиозными, политическими и экономическими характеристиками. Благодаря этому процессу усилилась другая (возникшая ранее) глобальная закономерность — *регионализация*. Появление региональных экономических союзов, территорий свободной торговли, специальных экономических и технологических зон было ускорено глобальной закономерностью — *региональной экономической интеграцией*, появившейся в течение одной из итераций этого процесса. Объективная потребность в повышении эффективности националь-

ных экономик усилила региональную экономическую интеграцию политически независимых стран. Региональная интеграция получает особенные характеристики, когда страны, бывшие ранее частью одного более крупного государства, начинают экономическую реинтеграцию, сохраняя при этом недавно полученную политическую независимость. Это имело место в Европе и происходит в странах бывшего Советского Союза, а также в Азии, где, например, Сингапур и Малайзия, которые были одной страной, практикуют региональное экономическое сотрудничество под эгидой Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of Southeast Asian Nations — АСЕАН // www.asean.org/). После нескольких итераций закономерности региональной экономической интеграции и регионализации побудили интеграцию региональных экономических блоков, союзов и зон внутри ГРП.

Широко распространенное падение диктатур и командных экономик, как результат глобализации и демократизации, привело к глобальной закономерности *приватизации*. Растущее число частных предприятий в национальной экономике, которые когда-то были в собственности или во владении государства, катализировало новую волну *интернационализации*. Эта закономерность, мать глобализации, была реинкарнирована в соответствии с новыми объективными условиями. Стратегически диалектическая связь между интернационализацией и глобализацией очевидна, на разных этапах экономического развития одна из них играет ведущую роль. В целях повышения эффективности и рентабельности компаний частные предприниматели искали капитал за границей; слияния и поглощения распространились, как лесной пожар, по всей мировой экономике. Влияние всех этих закономерностей в конечном итоге привело к формированию ГРП на границе третьего тысячелетия.

ГРП создало огромные возможности для международных инвесторов, что немедленно привело к *дефициту капитала* на международных рынках. Хотя последствия этой закономерности не являются позитивными, это не худшая из глобальных закономерностей. Дефицит капитала — лишь незначительное препятствие на пути глобализации. Самыми опасными глобальными закономерностями, которые стали очевидными в условиях открытой (менее ограниченной) международной арены ГРП, являются возродившиеся *терроризм* и *экстремизм. Революции в области науки* и *технологий* (особенно в области информационных технологий) не только ускорили появление ГРП и создали новые инструменты для международного бизнеса, но и дали оружие террористам, предоставив им новые и очень опасные возможности. Сочетание последних двух закономерностей, их влияние чрезвычайно усилили политические риски на недавно сформировавшемся ГРП.

Как упоминалось ранее, влияние и зрелость этих закономерностей различны. Некоторые, как демократизация и политическая дезинтеграция, оказывают влияние в течение долгого периода времени. Их воздействие на общество уже, скорее всего, почти достигло своего апогея. Со временем влияние этих двух глобальных закономерностей уменьшается — в основном из-за их успешной реализации. Другие закономерности, такие как экономическая реинтеграция и глобальный терроризм и экстремизм, только приближаются к вершине своего влияния. Стратеги должны всегда помнить о том, что глобальное влияние и даже существование некоторых закономерностей ноосферного масштаба могут быть еще не замечены и не выяснены. Однако вышеупомянутые десять глобальных закономерностей влияют на направление и динамику развития мировой экономики и окончательное формирование ГРП. Стратеги должны ожидать дальнейшего влияния этих закономерностей и трендов на прогресс человечества как минимум в первой четверти XXI в.

Важнейшая проблема многонациональных институтов — включая Мировой банк, МВФ и Всемирную торговую организацию — состоит не в продолжении их практики, испытанной в XX в., когда они сосредоточивали свою деятельность на решении внутренних и внешних проблем отдельных стран-членов. В XXI в. им необходимо сфо-

кусироваться прежде всего на глобальных вызовах ноосферного масштаба, встающих перед глобальным сообществом, которые не будут или, в силу своей природы и планетарных масштабов, не могут быть включены в повестку дня национальных правительств при отсутствии стратегического лидерства международных организаций нового глобального миропорядка. Глобальный миропорядок XXI в. реализуется в условиях, когда базовые экономические факторы меняют свои качественные характеристики и роль на глобальном рыночном пространстве бизнеса. Природные экономически доступные ресурсы, и прежде всего пресная вода и углеводородное топливо, истощаются, трудовые ресурсы уже находятся в стареющей демографической стадии, особенно по соотношению людей в трудоспособном возрасте, инвестиционный капитал структурируется по ориентации на традиционную экономику и одновременно на нарождающуюся экономику знаний; функционирующая производственная и социальная инфраструктуры основаны на технологиях начала XX в. и нуждаются в революционном обновлении и расширении. На все эти и многие другие вызовы нового тысячелетия человечество может ответить только на основе новой стратегической парадигмы ноосферного масштаба, в основе которой должна находиться экономика знаний. Этот движитель преобразования потенциала новых идей превращает глобальное рыночное пространство, по сути, в единую территорию использования знания для достижения новых приоритетов ноосферного характера стратегического мышления. Исходя из изложенного выше, можно заключить, что стратегические приоритеты нового ноосферного глобального миропорядка будут связаны прежде всего с такими ключевыми категориями, как человек, экология, знания, превентивность, кооперация, стабильность, толерантность, правореализация.

Усиление ценности человеческой жизни и качества среды обитания в общественной морали ноосферного масштаба требует превентивных мер, способствующих предупреждению заболеваний и преждевременного старения при продлении ожидаемой продолжительности жизни, приоритетному развитию образования по профессиям экономики знаний, превентивных мер по предотвращению загрязнения окружающей среды и, конечно же, предотвращения международных вооруженных конфликтов и глобальных экономических кризисов. Эти категории и приоритеты являются главными на повестке дня глобального сообщества эры ноосферого миропорядка, требуют новой и активной роли государства в сотрудничестве с многонациональными институтами и частным бизнесом, поддержании эффективного рыночного пространства и глобальной производственной площадки с ориентацией на акселерацию экономики знаний как локомотива инновационного развития производительных сил и производственных отношений. Когда венчурный капитал высоко рискового инновационного экономического процесса нуждается в поддержании банковским капиталом и в государственных гарантиях для крупномасштабного тиражирования критически важных достижений экономики знаний, роль государства в сотрудничестве с бизнесом, безусловно, возрастает в новом глобальном миропорядке. Эти новые тенденции и приоритеты будут объективно поддерживать зарождающийся глобальный социум и объединяющие его ценности и интересы. Таким образом, к концу первой четверти XXI в. сложится новая ноосферная стратегическая парадигма глобального миропорядка.

Дальнейшее оптимистическое развитие человечества, повышение качества жизни каждого индивидуума в этих усложняющихся условиях начального созревания ноосферного мироосознания при экспоненциальном росте населения и дефиците жизненно важных ресурсов невозможно без разработки и реализации креативных стратегий на глобальном, региональном, национальном и корпоративном уровнях. Экономические и социальные кризисы первого десятилетия XXI в. существенно деморализовали общественное сознание, и человечеству необходимо воссоздание парадигмы стратегического успеха, общественной надежды, и именно это и должны учитывать все вышеназванные стратегии эры ноосферного мироосознания.

В. А. Шаповал
В. М. Голянич

V. A. Shapoval
V. M. Golyanich

Инновационная технология психодинамической оценки компетенций персонала

Innovative Technology in Psychodynamic Assessment of Workforce Competencies

Шаповал Валентин Анатольевич
Санкт-Петербургский университет МВД России
Доцент кафедры юридической психологии
Кандидат медицинских наук, доцент
vash23@mail.ru

Shapoval Valentin Anatolyevich
Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia
Associate professor of the Chair of Legal Psychology
PhD in medical sciences, Associate Professor
vash23@mail.ru

Голянич Валерий Михайлович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой управления персоналом
Доктор медицинских наук, профессор
golyanichvm@mail.ru

Golyanich Valery Mikhailovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Personnel Management
Doctor of Science (Medicine), Professor
golyanichvm@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
неспецифические компетенции, Я-структура личности, психодинамически ориентированный личностный опросник «ПОЛО-Ресурс», психометрическая экспертиза шкал тестов, профессионально-психологическое здоровье, субъектно-профессиональная идентичность, профессионально-психологическая успешность

KEY WORDS
non-specific competence, self-personality structure, psychodynamically oriented personality questionnaire «Polo Resources», psychometric examination test scales, professional and psychological health, the subject-professional identity, professional and psychological success

РЕФЕРАТ
Представлена пошаговая процедура создания инновационной технологии оценки персонала — психодинамически ориентированного личностного опросника «ПОЛО-Ресурс», — позволяющего измерять профессионально релевантные неспецифические компетенции: профессионально-психологическое здоровье, субъектно-профессиональную идентичность и профессионально-психологическую успешность.

ABSTRACT
A step by step procedure to create innovative assessment personnel — psychodynamically oriented personality questionnaire «Polo Resources» — allowing to measure professionally relevant non-specific competencies: professional and psychological health, the subject-professional identity and professional psychological success.

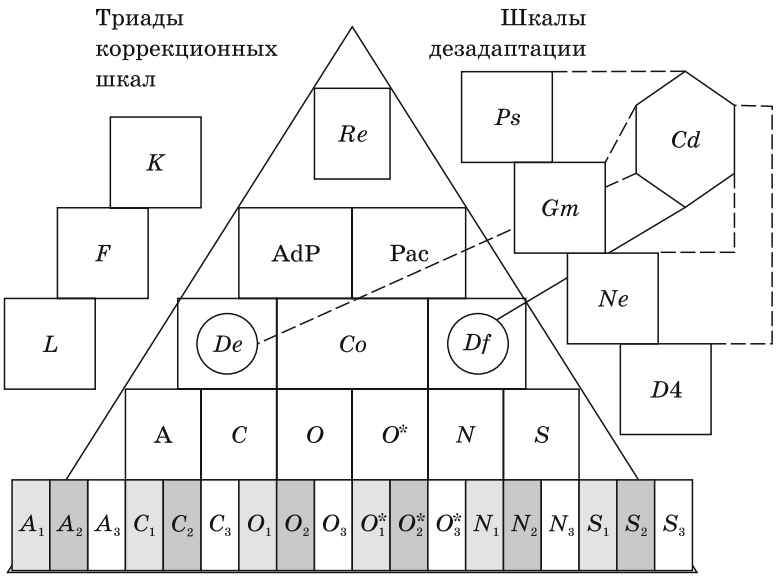
Настоящая статья является продолжением опубликованного в предыдущем номере материала (см.: Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 13–27), в котором приведено теоретическое обоснование новой методики оценки персонала — психодинамически ориентированного личностного опросника «ПОЛО-Ресурс» [15]. Ниже приводится алгоритм пошаговой процедуры создания этой методики.

Первые пилотные исследования с использованием русскоязычной версии Я-структурного теста Г. Аммона (ISTA)

были проведены в середине 1990-х гг. в рамках творческого сотрудничества со специалистами Санкт-Петербургского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева [1]. Объектом исследования являлись абитуриенты и курсанты военных вузов, обследовавшиеся в рамках проводимых военно-врачебной и психолого-психиатрической экспертиз, профессионально-психологического отбора и массовых психопрофилактических процедур. В результате проведенных исследований были получены первые нормативные данные по однородной мужской выборке психически здоровых социально адаптированных юношей ($n = 1004$), проанализированы пригодность и перспективы использования теста в ситуации экспертизы и в процессе психологического обеспечения учебно-воспитательной работы в вузе [10]. Поскольку изначально ISTA разрабатывался на основе материалов групп аналитической терапии пациентов психиатрических клиник и не содержал шкал для оценки тестовых установок испытуемых, его использование в ситуации экспертизы представлялось нам некорректным и инициировало разработку на его основе специального теста — *Психодинамически ориентированного личностного опросника* «ПОЛО-Ресурс», предназначенного сначала для оценки и прогнозирования психического здоровья абитуриентов и курсантов военных вузов [11], а в последующем — психологического здоровья [12], профессиональной идентичности [13] и профессионально-психологической успешности [16] государственных служащих. Помимо использовавшихся ранее 18 шкал Я-структурного теста Г. Аммона (трех качественных состояний шести центральных Я-функций), в «ПОЛО-Ресурс» были включены три шкалы оценки тестовых установок (неискренности, аггравации, диссимуляции), три интегральных шкалы Я-идентичности (общей конструктивности, общей деструктивности, общей дефицитарности), шкалы адаптационного потенциала и потенциала психической активности (производные от интегральных шкал), четыре авторских шкалы типа психической дезадаптации (психосоматический, поведенческий, невротический, тормозимо-депрессивный), а также интегральные шкалы общей дезадаптации (социо-психо-соматической проблемности) и ресурса психологического здоровья. В результате указанной трансформации логистика диагностических шкал теста приобрела завершенную пирамидальную структуру (рис. 1).

Так как основной проблемой массовых психологических обследований являются обработка и анализ больших объемов информации в условиях дефицита времени, ключевым событием в дальнейшей эволюции теста «ПОЛО-Ресурс» явилась автоматизация процедуры обработки его результатов и экспорта данных с бумажных бланков в файл и электронную базу с помощью программно-технического комплекса, созданного на платформе ABBYY FormReader (в дальнейшем — FlexiCapture) — одного из наиболее быстрых и надежных способов потокового ввода больших объемов данных, а также совместимой с ним авторской IT-программы, реализованной в Microsoft Office Access (В.Н. Арсеньев, В.А. Шаповал, 2000, 2006, 2012), позволяющей представлять результаты оценки как в индивидуальной (психограмма Я-структуры личности с кратким заключением), так и в групповой (матрица данных в Microsoft Office Access или Microsoft Office Excel) формах.

Внедрение в 2000 г. теста в арсенал автоматизированных методик одного из ведомственных центров психологической диагностики, оснащенного ABBYY FormReader, предоставило возможность оперировать не только «сырыми» и Т-балльными значениями, но и первичными ответами на пункты опросника больших репрезентативных выборок испытуемых, что открыло широкие возможности для осуществления его дальнейшей психометрической коррекции. С помощью специальной автоматизированной методики «X.xls», основанной на сравнении эмпирических данных, полученных для определенного ансамбля респондентов, с данными, полученными методом веро-



Основные шкалы центральных гуман-функций Я-структуры личности

Рис. 1. Структура теста «ПОЛО-Ресурс»

Примечание. В основании пирамиды расположены исходные шкалы ПОЛО первого уровня: A — агрессии, C — страха, O — внешнего Я-отграничения, O^* — внутреннего Я-отграничения, N — нарциссизма, S — сексуальности в своих конструктивных (1), деструктивных (2) и дефицитарных (3) проявлениях. В середине пирамиды находятся интегральные шкалы первого уровня: C_o — общей конструктивности, De — общей деструктивности и Df — общей дефицитарности Я-структуры личности; 4-й ряд занимают интегральные шкалы второго уровня: AdP — адаптационного потенциала ($AdP = Co + Df - De$) и PAc — потенциала активности ($PAc = Co + De - Df$); вершину пирамиды венчает интегральная шкала ресурса психологического здоровья Re ($Re = Co - De - Df$)[1]. Слева от пирамиды изображена триада шкал достоверности: L — неискренности, F — аггравации, K — диссимуляции; справа — тетрада шкал типов социально-психической дезадаптации: Hs — психосоматического типа, Gm — поведенческого типа, Ne — невротического типа, D_4 — тормозимо-депрессивного типа, Cd — шкала общей дезадаптации (социо-психо-соматической проблемности).

ятностного моделирования Монте-Карло для различных виртуальных ансамблей, была осуществлена оценка и минимизация средней погрешности измерения психодиагностических показателей теста [3]. Это позволило сменить принадлежность ряда утверждений по отношению к исходным шкалам теста Аммона или заменить их релевантными пунктами, отобранными нами из библиотеки утверждений таких широко известных психологических опросников, как СМИЛ, FPI, Басса-Дарки, Ассингера, Келлермана—Плутчика, Шуберта, Рейзаса, Ряховского, Котенкова, Шострома и др. В итоге появилась версия «ПОЛО-Ресурс–2004», позволяющая получать более надежные результаты тестирования за счет примерно двукратного снижения погрешности измерения [18].

[1]В дальнейшем шкала *Re* рассчитывалась по формуле $Re = Co - Cd$. Шкала Cd включает в себя утверждения не только шкал De и Df, но и пункты тетрады шкал дезадаптации (Ps, Gm, Ne, D_4).

Следующий цикл психометрической коррекции теста, итогом которой стало повышение надежности его шкал на 15–20%, осуществлялся на репрезентативной выборке ($n > 1000$) путем отбраковки утверждений, снижающих внутреннюю согласованность шкал (с помощью вычисления критерия α-Кронбаха) [7], что привело к сокращению общего количества утверждений с 377 до 270 и разработке следующей версии теста «ПОЛО-Ресурс-2006». Последняя содержала лишь 15% (33 из 220) исходных пунктов теста Аммона и имела два отдельных (мужской и женский) варианта. Данная версия теста позволяла оценивать различные аспекты психолого-профессионального функционирования личности и представлять полученные результаты в виде Я-структурной психограммы (рис. 2). На данном этапе был также разработан автоматизированный алгоритм градации испытуемых на четыре критериальных группы психологического здоровья (ГПЗ). Градация (табл. 1) осуществлялась путем вычисления разности показателей шкал общей конструктивности (Co) и общей дезадаптации (Cd) в принудительно нормализованном Т-приведении. Диапазон значений групп устанавливался эмпирически, а также опирался на общепризнанное мнение, в соответствии с которым отклонения основных психодиагностических показателей более чем на $1{,}5\sigma$ (значения среднего квадратичного отклонения) от среднего арифметического в популяции свидетельствует о снижении функциональных резервов психики и зачастую связано с латентными заболеваниями [6]. Так, в случае выявления у испытуемого превышения значений ресурса психологического здоровья Re более чем на $1{,}5\sigma$ ($Cd - Co \geq 15$ Т-баллов) от среднего его относили к IV ГПЗ, а в случае обратного их соотношения ($Co - Cd \geq 15$ Т-баллов) — к I ГПЗ. Разность показателей общей конструктивности и общей дезадаптации ($Co - Cd$) в пределах от 1 до $(+14)$ Т-баллов являлась основанием для отнесения испытуемого ко II ГПЗ, а от 0 до (-14) — к III ГПЗ.

Важный этап исследований был связан с проверкой «перекрестной» валидности показателей «ПОЛО-Ресурс–2006» путем совместного использования на репрезентативных выборках ряда других психодиагностических методик, валидность которых декларируется как доказанная (МЛО-АМ, УСК, ИЖС, САТ, МИОМ, СУПОС-8, Кейрси, Т. Лири, Дж. Гилфорда, Шварца, Я. Стреляу и др.). Дальнейшая эволюция теста была сопряжена с созданием в 2009 г. психодиагностического комплекса ПОЛО+, в который были включены «ПОЛО-Ресурс–2006» (В. А. Шаповал, 2006), тест оценки ассертивности (В. Каппони, Т. Новак, 1995), шкала креативности (В. А. Шаповал, 2007) и методика исследования профессиональной идентичности (Л. Б. Шнейдер, 2006). Комплекс разрабатывался на платформе ABBYY FlexiCapture 8.0 и был использован в деятельности психологической службы одного из главных управлений МВД России, а также в некоторых академических исследованиях [2].

Возможность оперировать первичными ответами (айтемами) испытуемых на утверждения теста открывает широкие перспективы для проведения психометрической экспертизы психодиагностических методик. Подобная экспертиза осуществляется в виде специальной эмпирико-статистической процедуры отладки теста — айтем-анализа (item analysis), — основной целью которой является получение информации об адекватности функционирования составляющих тест пунктов (утверждений). Айтемы (it) служат эмпирическими индикаторами диагностических концептов (шкал), позволяющими выявлять слабо работающие утверждения и путем их редактирования или удаления повышать надежность и валидность теста [9]. Использование современных информационных технологий позволяет осуществлять как эмпирический (статистический), так и рациональный виды айтем-анализа. Первый обычно состоит в вычислении таких статистических мер функционирования каждого пункта теста, как индекс трудности задания, индекс различитель-

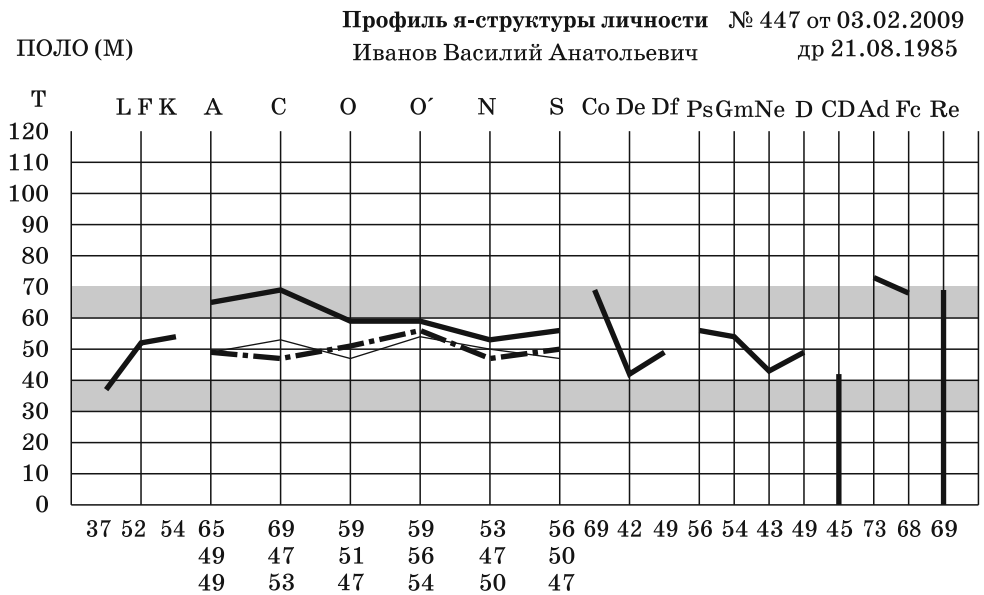


Рис. 2. Компьютерная Я-структурная психограмма теста «ПОЛО-Ресурс»

Примечание. Линия, соединяющая точки значений шкал L, F, K, — профиль шкал достоверности; кривая средней жирности, соединяющая точки значений шести конструктивных шкал (A_1, C_1, O_1, O^*_1, N_1, S_1), — профиль конструктивной составляющей Я-структуры личности; кривая максимальной жирности, соединяющая точки значений шести деструктивных шкал (A_2, C_2, O_2, O^*_2, N_2, S_2), — профиль деструктивной составляющей Я-структуры личности; тонкая кривая, соединяющая точки значений шести дефицитарных шкал (A_3, C_3, O_3, O^*_3, N_3, S_3), — профиль дефицитарной составляющей Я-структуры личности; линия, соединяющая точки значений триады шкал (Co, De, Df), — профиль интегральных шкал Я-структуры личности; линия, соединяющая точки значений тетрады шкал дезадаптации (Ps, Gm, Ne, D_4), — профиль дополнительных шкал ПОЛО; первая вертикальная жирная линия в виде столбика термометра отражает степень выраженности общей социо-психо-соматической проблемности (CD); линия, соединяющая точки значений шкал адаптационного потенциала (AdP) и потенциала активности личности (PAc), — профиль интегральных шкал Я-структуры личности второго уровня; вторая вертикальная жирная линия отражает степень выраженности у испытуемого ресурса психологического здоровья (Re). Светлый срединный коридор профильного листа (40–60 Т-баллов) — средненормативная зона значений показателей; затемненные зоны (60–70 и 40–30 Т-баллов) — пограничные зоны повышения (понижения) показателей; выше и ниже затемненных зон (70–120 и 0–30 Т-баллов) — зона выраженного повышения (понижения) значений показателей теста.

ной способности (дискриминативности) тестового утверждения, коэффициент корреляции пункта с суммарным баллом шкалы, максимальное значение коэффициента ковариации пункта шкалы, а также проведении факторного анализа совокупности пунктов шкалы и определении оценки внутренней согласованности шкалы. Второй предполагает изучение соответствия содержания утверждения опросника тому психологическому конструкту, на измерение которого оно направлено (конструктная, или содержательная валидность), свободы теста от этно-культурных или средовых предубеждений, а также контекста интерпретации конкретным испытуемым семантики вопроса (утверждения) и связывания этого смысла с субъективной гипотезой о цели обследования.

Процедура психометрической экспертизы шкал теста ПОЛО+ началась с то-

Таблица 1

Уровни профессионально-психологического здоровья (по результатам обследования с помощью теста «ПОЛО-Ресурс»)

I ГПЗ	Конструктивный тип Я-идентичности с выраженным преобладанием общей конструктивности над общей деструктивностью и общей дефицитарностью. Отсутствие признаков психопатологии. Высокий уровень конструктивного ресурса личностной идентичности (сбалансированности, гармоничности, адаптивности и активности)
II ГПЗ	В целом конструктивный тип Я-идентичности с невыраженным преобладанием общей конструктивности над общей деструктивностью и общей дефицитарностью. Признаки психопатологии не определяются. Средний уровень конструктивного ресурса личностной идентичности (сбалансированности, гармоничности, адаптивно-компенсаторных возможностей и активности). Наличие отдельных деструктивно-дефицитарных тенденций в Я-структуре личности
III ГПЗ	Деструктивно-дефицитарный тип Я-идентичности с невыраженным преобладанием социо-психо-соматической проблемности (дезадаптации) над общей конструктивностью. Определяется наличие отдельных признаков социально-психологической дезадаптации (того или иного типа в соответствии с показателями тетрады шкал дезадаптации), психологической неустойчивости, предпатологии. В профиле Я-структуры личности в целом отмечается преобладание деструктивно-дефицитарных компонентов над конструктивными (дисбаланс, дисгармоничность, декомпенсация, пассивность и др.)
IV ГПЗ	Выраженный деструктивно-дефицитарный тип Я-идентичности с преобладанием общей дезадаптации над общей конструктивностью. Высокая вероятность явных или латентных отклонений в состоянии психологического здоровья. В профиле Я-структуры личности отмечается выраженное преобладание деструктивно-дефицитарных компонентов центральных Я-функций над конструктивными, а также одного или нескольких типов психической дезадаптации: психосоматического, поведенческого, невротического, психоорганического. Для более детальной характеристики и построения тактики организационно-коррекционных мероприятий требуется обязательное индивидуальное собеседование с детальным анализом индивидуального профиля Я-структуры личности и решением вопроса о целесообразности дополнительного обследования с использованием проективных, психофизиологических и других психодиагностических методик, а также консультация психотерапевта (психиатра)

го, что из приложения Microsoft Office Access, на основе которого была разработана программа обработки теста «ПОЛО-Ресурс», в Microsoft Office Excel экспортировалась матрица данных в виде сырых балльных значений и первичных ответов «верно» (1) или «неверно» (0). Далее вычислялся «индекс трудности» каждого пункта опросника, отражающий степень социальной одобряемости (неодобряемости) реакций испытуемых на утверждения опросника в ситуации принудительного тестирования. Информативными принимались утверждения, доля ответов на которые превышала значения коэффициента $\varphi_{.01}$ $\left(\varphi_{.01} = \frac{2{,}58}{\sqrt{N}}\right)$. Исходя из расчетов по данной формуле, для мужской выборки из 4521 испытуемого пороговое значение «трудности»

заданий составило $0{,}04$ ($p < 0{,}01$). Это означает, что отбраковке и удалению либо замене или переработке подлежат утверждения, которые подавляющим большинством (более 96%) или меньшинством (менее 4%) испытуемых расценивались как «верные» или «неверные», т. е. индекс трудности пункта (ИТП) $\leq 0{,}04$ или $\geq 0{,}96$. Исходя из такого расчета отбраковке подлежали пункты, на которые одинаково ответили менее 4% или более 96% испытуемых. Поскольку подобного рода процедуру целесообразно проводить сразу в отношении всех пунктов опросника, таких отбракованных утверждений в мужской версии ПОЛО+ оказалось 51 (включая 10 пунктов шкалы непрофессионализма методики исследования профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер). Среди таких пунктов оказались психопатологически «нагруженные» утверждения деструктивно-дефицитарных шкал: аггравации ($6\ it$), дефицитарного нарциссизма ($6\ it$), дефицитарной сексуальности ($5\ it$), тормозимого ($5\ it$) и психосоматического ($4\ it$) типов дезадаптации и др.

Процедура психометрической проверки и коррекции ПОЛО+ может быть продемонстрирована на примере шкалы общей конструктивности (Co). На первом этапе путем расчета корреляций каждого пункта с суммой баллов по шкале оценивался вклад каждого утверждения теста в исследуемую шкалу. Далее шкала «обогащалась» путем включения положительно коррелирующих с ней новых пунктов, что привело к возрастанию числа утверждений шкалы с 35 до 93. Вторым этапом было определение индекса дискриминативности (различительной способности) утверждений, включенных в шкалу. Для этой цели вычислялась разность средних значений пунктов (соответствующих утверждениям шкалы) контрастных групп испытуемых, набравших самые высокие (27%) и самые низкие (27%) суммарные баллы по шкале. Контрастные группы испытуемых определялись с помощью опции «частоты» программы SPSS Statistics 17.0, позволяющей выводить частотные таблицы с указанием частоты встречаемости в выборке испытуемых, набравших по шкале тот или иной балл (от минимального до максимального) с указанием валидного и кумулятивного процентов, а также задавать необходимые значения процентилей для определения соответствующих им сырых баллов шкалы. Контрастные группы испытуемых отбирались по суммарному баллу шкалы, соответствующему зоне значений ниже 27 и выше 73 процентилей. Отбраковке подлежали утверждения шкалы, имеющие индекс дискриминативности (Id) $< 0{,}25$. После проведения данной процедуры в шкале Co из 93 пунктов осталось 77 со средним индексом дискриминативности ($Id_{\text{ср.}}$), равным $0{,}44$. Третьим шагом была процедура отсева неинформативных пунктов по степени связанности с другими утверждениями данной шкалы на основе определения максимальных значений квадратов коэффициентов межпунктовых корреляций для каждого утверждения, их ранжирования и последующей отбраковки пунктов с низкими и одного из пары с крайне высокими значениями [5]. На данном этапе осуществлялся переход от чисто статистического к содержательному анализу утверждений. В результате данной процедуры число пунктов шкалы уменьшилось с 77 до 66. На четвертом шаге в отношении оставшихся пунктов шкалы повторялась процедура расчета индекса их дискриминативности, а на пятом — осуществлялась оценка внутренней согласованности шкалы (опция SPSS Statistics 17.0 «анализ пригодности»; модель: «альфа», «разделенный пополам», «Гуттмана»).

В итоге после проведения указанных процедур окончательный вариант шкалы общей конструктивности для сотрудников-мужчин включал в себя 66 валидных утверждений при статистически достоверной трудности заданий, обладающих высокой дискриминативной способностью ($Id_{\text{ср.}} = 0{,}42$) и внутренней согласованностью (α-Кронбаха $= 0{,}91$ при показателях коэффициентов Спирмена–

Брауна и половинного расщепления Гуттмана также равных 0,88). Коэффициент корреляции между формами разделенной пополам шкалы составил 0,78. Полученные данные свидетельствуют о хорошей надежности разработанной шкалы.

При среднем значении, равном 43,17 сырых баллов, и стандартном отклонении, равном 11,1 (для $n = 4521$), визуально гистограмма шкалы общей конструктивности имела вид распределения, близкого к нормальному (рис. 3), хотя при расчете статистических критериев (Колмогорова–Смирнова, эксцесса) была выявлена анормальность распределения. В этой связи перевод сырых показателей шкалы в Т-баллы целесообразно осуществлять не по формуле $\mathrm{T} = 50 + [10(x - m)/\sigma]$, где x — сырой балл, а m и σ — среднее арифметическое и стандартное отклонение, полученные на выборке стандартизации, а путем процедуры принудительной нормализации на основе таблицы частот.

Содержательный анализ 66 айтемов (it), вошедших в шкалу Co, показал, что кроме пунктов шести конструктивных шкал Я-структуры личности «ПОЛО-Ресурс»: C_1 — 11 it (17%), A_1, O_1, S_1 — по 9 it (14%), N_1 — 8 it (12%), O_1^* — 6 it (9%), в нее вошли пункты шкалы ассертивности — 6 it (9%), креативности — 5 it (8%) и по 1 пункту (2%) из шкал дефицитарного страха (касающийся стремления находить логичные объяснения неприятностям), деструктивного внутреннего Я-отграничения (касающийся отсутствия страха пребывания в криминальной среде) и неискренности (касающееся подтверждения использования возможности получить что-нибудь дефицитное по знакомству).

Далее исследовалась возможность факторного анализа айтем-пространства интегральной шкалы общей конструктивности (Co). Состоятельность факторных оценок дихотомических данных на основе факторного моделирования была доказана К. Ибрелла (1980) при условии простой факторной структуры, а также высоких значений общностей и факторных нагрузок переменных [4]. На целесообразность выполнения факторного анализа в данном случае нам указывали высокие значения критерия адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина ($\mathrm{KMO} = 0{,}95$) и статистически достоверный результат по критерию сферичности Бартлетта ($p < 0{,}0001$). Для наиболее удачного объединения пунктов шкалы (переменных) в факторы нами использовалась факторная модель с методом выделения «максимальное правдоподобие», позволяющим оценить статистическую значимость «качества подгонки» — полноты факторизации по распределению остаточных коэффициентов корреляции. Наиболее доступная для интерпретации факторная структура при данном соотношении переменных и факторов достигалась за счет применения метода аналитического вращения факторов «варимакс с нормализацией Кайзера» [8]. При определении оптимального количества факторов мы руководствовались: 1) графиком собственных значений (диаграммой каменистой осыпи), 2) кумулятивным процентом дисперсии факторного решения, 3) статистической значимостью «качества подгонки» (критерий согласия) и 4) количеством пунктов, вошедших в каждый фактор. С учетом изложенного оптимальная факторизация айтем-пространства интегральной шкалы общей конструктивности указанным методом позволила объединить ее 66 утверждения в три фактора-шкалы. Первый фактор (Cof_1) включал 36 утверждений, второй и третий (Cof_2, Cof_3) — по 15 пунктов каждый.

Структура первого фактора, или шкалы Cof_1 (36 it) была представлена следующим образом: C_1 — 9 it (25%), O_1 — 7 it (19%), A_1 — 6 it (17%), N_1 и шкала ассертивности (As) — по 5 it (по 14%), а также по 1 пункту (по 3%) шкал C_3, O_1^*, O_2^* и креативности (Cr). На основании содержательного анализа входящих в него утверждений фактору было дано рабочее название «психологическая устойчивость», или «общая конструктивность ядра личности». Второй фактор, или шкала Cof_2 (15 it) качественно был представлен пунктами

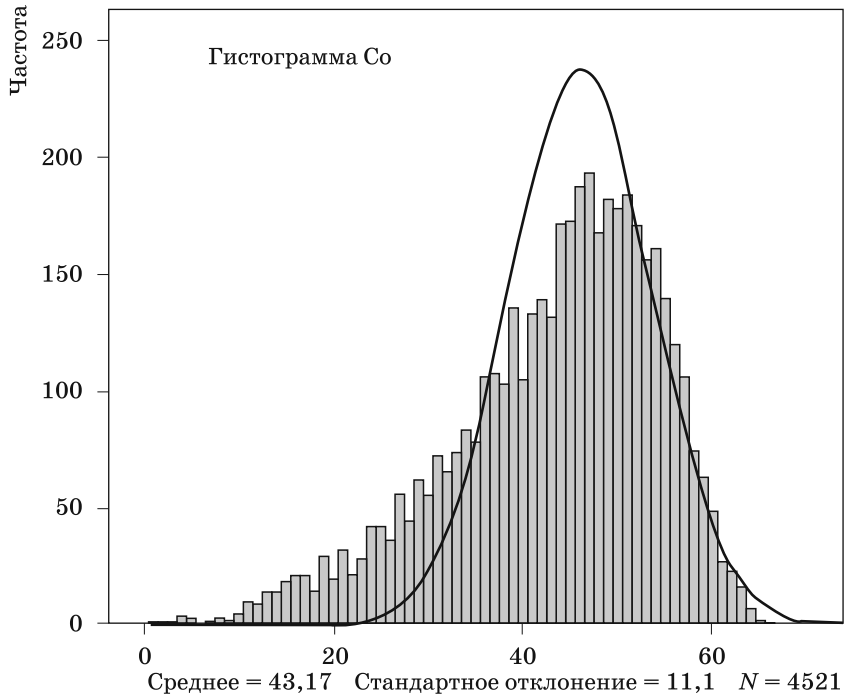


Рис. 3. Распределение показателей шкалы общей конструктивности в репрезентативной выборке мужчин

шкал: O_1^* — 4 it (27%), A_1 — 3 it (20%), креативности (Cr) — 3 it (20%) и по 1 пункту (по 7%) шкал C_1, O_1 и ассертивности (As). На основании содержательного анализа входящих в него утверждений фактору было дано рабочее название «интуиция». Третий фактор, или шкала $Cof3$ (15 it) включал 9 пунктов шкалы конструктивной сексуальности — S_1 (60%) и по 1 пункту (по 7%) шкал C_1, O_1, $O^*{}_1$, N_1, креативности (Cr) и неискренности (L). На основании содержательного анализа входящих в него утверждений фактору было дано рабочее название «конструктивная сексуальность».

Аналогичная психометрическая процедура проводилась в отношении всех остальных шкал мужской и женской версий теста. Анализ интеркорреляций интегральных шкал «ПОЛО-Ресурс» и их факторов (табл. 2) показал особую психодиагностическую ценность первых факторов шкал общей конструктивности (Cof_1) и общей дезадаптации (Cdf_1). Эти факторы имели наибольший вес (долю дисперсии) в структуре исходных шкал и были отрицательно сопряжены между собой ($p < 0{,}01$). Наибольшее значение отрицательного коэффициента корреляции было обнаружено при сравнении шкал Cof_1 и Cdf_1k. Последняя представляет собой первый фактор шкалы общей дезадаптации (48 it) с добавлением 10 наиболее валидных утверждений первого фактора шкалы диссимуляции (K).

Включение в психодиагностический комплекс ПОЛО+ методики исследования профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер (2006) позволило нам провести исследование, подтвердившее корректность рассмотрения субъектно-профессиональной идентичности сотрудника как проявление Я-идентичности сквозь призму его профессионального выбора. Профессиональный выбор может осуществляться путем конструктивной самореализации

Таблица 2

Интеркорреляции (по Пирсону) показателей интегральных шкал «ПОЛО-Ресурс» и их факторов (мужская выборка, n = 4521)

Шкалы	Cd	Cdf_1	Cdf_2	Cdf_3	Cdf_1k
Co	,261**	,092**	,377**	,280**	,013
Cof_1	,049**	–,100**	,189**	,143**	–,162**
Cof_2	,428**	,302**	,503**	,290**	,217**
Cof_3	,379**	,235**	,414**	,380**	,175**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

или носить деструктивно-дефицитарный (компенсаторно-приспособительный) характер, реализуясь через психопатологические симптомы и мотивы (рис. 4). При этом на основе результатов обследования сотрудников с помощью шкал «профессионал» и «непрофессионал» МИПИ, построенных на принципах прямого и цепного ассоциативного теста и используемых в качестве «перекрестного валидизатора», нами были разработаны шкалы «ПОЛО-Ресурс» для оценки субъектно-профессиональной идентичности сотрудников [14].

Сначала с помощью корреляционного анализа из всего массива утверждений психодиагностического комплекса отбирались пункты (it), наиболее сильно коррелирующие с суммарными показателями шкал МИПИ (предварительно реструктурированных с помощью процедуры психометрической айтем-коррекции), на основе которых были получены две первичных шкалы «профессионализма» и «непрофессионализма». Далее они подвергались описанной выше на примере шкалы общей конструктивности процедуре психометрической экспертизы и айтем-коррекции. В результате на основе пунктов «ПОЛО-Ресурс» (с добавлением шкал креативности и ассертивности) нами были получены две шкалы, имеющие высокие психометрические характеристики: 1) *профессионализма* (Pr) (73 it; α-Кронбаха = $0{,}92$; коэффициент половинного расщепления Гуттмана = 0,87) и 2) *непрофессионализма* (Np) (93 it; α-Кронбаха = $0{,}92$; коэффициент Гуттмана = 0,8). Коэффициент интеркорреляции полученных шкал, несмотря на отсутствие совпадений утверждений, составил 0,27 ($p < 0{,}01$), в то время как у исходных шкал МИПИ он был равен 0,64, в том числе после их психометрической коррекции (0,38). Далее с помощью факторного анализа первичных выборов испытуемых была получена трехфакторная модель шкалы Pr и четырехфакторная модель шкалы Np. Корреляционный анализ факторов (табл. 3) выявил наличие значимой обратной зависимости лишь между первыми факторами полученных шкал ($r = -0{,}052$) ($p < 0{,}01$), в то время как между остальными факторами обнаруживалась выраженная положительная связь (r от $0{,}16$ до $0{,}46$) ($p < 0{,}01$). Наибольшее значение отрицательного коэффициента корреляции было обнаружено при сравнении взаимосвязи шкал Prf_1 и Npf_1k, имеющих наибольший вес (долю дисперсии) в структуре исходных общих шкал Pr и Np. Шкала Npf_1k представляет собой первый фактор шкалы непрофессионализма (47 it) с добавлением 11 наиболее валидных утверждений первого фактора шкалы диссимуляции (K). Очевидно, что данные шкалы учитывались нами при разработке алгоритма итоговой оценки субъектно-профессиональной идентичности сотрудника.

Содержательная структура полученных шкал оказалась во многом похожа на вышеприведенную структуру интегральных шкал «ПОЛО-Ресурс», используемых для оценки профессионально-психологического здоровья. Суммарное

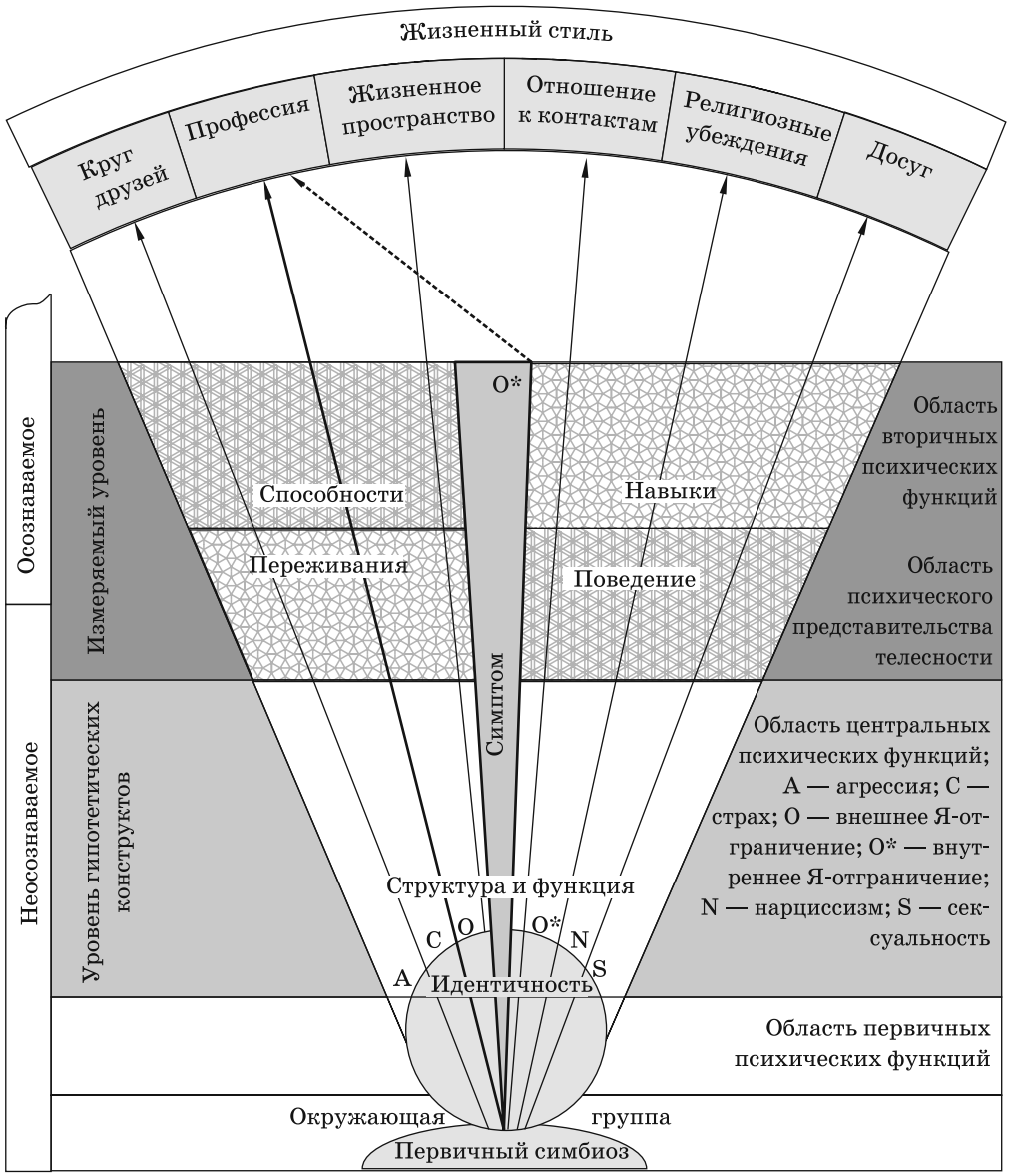


Рис. 4. Я-структурная модель личности Г. Аммона (Динамическая психиатрия, 1990, с. 254), в редакции В. А. Шаповала

Примечание. *Сплошной полужирной стрелкой* указан путь аутентичного прихода индивидуума в профессию, обусловленный преобладанием конструктивных центральных (находящихся в области бессознательного) Я-функций (агрессии, страха, внешнего и внутреннего Я-отграничения, нарциссизма и сексуальности) [15]; *пунктирной стрелкой* — профессиональный выбор, компенсирующий имеющую место проявленную или латентную психопатологическую симптоматику или личностную незрелость (обусловленный преобладанием деструктивно-дефицитарных центральных Я-функций личности над конструктивными).

Таблица 3

Интеркорреляции показателей интегральных шкал профессионализма и непрофессионализма «ПОЛО-Ресурс» и их факторов (мужская выборка, *n* = 4521, по Пирсону)

Шкалы	Np	Npf_1	Npf_2	Npf_3	Npf_4	Npf_1k
Pr	,272**	,047**	,332**	,327**	,350**	–,006
Prf_1	,164**	–,052**	,315**	,186**	,250**	–,093**
Prf_2	,277**	,074**	,367**	,366**	,241**	,038*
Prf_3	,326**	,191**	,135**	,379**	,455**	,129**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

значение шкалы Prf_1 наиболее сильно коррелировало с такими понятиями шкалы «профессионал» МИПИ, как «усердие», «совершенствование», «преданность делу», «компетентность» ($r \geqslant 0{,}3$, $p < 0{,}01$), а значения шкалы Npf_1 — с такими понятиями шкалы «непрофессионал» МИПИ, как «тревога», «промахи», «ошибки», «претензии» ($p < 0{,}01$), а также отрицательно с такими, как «преданность делу», «профессионализм», «собранность», «компетентность», «усердие», «активность», «надежность», «знания» ($p < 0{,}01$) и др.

Алгоритм градации испытуемых на группы (категории) с разным уровнем субъектно-профессиональной идентичности, так же как и алгоритм градации на группы психологического здоровья, основан на сопоставлении (вычислении разности) значений пар противоположных по психодиагностической направленности шкал: $Pr - Np$; $Prf_1 - Npf_1$; $Prf_1 - Npf_1k$ в принудительно нормированном Т-приведении.

Создание обширной базы психологических данных, характеризующих специфическую (институциональную) выборку испытуемых, побудило авторов к проверке разработанного диагностического инструментария путем сопоставления результатов теста с внешним критерием — экспертной оценкой испытуемых. По заданию руководителя психологической службы одного из главных управлений МВД психологами подразделений были сформированы две полярные группы сотрудников, существенно отличающиеся от остальных по экспертным оценкам успешности профессиональной деятельности. При отборе групп использовались мнения непосредственных руководителей, коллег, наличие поощрений, взысканий, принадлежность сотрудника к группе повышенного психолого-педагогического внимания и др.

В первую группу наиболее успешных сотрудников были отобраны 98 мужчин (средний возраст 34,7 года) и 31 женщина (средний возраст 33,0 года), во вторую группу наименее успешных — 63 мужчины (средний возраст 33,8 лет) и 13 женщин (средний возраст 29,0 лет). Сотрудники обеих групп за несколько месяцев до экспертного оценивания обследовались с применением методики ПОЛО+. Для статистического анализа данных нами применялась компьютерная программа SPSS Statistics 17.0. Результаты проверки по критерию t-Стьюдента принимались во внимание, если дисперсии по критерию Ливена не различались ($p > 0{,}05$). В случае выявления по критерию Ливена достоверного различия дисперсий сопоставление осуществлялось с использованием непараметрического критерия *U*-Манна—Уитни [8]. Достоверных различий по возрасту у мужчин и женщин сравниваемых групп не отмечено.

Установлено, что «успешные» мужчины отличались от «неуспешных» по следующим шкалам личностной конструктивности: $C1$ ($p < 0{,}001$), A_1, O_1 и N_1 ($p < 0{,}05$), а также по интегральной шкале Co ($p < 0{,}01$) и производным шка-

лам адаптационного потенциала (AdP), потенциала активности (PA_c) и ресурса психологического здоровья (Re) ($p < 0{,}001$). В свою очередь, неуспешные, кроме более низких показателей по вышеуказанным шкалам, имели более высокие показатели по шкалам C_2, A_3, O^*_3, N_3 и S_3 ($p < 0{,}05$), а также по интегральной шкале общей дефицитарности (Df) ($p < 0{,}01$) и общей дезадаптации (Cd) ($p < 0{,}05$). Наряду с этим для этих лиц были свойственны высокие показатели по трем из четырех шкал дезадаптации: Ps ($p < 0{,}01$), Gm и Ne ($p < 0{,}01$). У них же были выявлены высокие показатели шкал методики профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер — как по шкале «непрофессионал», так и (как это ни парадоксально) по шкале «профессионал» ($p < 0{,}05$).

В женской выборке у «успешных» отмечены более высокие показатели по всем конструктивным шкалам Я-структуры личности, за исключением шкалы O_1. Наиболее выраженные различия отмечены по шкалам A_1 и C_1 ($p < 0{,}01$). Успешные сотрудницы отличались также более высокими показателями шкал Co ($p < 0{,}01$), адаптационного потенциала (AdP), потенциала активности (PA_c) ($p < 0{,}001$) и ресурса психологического здоровья (Re) ($p < 0{,}01$). Из всего перечня деструктивно-дефицитарных шкал значимые отличия в сторону повышения у неуспешных сотрудниц были выявлены лишь по шкале O_2 ($p < 0{,}05$). Таким образом, полученные результаты подтвердили валидность теста «ПОЛО-Ресурс» для выявления и прогноза профессионально-психологической успешности сотрудников. Валидность шкалы «профессионализм» МИПИ в отношении данной категории испытуемых подтвердить не удалось.

Полученные данные позволили обосновать возможность использования теста ПОЛО+ для разработки шкалы профессионально-психологической успешности [16]. Процедура разработки шкалы осуществлялась на репрезентативной выборке (4521 мужчины и 814 женщин) и включала несколько этапов. Вначале были отобраны утверждения теста, по которым отмечались значимые различия у представителей полярных групп (по критериям t-Стьюдента, Ливена и U-Манна-Уитни). В мужской выборке таких утверждений оказалось 68 (32 принимаемых и 36 отвергаемых). В женской выборке таких пунктов оказалось 61 (39 принимаемых и 22 отвергаемых). На втором этапе в Microsoft Excel из первичных выборов (принимаемые отмечались как «1», а отвергаемые — как «0») отобранных пунктов ПОЛО+ была составлена матрица шкалы «успешности» (Us), общий сырой балл по которой для каждого из обследованных сотрудников подсчитывался как сумма положительных и отрицательных выборов входящих в нее утверждений. Далее применялась описанная выше на примере шкалы Co процедура психометрической коррекции, после проведения которой окончательный вариант шкалы профессионально-психологической успешности для сотрудников-мужчин (Us_m) включал в себя 40 валидных утверждений (27 утвердительных и 13 отрицательных) при высокой дискриминативной способности ($Id_{\text{ср.}} = 0{,}47$) и внутренней согласованности (α-Кронбаха $= 0{,}83$ при показателях коэффициентов Спирмена—Брауна и половинного расщепления Гуттмана также равных 0,83). Коэффициент корреляции между формами разделенной пополам шкалы составил 0,71. Полученные данные свидетельствуют о надежности разработанной шкалы. Содержательно «положительная» часть шкалы Us_m (27 it) состояла из утверждений всех шести конструктивных шкал Я-структуры личности «ПОЛО-Ресурс»: O_1 (7 it), A_1 и C_1 (по 6 it), N_1 и S_1 (по 3 it), O^*_1 и C_3 (по 1 it). В отвергаемую часть шкалы Us_m (13 it) вошли утверждения трех деструктивных шкал A_2 и N_2 (по 2 it), C_2 (1 it) и трех дефицитарных: A_3, O^*_3, N_3 (по 2 it), а также шкалы L и Ne (по 1 it).

Аналогичная шкала для сотрудников женского пола состояла из 29 утверждений (26 утвердительных и 3 отрицательных) при высокой дискриминативной способности ($Id_{\text{ср.}} = 0{,}54$) и внутренней согласованности (α-Кронбаха $= 0{,}84$ при

показателях коэффициентов Спирмена—Брауна 0,83 и половинного расщепления Гуттмана 0,82). Коэффициент корреляции между формами разделенной пополам шкалы составил 0,71. Качественный анализ содержания утверждений, вошедших в женский вариант шкалы успешности (Us_f), показал, что ее «положительная» часть (26 it) так же, как и в мужской шкале, включает в себя утверждения из всех шести конструктивных шкал Я-структуры личности «ПОЛО-Ресурс»: C_1 (6 it), A_1 и $O^*{}_1$ (по 4 it), N_1 и S_1 (по 3 it), O_1 (2 it), а также шкалы креативности Cr (2 it), O^*_2 и As (по 1 it). Отвергаемая часть шкалы Us_f (3 it) включала в себя по одному утверждению шкал A_3, N_3 и шкалы лжи (L).

На экспериментальном материале мужской выборки сотрудников ($n = 4521$) была установлена положительная корреляционная связь ($p < 0{,}001$) значений шкалы Us_m со всеми 33 понятиями шкал МИПИ Л. Б. Шнейдер. Наиболее выраженной она оказалась с такими дефинициями шкалы «профессионал», как удовлетворенность, преданность делу, уважение, упорство, ум, совершенствование, компетентность, умение, мастерство, эффективность, профессионализм, активность, самостоятельность, квалификация, надежность, цель, уверенность, образованность, знания, внимательность, опыт, ответственность, навык, карьера, дисциплина, ловкость. Сюда же вошли такие положительно коррелирующие с ней утверждения шкалы «непрофессионал», как общение и обучающийся. Статистически значимые отрицательные корреляции шкалы Us_m выявлены с такими понятиями, как безволие, пессимизм, кризис, безделушки, наивность.

Экспериментальные данные, полученные на женской выборке сотрудников ($n = 814$), позволили установить положительную корреляционную связь ($p < 0{,}001$) значений шкалы Usf с такими понятиями шкалы «профессионал» МИПИ, как надежность, азарт, независимость, ловкость.

С учетом отличия распределения «сырых» баллов шкалы успешности от нормального осуществлялась процедура их принудительной нормализации с расчетом таблицы тестовых норм для их перевода в стандартизованные Т-баллы [8].

Таким образом, психометрическая экспертиза результатов психодиагностического обследования репрезентативных институциональных выборок испытуемых с использованием широких возможностей корреляционного, факторного и айтем-анализа привела к созданию последней усовершенствованной и сокращенной (до 190 утверждений в мужском и 208 утверждений в женском варианте) версии «ПОЛО-Ресурс–2012», предназначенной для массовых скрининговых и мониторинговых обследований государственных служащих. В отличие от предшествующих версий в данном варианте была использована применяемая в MMPI технология включения одного и того же утверждения в состав нескольких шкал, в связи с чем сокращение количества утверждений не повлияло на качество опросника. Кроме шкал теста «ПОЛО-Ресурс-2006» новая версия теста содержит: шкалу креативности; разработанные на основе принципа перекрестной валидизации с параметрами теста профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер [17] шкалы профессионализма и непрофессионализма; созданную на основе внешнего критерия успешности профессиональной деятельности государственных служащих шкалу профессионально-психологической успешности [16]; новые, отличающиеся от исходных шести конструктов теста Аммона (см. рис. 1) шкалы факторной структуры общей конструктивности, общей дезадаптации, профессионализма и непрофессионализма. С помощью указанных шкал на основе соотношения ресурсных и лимитирующих компонентов Я-структуры личности сотрудника осуществляются оценка и прогнозирование таких его неспецифических личностных компетенций, как *профессионально-психологическое здоровье*, *субъектно-профессиональная идентичность* и *профессионально-психологическая успешность*.

Данные показатели с помощью специально разработанной технологии могут быть интегрированы в итоговый *индекс профессионально-психологической надежности*, позволяющий осуществлять градацию обследуемых на четыре квалификационные категории. Точное измерение такой квалификации представляется нам необходимым для решения задач психологического обеспечения деятельности государственных служащих на этапах отбора, аттестации, формирования кадрового резерва и разработки индивидуальных планов профессионального развития. Процедура разделения на указанные категории будет представлена в следующем номере журнала.

Литература

1. *Бочаров В. В., Шаповал В. А.* Новые методы психодиагностики в медико-психологическом обеспечении процесса подготовки офицерских кадров для ВВ МВД России // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПб Академия МВД России, 1998.
2. *Голянич В. М., Тулупьева Т. В., Шаповал В. А.* Ценностная согласованность и психодинамическая репрезентация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12: Психология. Педагогика. Социология. Вып. 1. С. 140–150.
3. *Ельяшевич А. М., Шаповал В. А., Ярошевская Е. Ю.* Индивидуальная оценка погрешности измерения психометрических характеристик с помощью психодиагностических опросников, применяемых для решения задач медико-психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел России // Юбилейная конференция Московского психологического общества. М., 2005.
4. *Ибрелла К.* Факторный анализ. М., 1980.
5. *Мельников В. М., Ямпольский Л. Т.* Введение в экспериментальную психологию личности: Учеб. пособие для слушателей ИПК. М.: Просвещение, 1985. С. 141–143.
6. *Мягких Н. И.* Генезис профессионального психологического отбора в органах внутренних дел Российской Федерации (концептуальные подходы, принципы, критерии, технологии). М., 2005.
7. *Наследов А. Д.* SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
8. *Наследов А. Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2006.
9. *Психологическая* энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.
10. *Шаповал В. А., Бочаров В. В.* Я-структурный тест Г. Аммона: перспективы использования в психологическом обеспечении учебно-воспитательного процесса в ввузе // 200 лет МВД: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПб Академия МВД России, 1998.
11. *Шаповал В. А.* Психодинамически ориентированный метод оценки и прогнозирования психического здоровья курсантов вуза МВД РФ — ПОЛО-РЕСУРС // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Юридическая психология: современные технологии психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительной системы». СПб.: СПб Ун-т МВД России, 2005.
12. *Шаповал В. А.* Психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел как предмет исследования ведомственных психологов: новые подходы к оценке и прогнозированию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1 (41). С. 232–246.
13. *Шаповал В. А.* Разработка метода диагностики профессиональной идентичности сотрудников ОВД в контексте психодинамического подхода // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел России и зарубежных государств в контексте современных научных исследований: Мат-лы междунар. науч.-теорет. конф. адъюнктов и докторантов (Санкт-Петербург, 17 июня 2010 г.): В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. С. 141–147.
14. *Шаповал В. А.* Ресурсно-субъектный подход к оценке профессиональной идентичности сотрудников полиции при массовых психодиагностических обследованиях // Профессиональный и организационный стресс: диагностика, профилактика и коррекция:

Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Астрахань, 7–8 октября 2011 г.) / Под ред. Б. В. Кайгородова, Н. В. Майсак. Астрахань: Астраханский гос. ун-т; ИД «Астраханский университет», 2011. С. 94–97.
15. *Шаповал В. А., Голянич В. М.* Обоснование инновационной технологии оценки персонала // Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 13–27.
16. *Шаповал В. А., Голянич В. М., Подкорытова И. В., Еников К. К.* Методологические проблемы разработки эффективных технологий диагностики профессионально-психологической успешности сотрудников организации // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2012. Т. 3, вып. 3 (7). С. 278–308.
17. *Шнейдер Л. Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2006.
18. *Ярошевская Е. Ю., Ельяшевич А. М., Шаповал В. А.* Моделирование индивидуальных вероятностных оценок психометрических характеристик при усовершенствовании и разработке психодиагностических опросников для профессионального психологического отбора и психологического мониторинга сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 318–323.

References

1. *Bocharov V. V., Shapoval V. A.* New methods of psychodiagnostics in medical and psychological ensuring process of preparation of officer shots for Ministry of Internal Affairs of Russia // Legality, operational search activity and criminal process: Materials of the international scientific and practical conference. SPb.: SPb Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998.
2. *Golyanich B. M., Tulupyeva T. V., Shapoval V. A.* Valuable coherence and psychodynamic representation of the personality // Messenger of the St. Petersburg State University. 2010. Vol. 12: Psychology. Pedagogics. Sociology. P. 1. P. 140–150.
3. *Elyashevich A. M., Shapoval V. A., Yaroshevskaya E. Yu.* Individual assessment of an error of measurement of psychometric characteristics by means of the psychodiagnostic questionnaires applied to the solution of problems of medical and psychological ensuring professional activity of staff of law-enforcement bodies of Russia // Anniversary conference of the Moscow psychological society. M., 2005.
4. *Ibrella K.* Factorial analysis. M., 1980.
5. *Melnikov V. M., Yampolsky L. T.* Introduction in experimental psychology of the personality: Manual for listeners of IPK. M.: Education, 1985. P. 141–143.
6. *Myagkih N. I.* Genesis of professional psychological selection in law-enforcement bodies of the Russian Federation (conceptual approaches, the principles, criteria, technologies). M., 2005.
7. *Nasledov A. D.* SPSS: The computer analysis of data in psychology and social sciences. 2nd ed. SPb.: Piter, 2006.
8. *Nasledov A. D.* Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data. SPb.: Speech, 2006.
9. *Psychological* encyclopedia. Under the editorship of R. Korsini, A. Auerbach. 2nd ed. SPb.: St. Petersburg, 2006.
10. *Shapoval V. A., Bocharov V. V.* I-structural test of G. Ammon: using prospects in psychological ensuring teaching and educational process in higher education institution // 200 years of the Ministry of Internal Affairs: Materials of the international scientific and practical conference. SPb.: SPb Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998.
11. *Shapoval V. A.* Psychodynamic oriented method of an assessment and forecasting of mental health of cadets of higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Materials of the Russian scientific and practical conference «Legal psychology: modern technologies of psychological ensuring operational and service activity of staff of law-enforcement system». SPb.: SPb University of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005.
12. *Shapoval V. A.* Psychological health of staff of law-enforcement bodies as object of research of departmental psychologists: new approaches to an assessment and forecasting // Messenger of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. N 1 (41). P. 232–246.
13. *Shapoval V. A.* Development of a method of diagnostics of professional identity of staff of Department of Internal Affairs in a context of psychodynamic approach // Law-enforcement activity of law-enforcement bodies of Russia and the foreign states in a context of modern

scientific researches: materials of the international scientific and theoretical conference of graduateds and doctoral candidates. (St. Petersburg, on June 17, 2010): In 2 parts: P. 2. SPb.: Publishing house of SPb University of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. P. 141–147.

14. *Shapoval V. A*. Resource and subject approach to an assessment of professional identity of police officers at mass psychodiagnostic inspections // Professional and organizational stress: diagnostics, prevention and correction: materials of the Russian scientific and practical conference with the international participation. (Astrakhan, on October 7–8, 2011) / Under the editorship of B. V. Kaygorodov, N. V. Maysak. Astrakhan: Astrakhan State University; Astrakhan University Publishing house, 2011. P. 94–97.
15. *Shapoval V. A., Golyanich V. M.* Justification of innovative technology of performance appraisal // Administrative consultation. 2013. N 4. P. 13–27.
16. *Shapoval V. A., Golyanich V. M., Podkorytova I. V., Enikov K. K*. Methodological problems of development of effective technologies of diagnostics of professional and psychological success of staff of the organization // Scientific works of the North-West Institute of Management — branch of RANEPA of the President of Russia 2012. Vol. 3, part. 3 (7). P. 278–308.
17. *Schneider L. B.* Personal, gender and professional identity: theory and diagnostics methods. M., 2006.
18. *Yaroshevkaya E. Yu., Elyashevich A. M., Shapoval V. A.* Modeling of individual probabilistic estimates of psychometric characteristics at improvement and development of psychodiagnostic questionnaires for professional psychological selection and psychological monitoring of staff of law-enforcement bodies // Messenger of the SPb Univercity of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. N 3 (31). P. 318–323.

В. А. Овчинников **V. A. Ovchinnikov**

Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка

Declaration on the State Sovereignty of RSFSR and its Legal Assessment

Овчинников Валентин Алексеевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург).
Профессор кафедры конституционного права
Кандидат юридических наук, кандидат технических наук, доцент
intlaw@szags.ru

Ovchinnikov Valentin Alekseevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of Chair of a Constitutional Law
PhD in jurisprudence, PhD in Technical Sciences, Associate professor
intlaw@szags.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
декларация, автономные республики, государственный суверенитет, федеральный договор, властные полномочия

KEY WORDS
declaration, autonomous republics, state sovereignty, federal contract, powers of authority

РЕФЕРАТ
В статье представлены различные точки зрения на проблему принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР, дана подробная оценка ситуации, сложившейся в России после принятия соответствующего закона о разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации и Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

ABSTRACT
The various points of view on a problem of adoption of the Declaration About the state sovereignty of RSFSR are presented in the article. The detailed assessment of the situation, developed in Russia after adoption of the relevant law on delineation of authorities between USSR and subjects of federation and the Declaration About the state sovereignty of RSFSR is given.

Первый съезд народных депутатов РСФСР, который состоялся 12 июня 1990 г., принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР в составе обновленного Союза ССР. Декларации о государственном суверенитете РСФСР предшествовал Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» от 26 апреля 1990 г., по которому вместо 15 субъектов Федерации в лице 15 союзных республик субъектами Союза ССР стали еще 20 автономных республик, из них 16 республик находились на территории РСФСР. Возникла проблема осуществления властных полномочий органами РСФСР на территории этих 16 республик.

Вопрос заключался в том, что эти автономные республики в соответствии с системой Российской Федерации входили в состав союзных республик и находились в структуре советской многоуровневой иерархической системы. В законе СССР от 26 апреля 1990 г. было записано: «Отношения автономных республик, автономных образова-

ний с союзными республиками, в состав которых они входят, определяются соглашениями и договорами...»[1].

Если бы эти нормы были реализованы, то органы государственной власти РСФСР не могли бы контролировать практически половину территории РСФСР, поскольку 16 автономных республик напрямую подчинялись бы союзному центру. В этом случае в составе оставались только территории краев и областей. В подобных условиях РСФСР становилась аморфным территориально-государственным образованием, и если бы верховные власти России не приняли соответствующие меры, то, по мнению ряда авторов [1, с. 114], РСФСР постигла бы участь СССР. Поэтому в целях сохранения целостности РСФСР 12 июня 1990 г. I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Правоведами, политиками, а также учеными родственных юриспруденции профессий принятый документ оценивается по-разному.

Большинство специалистов оценивает ее позитивно и считает, что Декларация стала началом процесса конституционно-правового оформления нового государственного статуса России. В основе этих взглядов на оценку Декларации лежат принципы, которые заложены в этом правовом акте: она впервые провозгласила важнейшие демократические основы построения государственной власти в России на принципах федерализма и разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Так, в п. 9 Декларации говорится, что «Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР».

Конкретные вопросы осуществления этих прав должны определяться законодательством РСФСР «о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации», в п. 13 сказано, что и «разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства»[2], а в п. 4 документа подчеркивается, что «государственный суверенитет РСФСР провозглашается во имя высших целей — обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование своим языком, а каждому народу — на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах»[3].

Принципы, заложенные в этом документе, конечно, послужили основой нового российского государства, российского федерализма, а требования, высказанные по проблеме прав и свобод человека и гражданина, нашли в дальнейшем отражение в Конституции Российской Федерации.

Несмотря на критическое, противоречивое и неоднозначное толкование в юридической и политической литературе п. 5 Декларации, важно отметить, что именно на основе содержания его норм в последующем развивались новые направления российского законодательства. В этом пункте сказано, что «для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается:

- полнота власти РСФСР при решении вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР;
- верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории. Разногласия между Республикой и Союзом разрешаются

[1] Законы, постановления и другие акты, принятые на третьей сессии Верховного Совета СССР. М., 1990. С. 346.

[2] Сборник документов, принятых первым–шестым съездами народных депутатов Российской Федерации. М., 1992. С. 70.

[3] Там же. С. 69.

в порядке, устанавливаемым Союзным договором;
- исключительное право народа на владение, пользование и распоряжение национальным богатством России;
- полномочное представительство РСФСР в других союзных республиках и зарубежных странах;
- право Республики участвовать в осуществлении полномочий, преданных Союзу ССР»[1].

Фактически же принятие Декларации послужило одной из причин развала Союза ССР. Декларация стала детонатором процессов суверенизации Союзных и автономных республик Союза ССР. После принятия Декларации процесс суверенизации активизировался. Практически все автономные республики в составе РСФСР отказались от статуса автономий и приняли свои декларации о государственном суверенитете. Четыре российские автономные области из пяти (Адыгейская, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская и Хакасская) провозгласили себя республиками. Некоторые автономные округа заявили о выходе из состава краев и областей, в состав которых они территориально входили, а некоторые из них продекларировали свой правовой статус до статуса республик.

Надо полагать, что не только решения I съезда народных депутатов РСФСР, а прежде всего непродуманные и подчас закулисные действия руководства СССР, которые были направлены не на сохранение Союзного ССР, а на поиски методов борьбы с сепаратизмом, послужили причиной распада Советского Союза.

Тем не менее, с точки зрения теории конституционного права, Декларация о государственном суверенитете РСФСР провозгласила независимость России по отношению к СССР.

В июне1990 г. такое было возможно. Однако если давать правовую оценку Декларации, то можно сделать вывод, что ее текст содержит ряд противоречий.

Россия в преамбуле Декларации признает «суверенные права всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик». А это значит, что Россия была согласна с государственным суверенитетом Украины, Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии и т. д. Может быть, тогда руководство России было согласно и с государственным суверенитетом Чеченской республики? Или относилась к этому безразлично? А как понять «государственный суверенитет России... в составе обновленного Союза ССР»? Становится очевидным следующее: Союз ССР может существовать как конфедеративное государство.

Однако жизненный опыт показал, что теория конституционного права единодушна в одном: государственный суверенитет может быть только один у суверенного государства. Положения п. 5 Декларации, особенно такое, как «верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на территории РСФСР по сравнению с законами СССР», противоречат суверенитету СССР. РСФСР не может «уважать суверенные права Союза ССР», как это сказано в п. 6 Декларации, и уж совсем непонятен п. 7, где прописано о том, что «РСФСР сохраняет за собой право свободного выхода из СССР», а это противоречит принципу территориальной целостности Союза ССР.

Если к Декларации применять нормы и принципы конституционного права, то ее можно представить как правовой акт, который объявил всему миру, что РСФСР планирует или выйти из состава СССР, или остаться в составе «обновленного союза» как суверенное государство, полагая, что СССР из суверенного государства превратится в конфедерацию.

Последствия практической реализации Декларации известны: Россия стала суверенным государством, а вот конфедерацию даже двух государств России пока создать не удается. Пример России стал заразителен для республик, входящих в ее состав. Так, Татарстан

[1] Декларация о государственном суверенитете РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 2.

закрепил в своей Конституции (ст. 59), что «законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан».

«Недра Татарстана принадлежат Республике Татарстан». Эта норма противоречит федеральной норме, которая определяет, что «вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами» как совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов. Статья 61 Конституции Татарстана называет республику субъектом международного права.

Статья 1 Конституции Тывы закрепляет за республикой право свободного выхода из состава Российской Федерации, а п. 11 статьи 62 Конституции Тывы предоставляет право Республике решать вопросы войны и мира.

Нам представляется, что возникновение таких Конституций субъектов Российской Федерации было бы невозможным, если бы на I съезде народных депутатов не приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, которая содержит указанные погрешности.

Самое неприятное сегодня, что породила Декларация, — это трудности по обеспечению исполнения принимаемых Федеративным собранием Российской Федерации законов на территории России.

В народе еще не забыто ельцинское «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»[1], именно оно породило «парад суверенитетов» и, как следствие, сепаратистские настроения, прежде всего в среде региональных политических элит.

Непродуманные решения и безграмотные высказывания, противоправные деяния, выразившиеся как в действии, так и в бездействии органов государственной власти России, с одной стороны, и радикально-экстремистские противоправные действия национальных лидеров Чечни, с другой стороны, привели к враждебной конфронтации и кровопролитным боевым действиями на ее территории и широкомасштабным террористическим акциям по всей России.

К сожалению, никто не привлечен к юридической ответственности из числа лиц, представляющих федеральные органы государственной власти России, из тех, кто действительно виноват в создании опасной ситуации и условий, при которых вспыхнул военный конфликт, переросший в полномасштабную войну. Одними из первых зерен, породивших эту трагедию и попавших на Чеченскую землю, были зерна Декларации РСФСР «О государственном суверенитете РСФСР», которые обильно были «политы» безответственными действиями и высказываниями экс-президента России Б.Н. Ельцина и его окружением.

Для сохранения государственной целостности России руководство государства пошло на подписание Федеративного договора. Это происходило в условиях нарастания центробежных тенденций после распада СССР и заключения Беловежских соглашений о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Федеративный договор был подписан 31 марта 1992 г. Настоящий документ явился принципиально новым актом в истории государственности России[2].

[1] Фраза «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» была произнесена Председателем Верховного Совета РСФСР Борисом Ельциным 8 августа 1990 г. во время его выступления в Казани и прозвучала по телевидению.

[2] О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации: Федеративный договор от 31 марта 1992 г. (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Договор непосредственно опирался на Декларацию о государственном суверенитете РСФСР и Декларацию прав и свобод человека и гражданина ООН, ратифицированную Россией 22 ноября 1991 г. Договор представлял собой триединый текст применительно к трем категориям будущих субъектов Российской Федерации. Это был важный правовой и политический документ по организации новых федеративных отношений между федеральным центром и регионами.

Однако три отдельных составляющих договора изначально закладывали неравенство будущих субъектов Российской Федерации.

По территориально-государственному признаку были определены следующие образования:

- национально-государственные (республики);
- административно-территориальные (края, области, города федерального значения);
- национально-территориальные (автономная область, автономные округа).

Первый текст Договора подписали руководители республик в составе РСФСР, второй — руководство краев, областей и городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, третий — руководители автономной области и автономных округов.

Изначально Федеративный договор не подписали представители Чечено-Ингушетии и Татарстана (позднее представители этих субъектов договор подписали).

Федеративный договор не имел учредительного характера и, по сути дела, являлся соглашением о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти регионов России. Федеральной власти не удалось в Федеративном договоре обеспечить равный статус всем регионам России. Из преамбулы федеративного договора не удалось исключить положение о «Суверенитетах республик», основанное на их декларациях о государственных суверенитетах.

Даже Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., не смогла обеспечить правовое равенство субъектов Российской Федерации. Конституция России только закрепила тот факт, что «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны»[1].

Порядок «разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий»[2].

Принятие Конституции Российской Федерации укрепило государственность России, расшатанную Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, однако нужно приложить еще немало усилий, прежде всего правового характера, для того чтобы обеспечить на территории РФ реальное исполнение властных полномочий российского государства, как этого требует само понятие государственного суверенитета России.

[1] Конституция (Основной закон) Российской Федерации — России (в ред. 10 декабря 1992 г.). М., 1993. П. 4. Ст. 5.

[2] Там же. П. 3. Ст. 11.

Литература

1. *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000.

References

1. *Abdulatipov R. G.* Ethnic question and state system of Russia. M., 2000.

В. Р. Атнашев
К. Ворд

V. R. Atnashev
K. Ward

Терроризм в Индонезии: международно-правовые и политические аспекты

Terrorism in Indonesia: International Law and Political Aspects

Атнашев Вадим Рафаилович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат филологических наук
vatnash@hotmail.com

Ворд Кен
Австралийский национальный университет (Канберра)
Школа международных, политических и стратегических исследований
Отделение политических и социальных изменений
Преподаватель
ken.ward@anu.edu.au

Atnashev Vadim Rafailovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of International and Human Law, Associate Professor, PhD in Philology
vatnash@hotmail.com

Ward Ken
Australian National University (Canberra)
The School of International, Political and Strategic Studies
Lecturer
ken.ward@anu.edu.au

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Индонезия, терроризм, джихадизм, международное право, урегулирование этнополитических конфликтов, сепаратизм

KEY WORDS
Indonesia, terrorism, jihadism, international law, ethno-political conflicts resolution, separatism

РЕФЕРАТ
Данная статья посвящена проблемам борьбы с терроризмом и его связи с этнополитическими конфликтами в Индонезии. Авторы рассматривают особенности джихадизма, основные причины возникновения латентного конфликта на примере провинции Папуа (Западный Ириан) и перспективы предотвращения его эскалации на основе международно-правовых механизмов.

ABSTRACT
The present article concerns problems of the struggle against terrorism and its relation to ethno-political conflicts in Indonesia. The authors consider specific features, main reasons of the latent conflict in the Papua province (Western Irian) and prospective preventing of its escalation on the base of international law.

Данная статья посвящена особенностям экстремизма в современной Индонезии, прежде всего джихадизма, и проблеме борьбы с терроризмом на региональном уровне в соответствии с нормами международного права.

Расположенная на 17 000 островов, Индонезия является одной из наиболее разнообразных в этническом плане стран мира. В Индонезии проживают свыше 1000 этнических или субэтнических групп, но это многообразие, прежде всего, наблюдается за пределами главного острова Ява. Согласно переписи 2000 г., яванцы составляют 41,71% населения страны; сунданцы, также живущие на Яве, — 15,41%; мадурцы, проживающие на Яве и соседнем острове Мадура (в административном плане он относится к Восточной Яве), составляют

3,37% [4, с. 13]. Только девять других этнических групп насчитывают не менее 1% от общего числа населения. Таким образом, менее 40% индонезийцев или относятся к нескольким малым группам на Яве, или происходят с бесчисленных Внешних островов. Среди последних Сулавеси и западная часть Новой Гвинеи (Папуа) имеют наибольшее этническое разнообразие.

Индонезия также демонстрирует значительное религиозное разнообразие. Здесь официально признаны шесть религий: ислам, католицизм, христианство (некатолические течения), индуизм, буддизм и конфуцианство. При этом каждый гражданин Индонезии должен быть адептом какой-либо религии, которая указывается в его удостоверении личности. Также имеются представители других, неофициальных, религий, например, иудаизма. Последователи различных яванских духовных систем безуспешно пытались добиться признания спиритуализма (kebatinan) в качестве религии. Кроме того, имеются маргинальные религии или секты, которые время от времени вызывают споры в обществе (например секта Ахмадийя, члены которой объявляют себя мусульманами, хотя окружающие мусульмане их таковыми не считают).

Согласно переписи 2000 г., 88,2% населения Индонезии — мусульмане (свыше 177 млн), 8,92% — католики или христиане, остальные — менее 4%. Тот факт, что Индонезия является страной с самым многочисленным мусульманским населением в мире, постоянно подчеркивается средствами массовой информации, придающими Индонезии особую важность. Можно сказать, что атмосфера в индонезийском обществе пропитана религией, и политические лидеры, относящиеся к разным конфессиям, играют заметную роль в праздновании многих религиозных праздников.

Одной из задач данной статьи является рассмотрение вопроса, существует ли связь между индонезийским этническим и религиозным компонентами и исламским экстремизмом (джихадизмом). Во-первых, индонезийское джихадистское движение развивается не на этнической основе, что естественно, поскольку его идеология не должна делать различий между национальностями. Хотя яванцы составляют большинство в движении, особенно в «Джемаа Исламия», сунданцы и родственные им бантенцы также хорошо в нем представлены. Кроме того, яванцы не имеют особого положения в движении: этничность практически не является источником престижа в «Джемаа Исламия» и союзных организациях.

Во-вторых, что касается религиозной идентичности, то религиозное разнообразие Индонезии оказалось очень полезно для джихадизма, так как он может использовать межрелигиозный конфликт, прежде всего между мусульманами и христианами в провинциях Молукку и Северное Молукку и в Посо на Центральном Сулавеси. Из всех операций джихадистов их участие в этом конфликте поддерживалось в наибольшей степени и было наименее противоречивым, чего не скажешь об их некоторых бомбовых атак позднее. В то же время христиане редко становились объектами нападения за пределами зон межрелигиозного конфликта.

Джихадистское движение включает несколько организаций: «Дар-уль-Ислам» или «Негара Ислам Индонезия», «Джемаа Исламия», КОМПАК и различные вооруженные формирования (ласкары), такие как «Ласкар Джундулла». В данной статье рассматриваются, в основном, «Джемаа Исламия», созданная в 1993 г., и отколовшаяся от нее группа во главе с Нурдином Мохаммедом Топом.

Далеко не всегда ясно, к какой группе принадлежит боевик. Некоторые предполагаемые члены «Джемаа Исламия» отрицали в полиции свою принадлежность к какому-либо политическому движению. Важно отметить, что отсутствует открытый список членов «Джемаа Исламия», поэтому невозможно подсчитать, сколько человек относится к каждой из этнических групп Индонезии, а сколько — к иностранцам.

Предшественником «Джемаа Исламия» является существующий и поныне «Дар-уль-Ислам», который возник в 1940-е гг.

на Западной Яве, на родине сунданцев, и имел ответвления, появившиеся самостоятельно в провинциях Аче и Южное Сулавеси. «Дар-уль-Ислам» ставил своей целью создание исламского государства в Индонезии, но это было исключительно местное движение. Так, его лидер Картосувирьо никогда не выезжал за пределы индонезийского архипелага. «Джемаа Исламия», напротив, стремится к созданию халифата на мусульманских территориях Юго-Восточной Азии и ее отношения с такими неиндонезийскими организациями, как «Аль-Каида», «Иттихад-и-ислами» (Афганистан), «Исламский фронт освобождения Минданао» и «Абу Саяф», оказали большое влияние на развитие «Джемаа Исламия».

Этнический компонент джихадизма. Как указывалось выше, яванцы составляют около 42% от всего населения страны. Но именно они главенствуют в индонезийской политике. Пять из шести президентов Индонезии, включая действующего, — яванцы. Хабиби же не был избран на этот пост, но автоматически стал президентом, так как к моменту отставки Сухарто в 1998 г. являлся вице-президентом. С тех пор яванцы, очевидно, стали преобладать еще больше. В 2004 г., например, из десяти кандидатов на посты президента и вице-президента только трое не были яванцами. Еще в 1940-е гг. сформировалась позиция, что эти два главных поста должны отражать этнический баланс. Юсуф Кала, первый заместитель нынешнего президента Юдойоно, бугиец с Южного Сулавеси, как-то заявил, что он не верит в избрание неяванца президентом страны. Несмотря на это, он принял участие в выборах 2009 г. и, разумеется, проиграл.

Другие государственные институты также отражают подобное доминирование яванцев. Например, в вооруженных силах Индонезии неяванцы никогда не допускались к командованию военными округами в провинциях Центральная Ява и Восточная Ява. Рассмотрим, проявляется ли это преобладание в джихадистском движении.

Основателем «Джемаа Исламия» является Абдулла Сунгкар, родом с Центральной Явы, но имеющий арабское происхождение. Преемник Сунгкара, Абу Бакар Баашир, имеет такое же происхождение. Оба они говорят по-арабски и по-индонезийски. Следует отметить, что после китайцев арабская диаспора является самой большой иностранной общиной в Индонезии. В отличие от китайцев, она успешно интегрирована в индонезийское общество, в том числе благодаря религиозному фактору. Сунгкар и Баашир покинули Индонезию в 1985 г. и обосновались в соседней Малайзии, где они жили до 1999 г. Одним из направлений их деятельности была вербовка желающих пройти военное обучение в Пакистане и Афганистане и участвовать в джихаде против афганского коммунистического режима и Советского Союза.

Большинство индонезийцев, направлявшихся в Пакистан и обратно, следовали через Малайзию. По прибытии в Пакистан индонезийцам следовало представляться филиппинцами, чтобы не привлекать внимания индонезийских спецслужб. Возможно, таким образом многие индонезийцы узнавали о борьбе мусульман на филиппинском Минданао. Благодаря своей активности на Ближнем Востоке Сунгкару удалось создать «Джемаа Исламия» в Индонезии.

Руководители некоторых других радикальных организаций также имеют арабское происхождение. Например, Джафар Умар Талиб, лидер «Ласкар Джихад», или Хабиб Ризик, председатель «Фронта исламских защитников». В то же время индонезийцы арабского происхождения практически не играли никакой роли в «Дар-уль-Ислам» и почти не вступали в «Джемаа Исламия», несмотря на национальность ее руководителей.

Таким образом, как и в большинстве индонезийских политических организаций, в «Джемаа Исламия» большинство составляют яванцы. Именно Центральная Ява стала центром притяжения организации, где находятся школы, с ней связанные. Если «Джемаа Исламия»

когда-либо и имела «головной офис», то он находился в Соло.

Кроме яванцев, членами «Джемаа Исламия» также стало довольно большое количество сунданцев и бантенцев, возможно, под влиянием «Дар-уль-Ислам», имевшего более сильные позиции за пределами Явы. Есть даже отдельная группировка под названием «Ринг Бантен» (Ring Banten). Наконец, в начале 2010 г. впервые стало известно о существовании джихадистской организации («Тандим аль-Каеда») в провинции Аче. В то же время в другой конфликтной зоне — в Папуа, население которой является преимущественно христианско-католическим или анимистами, «Джемаа Исламия» своих отделений, вероятно, не имеет.

С 1993 по 2002 г., когда произошел первый взрыв на Бали, «Джемаа Исламия» имела структуру с четырьмя территориальными подразделениями (Mantiqi): 1) Сингапур и Малайзия; 2) острова Ява, Суматра, Бали, Молуккские и Нусатенггара; 3) Сулавеси и Калимантан, а также юг Филиппин; 4) Австралия и Папуа. Первое подразделение возглавлял бантенец, три остальных — яванцы. После смены руководства «Джемаа Исламия» в 2002 г. картина в этом плане осталась прежней.

Итак, этническая принадлежность не является важной для членов организации, так как учитываются другие критерии: возраст, образование, знание ислама, принадлежность к какой-либо известной семье сторонников движения, военные знания и уровень подготовки.

Если десятилетие назад конфликты возникали в момент, когда индонезийское государство было наиболее ослабленным, сейчас власти в полной мере осознают опасность, которую представляют местные межконфессиональные конфликты для всей страны. Поскольку правительство Индонезии способно реагировать на беспорядки своевременно и решительно, данный конфликтогенный фактор более не может легко использоваться.

Анализ деятельности сепаратистских и террористических организаций в Индонезии представляет интерес и с точки зрения международного права. Правительство Индонезии в специальном докладе о ситуации в стране указало, что «такие организации, как „Движение за свободный Аче“ (ДСА) нарушают международное право». Как известно, в ходе вооруженного конфликта в Аче многочисленные нарушения, прежде всего гуманитарного права, совершались обеими сторонами.

Представляется, что для борьбы с терроризмом в Индонезии необходимо использовать определенный опыт в урегулировании локальных конфликтов, в том числе просчеты и ошибки правительства в прошлом.

Так, одной из главных причин усиления сепаратизма в индонезийской провинции Аче в 1970-е гг. стал протест против чрезмерной централизации управления. Тогда сепаратисты объявили главным врагом «яванский колониализм», а своей главной целью — создание независимого государства Аче. До 1965 г., когда к власти пришел Сухарто, Аче требовал лишь большей автономии. После нескольких лет переговоров правительство страны в 1962 г. предоставило Аче статус «особого региона» и автономию в вопросах религии, культуры и просвещения. Благодаря этому прекратилось мусульманское движение Дауда Бере, а деятельность других экстремистских организаций в Аче сошла на нет. Однако вскоре Сухарто ликвидировал особый статус автономии Аче, а все мусульманские партии были насильственно объединены в одну партию (Партия единства и развития). В результате конфликт на севере Суматры приобрел этнический характер, хотя до этого носил больше религиозную окраску.

Лишь с 1 января 2002 г. индонезийское правительство формально вернуло Аче права расширенной автономии. Однако только в 2005 г., при президенте Юдойоно, наконец удалось урегулировать этот застарелый конфликт. Согласно достигнутой договоренности повстанцы сложили оружие, а правительственные войска были выведены из Аче. Особый статус Аче способствовал установлению мира и прекраще-

нию сепаратистской активности, что в очередной раз продемонстрировало преимущества автономизации неспокойных регионов.

В целом в отношении сепаратистов в провинциях Аче и Папуа правительство Индонезии применяет сочетание законодательных мер, убеждения и принуждения. Благодаря предоставлению расширенной автономии указанным провинциям в рамках унитарной республики у их населения появились условия для самоуправления и сохранения своего культурного наследия. Эти меры во многом отвечают нормам международного права, прежде всего в области коллективных прав.

Что касается ситуации с террористами из «Джемаа Исламия», которые стремятся к смене всего строя Индонезии и к созданию большего по размерам государства за счет территорий соседних стран, то она представляется более сложной, чем в Аче, поскольку для правительства Индонезии не может идти речи о каких-либо переговорах с террористами. Но и в противном случае их невозможно было бы начать, так как нет единой централизованной структуры, подобной ДСА в Аче.

В области борьбы с терроризмом Индонезия начала активное международное сотрудничество прежде всего с США и Австралией после ряда терактов на Бали и в Джакарте (против посольства Австралии). По признанию правительства Индонезии, полиция страны находится под гражданским контролем и в процессе интенсивного реформирования и повышения уровня профессионализма. Успехи индонезийской полиции связываются во многом с «поддержкой и техническим содействием правоохранительных органов дружественных стран, таких как США и Австралия». Кроме того, сотрудничество полиции соседних стран региона привело к аресту около 200 человек, подозреваемых в связях с «Джемаа Исламия», которая, как считается, планировала взрывы посольства США в Сингапуре и атаки других американских объектов.

Важно отметить, что индонезийское правительство осознает, что совершенно неправильно связывать международный терроризм с какой-либо отдельной религией, национальностью или группой людей. Единственный способ победить терроризм — это устранить лежащие в его основе причины, поскольку терроризм рождается из чувства несправедливости, отчуждения и безысходности, из невежества, предрассудков и страданий. Нет сомнения, что вопиющие бедность, отсталость и особенно социальное неравенство вызывают гнев и ненависть, разрушающие уважение ценности человеческой жизни. Лекарством от этих болезней общества могут быть только здоровое социально-экономическое развитие и реформирование.

Для Индонезии международно-правовую основу для борьбы с терроризмом составляют международные договоры с ее участием, такие как Конвенция о предотвращении финансирования терроризма 1999 г. или Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., региональные и двусторонние соглашения. На региональном уровне подобная деятельность основывается, главным образом, на ряде деклараций АСЕАН.

Примером регионального сотрудничества является патрулирование Малаккского пролива силами Сингапура, Индонезии и Малайзии. В своем последнем ежегодном докладе Международное морское бюро (ММБ) отметило, что активное совместное патрулирование пролива привело к значительному сокращению числа пиратских нападений в Юго-Восточной Азии. Очевидно, экономический фактор значительно быстрее стимулирует сотрудничество в рассматриваемой области, чем любые политические договоренности (см. подробнее: [2]).

В Заявлении Регионального форума АСЕАН о контртеррористическом сотрудничестве в области безопасности границ, принятом в Пномпене в июне 2003 г., решительно осуждался террор, но подчеркивалось несогласие организации с «любыми попытками увязывать терроризм с какой-либо религией, эт-

нической, расовой или национальной принадлежностью»[1].

При этом предусматривалось, что меры, направленные на противодействие угрозе терроризма, не должны подрывать основных принципов региональной безопасности «при уважении прав человека и верховенстве закона». Тем не менее только в октябре 2009 г. на 42-й министерской встрече АСЕАН было принято решение о создании Межправительственной комиссии по правам человека АСЕАН. ООН рекомендовала сделать работу этой комиссии более эффективной, поскольку многие наблюдатели считают, что у нее окажется недостаточно сил для наказания нарушителей, и даже называют ее «беззубым тигром».

Контртеррористическая институциональная система в регионе, помимо структур АСЕАН, представлена Региональным антитеррористическим центром Юго-Восточной Азии, который был создан в июле 2003 г. в Куала-Лумпуре. Центр также сотрудничает с Международными правоохранительными академиями в Джакарте и Бангкоке. Одним из направлений деятельности этих учреждений является внедрение в сознание сотрудников правоохранительных органов понимания, что невозможно справиться с терроризмом только силовыми методами.

Вообще в осуществлении антитеррористической деятельности были отмечены нарушения прав человека во многих странах. В некоторых из них правительство принимало новые законы о безопасности, нарушающие основные права и свободы, или отказывало подозреваемым в надлежащей правовой процедуре и защите; в других — использовало войну с терроризмом для оправдания преследования своих оппонентов или карательные меры против политических беженцев и иностранцев.

Однако в соответствии с нормами международного права, какой бы ни была чрезвычайная ситуация, никогда не должны ограничиваться фундаментальные права и свободы человека, такие как право на жизнь, право на свободу от пыток и всех форм жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения; право на свободу мысли, совести и религии. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах 1969 г., любые ограничения других прав должны иметь исключительный и временный характер, не быть дискриминационными и соответствовать международно-правовым обязательствам государства, особенно в области международного гуманитарного права. К слову сказать, Индонезия является участницей данного пакта, но до сих пор не присоединилась к Дополнительным протоколам I и II к Женевским конвенциям 1949 г.

Международные правозащитные организации критикуют правительство Индонезии и за криминализацию мирного выражения политических, религиозных и других взглядов — как следствие, свыше 130 осужденных за это человек находятся в местах лишения свободы в разных частях страны, в том числе в провинции Папуа. При этом иностранным правозащитникам запрещен въезд в Папуа, а в апреле 2009 г. по требованию МИДа Индонезии Международному комитету Красного Креста пришлось закрыть свои представительства в Папуа и Аче, и до сих пор их работа не возобновлена.

Именно из-за неоднократных грубейших нарушений специальными силами армии Индонезии (Kopassus) военные США отказались от возобновления сотрудничества с Kopassus. В преддверие визита президента США Барака Обамы в Индонезию международная неправительственная организация «Хьюман Райтс Вотч» призвала американское руководство при предоставлении военной помощи этой стране в любой форме, в том числе в области борьбы с терроризмом, способствовать гражданскому контролю над вооруженными силами Индонезии и их отходу от ориентации на вопросы внутренней безопасности. Также в письменном обращении «Хью-

[1] BestPravo.ru. Законодательство России [Электронный ресурс]. URL: http://bestpravo.ru/fed2003/data05/tex18496.htm (дата обращения: 20.02.2013).

ман Райтс Вотч» (15 февраля 2010 г.) предлагалось пристально наблюдать за предоставлением такой помощи и даже возобновить запрет на него, если серьезные злоупотребления со стороны вооруженных сил не будут расследоваться и не дойдут до суда.

В регионе для многих стало очевидно, что защита прав человека во время операций против терроризма является составной частью борьбы с ним. Совершая атаки на гражданских лиц, терроризм нарушает самые главные права человека, поэтому необходимо снова утверждать эти права, а не отказываться от них. Подавление и нарушения прав человека со стороны государственных органов блокируют мирные и политические средства решения споров и нередко направляют отчужденность и обиды в русло экстремизма и насилия.

Как справедливо заметил генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на 59-й сессии Комиссии ООН по правам человека, «достижение безопасности за счет прав человека недальновидно, противоречиво и, в конце концов, обречено на провал»[1]. Не случайно в резолюции 1456 Совета безопасности ООН подчеркивается, что «государства должны гарантировать, что любая мера, предпринимаемая для борьбы с терроризмом, будет соответствовать всем их обязательствам по международному праву, особенно в сфере прав человека, беженцев и гуманитарного права»[2].

Тем не менее принятое в Индонезии в 2003 г. специальное законодательство (главным образом, Закон 16/2003) может нарушать права и свободы человека и призванные их защищать нормы международного и национального права. Так, в указанном законе содержатся положения, разрешающие длительное содержание под стражей в обход обычного уголовного судопроизводства или использовать информацию спецслужб в качестве предварительного доказательства для ареста подозреваемого.

Вообще стремление к принятию подобного законодательства часто оправдывается благими целями, тем более что работники правоохранительных органов нередко считают допустимым нарушать права граждан, когда речь идет о преступлениях, угрожающих обществу. Это приводит к совершению таких незаконных действий, как фабрикация свидетельских показаний, произвольный арест, оказание физического и психического насилия вплоть до пыток и даже создание пресловутых «эскадронов смерти» (например, на Филиппинах). Естественно, различные нарушения подрывают веру в эффективность национальной и международно-правовой систем охраны прав человека и даже в ее необходимость.

Другой проблемой, как и во многих странах, является коррупция, которая, как указывает Международная кризисная группа, продолжает оставаться своего рода смазкой для террористической деятельности в Индонезии. По мнению этой организации, необходимо, чтобы во главе нового антитеррористического органа стояло гражданское лицо и чтобы полиция все-таки арестовывала опасных подозреваемых, а не застреливала их при задержании. Естественным образом возникает вопрос о нарушениях законодательства правоохранительными органами.

Следует также отметить, что в Индонезии прослеживается связь глобализации и распространения терроризма, которую многие исследователи считают следствием глобализации. Можно согласиться с О. В. Дамаскиным, указавшим, что глобализацию, которая, невзирая на ограниченность природных ресурсов, социальную несправедливость и существование разных культур, используется мировой элитой для получения сверхприбылей, необходимо направлять с по-

[1] Официальный сайт Institute for International Law and Justice. New York University School of Law [Электронный ресурс]// URL: http://iilj.org/documents/HRW10CountrySurveyofConcernsaboutHumanRightsandCTCMeasures.pdf (дата обращения: 20.02.2013).

[2] Веб-сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2003/res1456.htm (дата обращения: 22.02.2013).

мощью демократических политических средств на международно-правовой основе [3, с. 42]. Подобная трансформация должна опираться, в первую очередь, на соблюдение и защиту гражданских прав и свобод. При этом, как отмечает С. В. Акопов, в современном мире простого копирования западных либерально-демократических ценностей недостаточно — необходимы новые подходы к построению политического сообщества [1, с. 123].

Таким образом, международное сотрудничество в рассматриваемой области основывается на многосторонних и двусторонних договорах, однако они, к сожалению, не обращают достаточного внимания (или не обращают вообще) на гарантии защиты прав человека. Государства при заключении таких договоров ставят, прежде всего, карательные и профилактические цели в надежде на эффективное противодействие терроризму или его угрозе (реальной или мнимой). Основой для создания единой региональной системы может служить Венская конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотиков, который имеет много общих черт с терроризмом и часто непосредственно с ним связан.

В целом, в Юго-Восточной Азии актуальным было бы создание регионального юридического пространства, но правительство Индонезии, как и руководство других стран региона, очевидно, расценивает такой подход как потенциальное посягательство на свой государственный суверенитет.

Литература

1. *Акопов С. В.* Основные подходы к построению политического сообщества в эпоху глобализации // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 123–134.
2. *Атнашев В. Р.* Пиратство в Южно-Китайском море: проблемы и опыт противодействия // Актуальные вопросы правового регулирования борьбы с пиратством и актами вооруженного разбоя морских судов: Сб. ст. М., 2012. С. 5–12.
3. *Дамаскин О. В.* Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности. М.: Наука, 2007.
4. *Leo Suryadinata et al*. Indonesia's Population. Singapore: ISEAS, 2003.

References

1. *Akopov S. V.* Main approaches to construction of political community in the era of globalization // Administrative consultation. 2011. N 1. P. 123–134.
2. *Atnashev V. R.* Piracy in the South China sea: problems and experience of countering the // Actual questions of legal regulation of the fight against acts of piracy and armed robbery ships. M., 2012. P. 5–12.
3. *Damaskin O. V.* Russia in the modern world: problems of national security. M.: Science, 2007.
4. *Leo Suryadinata* et al. Indonesia's Population. Singapore: ISEAS, 2003.

Г. Н. Краснолуцкий G. N. Krasnolutskiy

Горизонты российской демократии

The Russian Democracy Perspectives

Краснолуцкий Геннадий Николаевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры политологии
Кандидат философских наук, доцент
klp57@yandex.ru

Krasnolutskiy Gennady Nikolaevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate Professor of the Chair of Political Science
PhD in Philosophy, Associate Professor
klp57@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
управляемая демократия, демократия участия, процесс демократизации, политический класс, гибридный политический режим, политическая культура

KEY WORDS
control democracy, democracy of participation, the process of democracy, political class, hybrids political regime, political culture

РЕФЕРАТ
Статья посвящена исследованию процесса демократизации в современной России, перспективам и векторам его направленности. Автор рассматривает вопросы, связанные с механизмами политического манипулирования демократическим процессом.

ABSTRACT
The article is concerned with the processes of democracy in modern Russia, with perspectives and vectors democratic development. The author tries to give answers to the questions connected with mechanisms of political manipulate of the process of democracy.

Крушение коммунистического режима в СССР в начале 1990-х гг. и последовавший затем развал советской империи привели к цепной реакции распада всего социалистического лагеря и утрате его доминирующих позиций в современном мире. Начался отсчет нового исторического времени как на пространствах бывшего «флагмана и оплота социализма», так и бывших стран социалистического содружества, в русле которого наблюдаются разнонаправленность, многовекторность и многополярность политического контекста демократических преобразований. Характерной особенностью этого процесса является биполярность направленности политических процессов и ориентаций в бывших странах социалистической ориентации Восточной Европы, объединенных Варшавским договором, с одной стороны, и бывших советских республик и России, с другой стороны.

Так, страны «народной демократии» Восточной Европы, за редким исключением (Румыния, Албания), достаточно безболезненно интегрировались в процесс демократизации, став членами Европейского сообщества. Это, в свою очередь, привело, прежде всего, к существенному повышению качества жизни широких слоев населения, к расширению прав и свобод граждан, к гарантированной государством социальной защите всех слоев в соответствии с современными стандартами социальных государств.

В значительной степени противоречиво и неоднозначно протекают политические процессы становления демократии в бывших республиках СССР и России, вызывая много вопросов и массу оценок существующим политическим режимам.

Прибалтийские государства (Литва, Латвия и Эстония) после распада советской империи заняли жесткую проза-

падную позицию с ориентацией на ЕС и достаточно опрометчиво дезавуировали бывшие интеграционные процессы экономического сотрудничества с бывшими республиками. Это привело к существенному спаду в экономике и банкротству ведущих отраслей промышленности, таких как текстильная промышленность в Эстонии и радиоэлектроника в Латвии, а также производство сельхозпродукции и рыболовства. Специфически, если не сказать одиозно, выглядит и сам процесс демократизации в этих республиках. С одной стороны, предпринимаются шаги к становлению и развитию демократических институтов, а также обеспечивается их функционирование в практическом режиме. С другой стороны, правящие элиты этих стран свели вопросы политической оценки исторического прошлого СССР и сталинизма к проблеме «русских оккупантов» и оправданию лиц, сотрудничавших с «нацистами-освободителями». Такая трактовка прошлого на практике привела к ущемлению прав и дискриминации русскоязычного населения в этих странах, представляется, что эти процессы в современных условиях не могут восприниматься как торжество демократии.

В остальных бывших республиках страны советов становление демократии приобрело еще более противоречивую и пеструю картину и породило целый спектр гибридных политических режимов. Так, в Туркмении и Казахстане «демократические» преобразования привели к становлению авторитарных режимов с пожизненным сроком президентства и наделением национальных лидеров титулами Туркменбаши (до 2006 г.) и Елбасы (до настоящего времени), что означает в переводе на русский язык «отец нации». Такая «фасадная» имитационная политическая система не имеет характерных признаков демократического режима и таковым на практике не является, несмотря на то что оба государства официально провозглашаются современными президентскими демократическими республиками.

В Узбекистане, формально именуемом правовым, демократическим государством с президентской формой правления, действующий президент находится у власти с 1990 г. и по настоящее время, авторитарно управляя страной и жестко пресекая все попытки изменить политическую ситуацию в контексте демократических преобразований. Сходная ситуация и в Таджикистане, который также провозглашен президентской республикой, но несменяемый президент там правит и властвует с 1994 г.

Аналогичная ситуация и в президентской республике Беларусь, но с той лишь разницей, что правящий в ней с 1994 г. и в 2010 г. переизбранный на четвертый срок президент пытается «играть в русле конституционных норм», которые он инициирует под свои интересы. Примером тому может служить снятие из Конституции ограничений на количество президентских сроков пребывания у власти. При этом главу Белоруссии мало беспокоит тот факт, что в мировом сообществе он именуется диктатором и объявлен персоной нон-грата во всех демократических государствах мира.

Сходные «новаторские демократические преобразования» можно наблюдать и в президентской республике Азербайджан, в которой произошла передача власти по наследству от отца-президента к сыну-президенту («как залог стабильности демократии») путем использования механизмов избирательной системы, для придания легитимности передачи власти. В результате этих политтехнологических манипуляций клан Алиевых президентствует в стране с 1993 г. и «успешно развивает процесс демократизации» уже 20 лет.

Все эти тенденции в формировании «квазидемократии» в четырех бывших республиках, как представляется, можно условно квалифицировать как «детскую болезнь демократии», или «родимые пятна тоталитаризма».

В Киргизии после неудачных попыток установления в стране президентской формы правления (за злоупотребление властью два президента были свергнуты народом) действует парламентская республика, полномочия президента

ограничены в пользу премьер-министра страны. В силу экономической отсталости и отсутствия материальных ресурсов у руководства страны процессы реформирования политических институтов в направлении демократических преобразований протекают в вяло текущем режиме.

Сходные проблемы можно отметить и в парламентской республике Молдове, которая провозгласила себя еще и правовым государством. Слабый уровень развития экономики, неконкурентоспособность продукции аграрного сектора в странах ЕС тормозят процессы демократических преобразований и реформы политической системы в целом, порождая комплексы проблем, прежде всего в социальной сфере.

В Армении реформа политической системы и процесс демократических преобразований выглядят значительно продуктивнее и убедительнее, чем в вышеперечисленных странах. В Конституции закреплены положения о том, что Армения — демократическое, социальное, правовое государство, президенты, согласно конституционным нормам, не превышают количество сроков пребывания у власти (два срока по 5 лет). Процессы демократических преобразований достаточно успешно претворяются в практическую область, но тормозятся низким уровнем развития экономики.

Грузия стоит особняком среди других бывших республик по своим сценариям демократических преобразований, основанных на максимализме и радикальных традициях. С одной стороны, грузинский кинематограф фильмом «Покаяние» Абуладзе на заре перестройки показал всему СССР масштабы безнравственности, коварства и безраздельной жестокости авторитарной власти в тоталитарном обществе, уничтожающей в зародыше живое, творчески независимое и неординарно мыслящее начало, попирая все общечеловеческие нормы и права. С другой стороны, все политические лидеры в новейшей истории Грузии были приверженцами «синдрома авторитаризма», включая последнего Президента М. Саакашвили. Применение действующим президентом радикальных методов борьбы с криминалитетом и коррупцией в правоохранительных органах может быть всецело оправдано, тем более что результаты этой борьбы впечатляют. В то же время применение им методов диктата и ультимативности при решении спорных вопросов с Россией и доведение дела до разрыва дипломатических отношений и даже военных действий контрпродуктивны и вызывают сожаление и осуждение. Эта двоякость в действиях руководства страной может быть также распространена на оценку результатов процесса демократизации, который по большей части осуществляется антидемократическими, авторитарно-директивными методами. В пользу адекватности данных оценок говорит тот факт, что широкая общественность Грузии устала от авторитарных методов управления демократическими процессами, поэтому настойчиво и во всеуслышание напоминает Саакашвили об истекающих сроках его президентских полномочий.

В одной из крупнейших бывших республик СССР — Украине — процесс становления демократии протекал бурно и масштабно с участием народных масс. Этот процесс закрепился в понятиях «оранжевая революция» и «Майдан», на котором проходили массовые протесты и противостояние разных политических сил. Следствием этих активных процессов стало становление де-юре республиканской формы смешанного типа, в которой президент глава государства и он же руководит исполнительной властью, несет ответственность перед парламентом, который, в свою очередь, наделен правом импичмента президента. Де-факто все четыре президента имели один и тот же политический диагноз — «дефицит компетентности» в управлении страной в целом и в становлении и развитии демократических процессов, в частности. Отсутствие четкой стратегии развития демократических процессов привело к тому, что руководство страной лавировало во внешнеполитической сфере между Западом и Россией, преследуя конъюнктурные цели. Ныне действующий президент (Янукович) по его

же выражению предпочитает позицию стороннего наблюдателя, сидящего на берегу реки с медленно текущими водами (политическими событиями).

Самая большая по количеству населения и территории из бывших республик Советского Союза — Российская Федерация, которая по итогам Беловежской пущи стала не только независимым государством, но и взвалила на себя колоссальный груз «правопреемницы СССР». Этот статус обязывает Россию разгребать завалы кредитных и долговых обязательств перед многими странами мира, решать дальнейшую судьбу военных баз и Черноморского флота, космодрома Байконур, нести основные расходы в освоении космоса, развитии авиационной промышленности и модернизации вооруженных сил. Все сказанное выше можно отнести к совокупности факторов, которые объективно тормозят и препятствуют динамичному развитию экономической, социальной и политической сфер общества. К этой же группе факторов следует отнести смену политического курса от социализма к капитализму (рыночная экономика), породившего замену «общенародной» формы собственности частной собственностью на средства производства посредством процесса «ваучеризации» всего населения России. Что в дальнейшем на поверку оказалось масштабной аферой властных структур, поскольку ваучеры не обладали реальным стоимостным эквивалентом на первом этапе приватизации.

После того как основная масса ваучеров была выкуплена у населения за бесценок, наступил второй этап приватизации, который породил немногочисленный слой олигархов, обладателей сказочных состояний. Попав в частные руки, целые отрасли промышленности (производство алюминия, металла, нефти, алмазов и др.) стали проявлять признаки деградации, поскольку их новые хозяева не были заинтересованы инвестировать средства в развитие инфраструктуры своих производств, а были нацелены на получение прибыли любой ценой.

Кроме этого, приватизация позволила бывшей и новой номенклатурной элите из пользователей и распорядителей государственной собственностью превратиться в ее полновластных собственников. В масштабах страны из этих представителей элит сформировался новый политический класс, который осуществляет политическое руководство в современной России.

Итогом реформы политической системы в России стало установление де-юре положения о том, что Россия — демократическое, федеративное, правовое и социальное государство с республиканской формой правления. Относительно разновидности республиканской формы правления в РФ существует несколько разночтений. Так, во времена президентства М. С. Горбачева подразумевалась президентская республика, был даже учрежден статус вице-президента. После подавления путча 1991 г., который возглавил вице-президент, должность последнего была упразднена и вопрос о разновидности республиканской формы правления не уточнялся. После конфликта президента Б. Н. Ельцина с Верховным Советом РФ по поводу расширения круга президентских полномочий и победы президента над своими политическими противниками властные полномочия были существенно смещены в пользу президента.

В современных условиях, согласно неоднократным заявлениям действующего президента В. В. Путина и его предшественника Д. А. Медведева, РФ трактуется ими как *республика президентского типа.* В отечественной юридической литературе достаточно часто встречается упоминание о России как о *президентско-парламентской республике*. В иностранных юридических источниках Россия трактуется как *смешанная республиканская форма правления с широкими полномочиями президента.* Как представляется, все эти разночтения не несут в себе сущностных различий, а лежат в плоскости стилистической риторики и являются не более чем разными формулировками одного и того же явления.

Продолжая тему де-юре, в Конституции РФ (статья 93) есть формальное упомина-

ние о том, что Президент «может быть отрешен от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения, подтвержденного Верховным Судом и заключением Конституционного Суда о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения». Таким образом, де-юре существует основной набор стандартных критериев, позволяющих утверждать о наличии в российском законодательстве базовых демократических принципов (сюда же можно отнести и другие вопросы, касающиеся прав граждан и свобод и т.д.).

Совсем другая вырисовывается картина, когда мы рассматриваем процесс демократизации в России в плоскости де-факто. Политическая практика последних лет дает основания утверждать о наличии мнимой Конституции РФ, а это означает, что основная масса демократических принципов и положений и конституционных норм не могут быть реализованы на практике, поскольку не имеют правовых механизмов для воплощения их в реальность, а носят лишь декларативный характер. На протяжении многих лет кремлевскими политтехнологами успешно применяются на практике концепции «управляемой демократии» и «суверенной демократии», сущность которых сводится к имитационным и «фасадным» изменениям, не затрагивающим основ сложившейся политической системы авторитаризма и исключения из российской политической практики политических и социальных норм, принятых в странах развитой демократии. Указанные выше тенденции дают основания для характеристики и оценки состояния процесса демократизации в современной России в таких политологических терминах, как *демократура* и *диктократия.*

Под *демократурой* в политологии понимается разновидность гибридного политического режима, характерной чертой которого является максимальное ограничение политической конкуренции, либо ее допущение в пределах, в которых она не угрожает монополии на властные полномочия правящей элиты (вариант усеченной, управляемой сверху демократизации). Ярким примером вышесказанному может служить партийная система (ее успешная имитация) современной России, в которой «сверху» провозглашается доминирующая «партия власти», у которой отсутствует идеология, но есть неукротимая жажда доминировать и властвовать. Для имитации многопартийности разрешено существование инициированной сверху «системной оппозиции» — набора политически лояльных правящей элите партий, которые включены в ранжированную систему «санкционированного доступа» к власти. Имитационность и подмена содержания прослеживаются даже в названиях партий: так, Либерально-демократическая партия РФ по своей сути (программа партии, содержание ее деятельности) даже отдаленно не имеет ничего общего с концептуальными основами идеологии либеральной демократии, а лишь имитирует ее «демократическое словосочетание». По аналогичной схеме происходит функционирование избирательного процесса в России, при котором избиратели поставлены в ситуацию предсказуемости результатов выборов, когда выбирать практически не из кого, кроме одной кандидатуры (при наличии значительного числа баллотируемых кандидатов), при этом законодательством запрещено голосовать «против всех». К сказанному следует добавить многочисленные манипуляции с результатами голосования на всех уровнях избирательного процесса и «руководящие установки» избирательным комиссиям накануне выборов, сколько должно быть туров голосования и какой процент голосов должен набрать «нужный» кандидат в результате применения «административного ресурса». Вышеописанные события наблюдались даже на последних президентских выборах и трактовались в официальных СМИ как «торжество доверия народа».

Диктократия характеризует разновидность гибридного политического режима, при котором под давлением политических событий (в нашем случае — события на Болотной площади) политические элиты вынуждены идти на некоторые уступки в расширении гражданских прав и свобод

(либерализация) при непременном сохранении своей монополии на власть. Этот тактический прием позволяет через определенное время, когда протестное напряжение уменьшится, сменить «либеральный пряник» на «авторитарный кнут» и «завинчивание гаек», что и происходит в настоящее время в России. Последние полгода власть сменила методы диалога как коммуникативной обратной связи с обществом на авторитарные, репрессивные методы борьбы с оппозицией, демонстрируя большую лояльность к разоблаченным крупным коррупционерам, чем представителям оппозиции. А ведь по большей части требования оппозиции лежат в плоскости гражданских требований, а не политических требований, целью которых является приход к власти. Граждане требуют развития гражданского общества и его действенного контроля над деятельностью государственных органов, реформу политической системы в направлении реальной многопартийности и плюрализма, независимых и неподкупных судов. Общество требует прекратить произвол в правоохранительной системе, честные выборы и прозрачность власти, требует справедливой социальной политики, диалога власти с обществом, а не срежессированных политических шоу с заранее подобранной аудиторией и подготовленными темами обсуждения. Все перечисленное выше и составляет основные векторы направленности развития процесса демократизации в России на современном этапе, являясь его сущностными характеристиками. Отход правящих элит от реализации демократических принципов в практической плоскости означает, что вектор демократических преобразований переориентирован ими на авторитарный курс, на торможение демократизации и не отвечает интересам российского общества, а преследует корпоративные интересы правящего класса.

Пытаясь в кратком виде осмыслить и оценить политические события в России в контексте демократических преобразований, трудно использовать оптимистический спектр оценок. Почему Россия, обладая практически всем перечнем элементов и полезных ископаемых, зафиксированных в периодической системе Менделеева, по показателям уровня и качества жизни, развития прав и свобод граждан является одним из аутсайдеров среди стран мира? Трудно мириться с таким фактом, что Сингапур, будучи колонией и 40 лет назад получив независимость, успешно реализовал процесс демократизации и входит в группу стран, лидирующих по всем основным показателям, не имея ископаемых ресурсов, даже природных запасов пресной воды. Еще более убедительным примером является Япония, входящая в пятерку ведущих держав мира, используя потенциал «компетентного управления» и возможностей современной демократии. Россия на сегодняшний день занимает лидирующие позиции среди стран мира лишь по масштабам добычи нефти и газа и их экспорту, в вооружении, количестве миллиардеров и коррупционеров и пока еще не утратила лидирующие позиции в фундаментальной науке.

Пытаясь оценить и объяснить сложившуюся ситуацию с реформированием политической системы России в контексте демократических преобразований, ее замедленные темпы развития, непоследовательность и противоречивость преобразований, низкий уровень результативности и социальной направленности, следует отметить ряд факторов, которые в разной степени, но в целом определяющим образом имеют негативное воздействие на процесс демократизации.

Первым и самым определяющим фактором, влияющим на направленность и эффективность трансформации бывшего тоталитарного режима в России в демократический, является его сценарий — «методом сверху». «Верхи» задали импульс перестроечным процессам и координируют его ход. Этот сценарий впоследствии породил «маятниковый», непоследовательный и достаточно противоречивый ход демократических преобразований. Определяющим моментом в этом процессе было то, что основная часть правящего класса бывшей номенклатуры (партийно-комсомольская, административная, хозяйственная, силовые

ведомства) «пересела из номенклатурных кресел в демократические кресла» и более того — возглавила процессы демократизации в стране. При этом в большинстве своем она не разделяла демократические убеждения, а напротив, являлась их скрытыми идейными противниками, хотя и не отрицала необходимость перемен. В силу этого исторического факта от их политической воли стала зависеть направленность, эффективность, последовательность и скорость демократических преобразований, и самое главное — социальная составляющая, в чьих интересах эти преобразования проводятся.

Для сравнения прямо противоположные перестроечные процессы мы можем наблюдать в бывшей социалистической ГДР. В этой стране крушение коммунистического режима произошло «методом снизу», под напором демократических устремлений общества. Компартия была объявлена вне закона, был введен закон о люстрации, который запрещал всем разновидностям номенклатурных работников (особенно партийной и выходцам из силовых ведомств) занимать ключевые руководящие посты в течение 20 лет. Все эти мероприятия способствовали эффективному и динамичному развитию демократических процессов и создали не сопоставимые с российскими стандарты прав и свобод, а также уровень качества жизни граждан бывшей социалистической республики.

Вторым фактором, который негативно воздействует на развитие российских политических процессов в ходе демократизации, является тот факт, что к началу перестройки номенклатурные слои сохранили свою корпоративную консолидацию и солидарность. Наибольшие потери в ходе перестроечных трансформаций понес только самый одиозный отряд номенклатуры — партийный, остальные отряды продолжали занимать ключевые позиции в разных сферах общественного и политического управления. Этим фактом объясняется сложившаяся в современной российской политической реальности ситуация, что основная масса населения отстранена от властных механизмов, а вектор направленности социальной политики государства не способствует «обретению счастья» для наибольшего количества граждан в процессе перестройки политической системы. Следует добавить, что к настоящему времени произошла массовая перегруппировка правящих политических элит в пользу выходцев из спецслужб и силовых ведомств (каждый четвертый представитель элит — силовик, в высшем руководстве страны рост милитаризации увеличился в 12 раз!), порождая *милитократию*.

Этот процесс, как справедливо указывает известный отечественный исследователь политических элит О. Крыштановская [1, с. 264, 270, 284], таит в себе для развития демократии в России две серьезные опасности. Первая — *клановость силовиков, носителей корпоративного духа спецслужб*, которые будут пытаться превратить всю страну в арену оперативной работы с целью контроля над всеми сферами общества. Вторая опасность — *культивирование квазидемократии*, при которой итоги выборов заранее предсказуемы (механизм манипулирования избирательным процессом получил даже у российских элит название «административный ресурс»), демократические права и свободы формально провозглашены и выборочно соблюдаются, но при этом демократический процесс приобретает имитационный, декоративный характер.

Третьим фактором, имеющим негативное влияние на процесс демократизации, является незрелость, идейная и организационная разобщенность демократических кругов российского общества, отсутствие координации, единой концепции и стратегии демократических преобразований в переходный период от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. Этому сложившемуся положению есть ряд объяснений. За годы тоталитарного режима власть репрессивными методами искореняла инакомыслие и свободолюбивые демократические настроения в массовом сознании, насаждала идеологизированное единомыслие. Волны эмигрантов, включая современную эмиграцию, покидающих страну по идеологическим мотивам, «размывали»

концентрацию демократического настроя в обществе, не позволяя сформировать достаточно устойчивые и глубокие демократические традиции в обществе, даже в его самой просвещенной части. Поэтому мы можем в сегодняшних условиях наблюдать, что протестные выступления возглавляют «разночинные экзотические» личности. К ним относятся либо «обиженные» бывшие номенклатурщики, либо разного рода засланные властью «подсадные казачки». Все это оправданно порождает мнение об отсутствии достойных лидеров оппозиции, разделяющих демократические убеждения и владеющих теорией и практикой демократических преобразований. Хотя, как представляется, утверждение об отсутствии адекватных лидеров весьма спорно и не является аксиомой по той простой причине, что в стране подрастает уже второе «непоротое поколение» граждан, не разделяющих авторитарные и тоталитарные идеалы.

Четвертым фактором, негативно влияющим на качество и направленность демократических преобразований, является неконсолидированный, фрагментарный, низкий уровень политической культуры граждан современной России. Особенно это ярко проявляется в «глубинке», где проживает основная часть населения, там превалирует *подданнический* с ярко выраженным конформистским подтекстом *тип политической культуры*. В ряде крупных регионов (Кавказ, автономные республики) культивируется *архаическая политическая культура,* в которой превалируют ценности этноса, а индивид не отождествляет себя как личность в рамках этнической общности. Все эти явления в совокупности с активно тиражируемыми «сверху» импульсами *бюрократической (этатистской) политической культуры,* в рамках которой интересы государства превалируют над частными интересами (человек рассматривается как средство достижения цели), а рациональное управление («наведение порядка») понимается как бюрократизированный контроль и управление, оставляют мало пространства для функционирования и развития *культуры высокой гражданственности*, которая в современных условиях концентрируется в крупных городах и промышленных центрах России.

Отмеченные тенденции в политической культуре позволяют сделать вывод о том, что российский народ на данном витке политического развития уклоняется от исторической ответственности и исторической созидательной деятельности, упуская шанс реализовать демократический выбор развития страны. Он пока позволяет правящим элитам реализовывать сценарии «украденных результатов революции» и «выхолощенных захлебнувшихся реформ», терпит имитационную «управляемую демократию» и вопиющее социальное неравенство.

Подводя итог рассматриваемой проблематики в контексте обозначенной темы, следует отметить, что горизонты российской демократии, к сожалению, пока туманны, перспективы развития политической ситуации пессимистичны. Основой для оптимизма является лишь уверенность в том, что в скором времени в среде гражданских активистов «постперестроечных» поколений сформируется новый политический класс, который будет способен успешно преодолеть маршрут от управляемой демократии к демократии участия.

Литература

1. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2004.

References

1. *Kryshtanovskaya O.* Anatomy of the russian elite. M., 2004.

С. В. Кузнецов
Н. М. Межевич

S. V. Kuznetsov
N. M. Mezhevich

Европейская и постсоветская экономическая интеграция: тенденции развития к 2013 г.

European and Post-Soviet Economic Integration: Tendencies of Development by 2013

Кузнецов Сергей Валентинович
Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург)
Директор
Доктор экономических наук, профессор
info@iresras.ru

Kuznetsov Sergey Valentinovich
Director of institute of Problems of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg)
Doctor of Science (Economics), Professor
info@iresras.ru

Межевич Николай Маратович
Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры европейских исследований
Доктор экономических наук, профессор
mez13@mail.ru

Mezhevich Nikolay Maratovich
Saint-Petersburg State University
Professor of the Chair of European Researches
Doctor of Science (Economics), Professor
mez13@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
интеграция, Европейский союз (ЕС), Таможенный союз (ТС), Содружество Независимых Государств (СНГ)

KEY WORDS
Integration, the European Union (EU), the Customs Union (CU), the Commonwealth of Independent States (CIS)

РЕФЕРАТ
Рубеж 1990–1992 гг. четко фиксируется в истории европейской и евразийской (постсоветской) интеграции. В этот период проявилось новое качество интеграционных процессов, запущенных в Европе в начале 1950-х гг. и в СССР в 1920-е — 1950-е гг. На рубеже второго десятилетия XXI в. вопрос о Евразийском союзе перешел из разряда академических дискуссий в плоскость практической реализации.

При этом в Европе прежняя модель интеграции себя исчерпывает. Проблемы нарастают по всему спектру вопросов от пространства Шенгена до общего бюджета, от поддержки евро к общей оборонной политики. В этих условиях для нас особо важен европейский опыт. Его критическое осмысление может помочь выбрать более точный путь евразийской интеграции.

ABSTRACT
The turn of 1990–1992 is clearly recorded in the history of European and Eurasian (post-Soviet) integration. During this period, a new quality of the integration processes launched in Europe in the early 50's and in the Soviet Union in the 20's — 50's was demonstrated. At the turn of the second decade of the XXI century, the issue of the Eurasian Union moved from the category of academic debate into practical implementation. At the same time previous model of integrating Europe has been exhausting itself. Problems are growing across the entire spectrum of issues from the Schengen area to the common budget, from support to Euro to a common defense policy. In these conditions, European experience is particularly important. Understanding of the experience can help to select a more accurate way to Eurasian integration.

Проблемы экономической интеграции в конце XX — начале XXI в. стали одной из наиболее обсуждаемых тем как в Европе, так и на постсоветском пространстве.

В Европе в начале 1990-х гг. осуществлен переход как новому качеству интеграции, кроме того, в 1995–2004 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения. В результате проблемы европейской интеграции сегодня очевидны. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами развертывается кризис конкретной практики ее реализации в экономической сфере. Экономические проблемы, в свою очередь, спровоцировали политический кризис. Конечно же, существуют и иные точки зрения. «Специфический исторический опыт стран-кандидатов обусловил относительную незрелость демократических режимов в этих странах, слабость культуры консенсуса и толерантности, уже укоренившихся в западноевропейском обществе и в значительной мере обеспечивших устойчивое развитие Западной Европы в последние десятилетия»[1]. С нашей точки зрения, основа эффективной политической интеграции — объективные экономические предпосылки. В том случае, если согласованы общие принципы экономических взаимоотношений, унифицировано экономическое законодательство, преодолены наиболее существенные межрегиональные диспропорции, можно говорить о политическом наполнении экономической интеграции.

Одна из задач данной статьи заключается в том, чтобы доказать преимущественную значимость экономических причин кризиса европейского интеграционного проекта и обозначить соответствующие выводы-рекомендации для интеграции на постсоветском пространстве.

Обращение к проблематике европейской интеграции и европейской региональной политике как механизму ее осуществления закономерно. Европейская интеграция — крайне важный для российской экономики процесс. Это связано с тем, что Россия является третьим крупным торговым партнером ЕС после США и Китая: в 2011 г. объемы экспорта в Россию составили 108 млрд евро (7% от общего экспорта ЕС; 4-е место после США, Китая и Швейцарии), а импорт — 199 млрд евро (11,8% от всего импорта ЕС; 2-е место после Китая). Европейский союз, таким образом, является самым большим рынком для российских товаров, на чью долю пришлась почти половина всего экспорта России в 2011 г. ЕС — основной поставщик для России после Китая и Украины; его доля рынка составляет 43%[2]. Кроме того, практика европейской интеграции имеет значение для развития интеграции на постсоветском пространстве.

Последние годы было много написано о кризисе постсоветской интеграции на фоне масштабных успехов Европы. Очевидно, сейчас такой подход нуждается в пересмотре. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних злоключениях ЕС огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Однако первые осложнения возникли до него, и первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [1, с. 2–5].

Региональная политика Европейского союза имеет долгую историю. Ее возникновение связано с поиском новых моделей преодоления чрезвычайных ситуаций. Зародившись в форме практиковав-

[1] *Тэвдой-Бурмули А.* Горизонты расширения ЕС [Электронный ресурс]. URL: http://www.geopolitics.ru/2012/09/gorizonty-rasshireniya-es/ 03.09.2012.

[2] Представительство Европейского союза в Москве. Пресс-релиз «Саммит Россия — ЕС» 20 декабря 2012 года.

шихся в периоды экономических кризисов мероприятий чрезвычайного характера, региональная политика в развитых западных странах в послевоенный период приобрела характер постоянно действующего фактора. Изменился и подход к решению региональных проблем: региональная политика стала рассматриваться не как второстепенный момент, лишь дополняющий мероприятия других направлений экономической и социальной политики, но и как одно из важнейших и необходимых условий ускорения экономического развития. В настоящее время региональная политика стала самостоятельным направлением общей социально-экономической политики [7].

Фактически вся история европейской интеграции предполагала и предполагает ведение региональной политики, а затем так называемой политики сплочения, т. е. обновленной практики регионального развития с доминирующей политической компонентой [9]. Европейская региональная политика, являясь одним из ключевых элементов интеграции, длительное время характеризовалась значимыми достижениями. В результате масштабного финансирования в 1970-е — 1990-е гг. европейская региональная политика достигла впечатляющих результатов. В настоящее время по программам региональной политики (политики сплочения) перераспределяется более 1/3 расходов общего бюджета Евросоюза. Однако потенциал эффективного регионального развития исчерпан. Если к «2004 г. среднедушевой ВВП самого бедного региона ЕС составлял две трети (67%) среднедушевого ВВП ЕС. Однако после вступления десяти новых стран-участников среднедушевой ВВП в самом бедном регионе составил меньше трети (28%) среднедушевого ВВП ЕС» [2]. По мнению профессора А. В. Кузнецова, «ВВП ведущих регионов ЕС оказывается на два порядка больше, чем, например, у Мальты, а разрыв с такими странами, как Эстония, Латвия или Кипр, составляет 30–40 раз»[1]. С этой позицией можно согласиться с определенным уточнением. Во-первых, в этом случае под регионами мы понимаем меньшие по масштабу территории — NUTS-2.[2] Во-вторых, наиболее бедными в ЕС являются регионы восточной Румынии и западной Болгарии.

Степень единства экономического пространства объединяющейся Европы постоянно менялась. 18 апреля 1951 г. Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, ФРГ и Франция заключили Парижский договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а уже 25 марта 1957 г. страны-участницы ЕОУС подписали Римские договоры, учреждавшие Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евроатом). Эти договоры вступили в силу с 1958 г. Создание ЕЭС не только способствовало экономическому росту, но и преследовало вполне очевидные политические цели, прежде всего, преодоление политических, идеологических и психологических последствий Второй мировой войны [9]. Нельзя не отметить то, что решению этих задач способствовало не только единство политических устремлений, но и отсутствие масштабных социально-экономических территориальных контрастов.

Процесс развития и превращения этих европейских сообществ в современный Европейский союз происходил, во-первых, путем передачи все большего числа функций управления на наднациональный уровень, во-вторых, увеличения числа участников интеграции и, в-третьих, в рамках концепции субнационального регионального развития [3; 4, с. 155–164].

Высокие темпы экономического развития стран ЕЭС притягивали внимание других стран Западной Европы, выра-

---

[1] *Кузнецов А. В.* Межрегиональные контрасты в Европейском союзе [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspectivy.info/print.php?ID=35921.

[2] В 1988 г. была введена трехуровневая Номенклатура территориальных единиц для статистического учета (сокращенно — NUTS, современное официальное название — Common classification of territorial units for statistics).

жавших желание вступить в сообщество. 1 января 1973 г. в ЕЭС вступили Великобритания, Дания, Ирландия. Сегодня уже мало кто помнит, что вступление Великобритании в ЕЭС вызвало много вопросов. Важнейший из которых заключался в том, что эта страна столетиями оперировала категорией «баланса сил» применительно к политическим и экономическим союзам в Европе. Феноменально быстрое перемещение Великобритании из Европейской ассоциации свободной торговли в ЕЭС связывали с известной формулой, указывающей на то, что если вы не можете помешать какому-либо процессу, то лучше всего его возглавить. Все последующие 40 лет в Лондоне с беспокойством присматривались к планам сближения Парижа и Бонна (Берлина), а также поддерживали планы расширения ЕЭС, справедливо предполагая усиление гетерогенности политического и экономического пространства сообщества. Следует также отметить то, что до расширения ЕС в 2004 г. именно Великобритания в наибольшей степени являлась проводником политики США в Европе. Вместе с тем британская экономика, конечно же, не привнесла новых контрастов в экономическое пространство объединяющейся Европы.

1 января 1981 г. в ЕЭС вступила Греция, а 1 января 1986 г. — Испания, Португалия. Решение членов ЕЭС имело очевидный политический контекст. Все три государства с большими сложностями преодолевали последствия многолетнего существования авторитарных режимов и нуждались во внешней поддержке. Однако экономики трех государств были несопоставимо слабее любого государства — основателя ЕС. Конечно же, это не было секретом для руководящих органов ЕС, но политические приоритеты впервые победили логику экономической интеграции.

Важным событием в деятельности ЕС явился вступивший в силу с 1 июля 1987 г. Единый европейский акт. Он был одобрен и ратифицирован всеми членами сообщества. В договоры об образовании ЕС были внесены и юридически закреплены глубокие изменения. Предусматривалось создание Европейского союза. Экономическое, валютно-финансовое, гуманитарное сотрудничество поднималось на более высокую ступень. Согласованно начали решаться вопросы внешней политики и обеспечения безопасности стран-участниц сообщества. Ставилась задача создания единого внутреннего рынка, обеспечивавшего свободное движение товаров, капиталов, услуг и гражданских лиц. Как особая цель была провозглашена задача многоуровневого управления региональной политикой [6].

В мае 1992 г. ЕС заключает Соглашение о едином европейском хозяйственном пространстве с ЕАСТ — другой интеграционной группировкой в Европе. По соглашению стран члены ЕАСТ с 1993 г. изменяют законодательство, приводят его в соответствие с принятыми ЕЭС правовыми нормами, касающимися свободного движения товаров, капиталов, услуг и конкуренции. К концу века предусматриваются введение единой денежной единицы (ЭКЮ), выработка согласованной внешней политики, введение единого гражданства.

Полный провал социалистического проекта экономической и политической интеграции, а затем и распад СССР не только создал географические предпосылки для расширения ЕЭС, но и для трансформации его на более высокий уровень интеграции. Маастрихтский договор, или «Договор о Европейском союзе», был подписан 7 февраля 1992 г. и положил начало Европейскому союзу. Договор вступил в силу 1 ноября 1993 г. и, очевидно, демонстрировал масштабную победу «еврооптимистов». Согласно договору сторонами учреждался Европейский союз.

Однако ратификация договора вызвала дискуссию. Референдум во Франции дал уровень поддержки договора в 51,05%. В Великобритании договор был ратифицирован парламентом с минимальным перевесом.

Страны, подписавшие Маастрихтское соглашение, одобрили пять критериев,

которым должны удовлетворять страны, вступающие в Европейский валютный союз (Маастрихтские критерии):

- государственный долг должен быть менее 60% ВВП;
- дефицит государственного бюджета не должен превышать 3% ВВП;
- уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5% среднего значения трех стран-участниц Евросоюза с наиболее стабильными ценами;
- государство кандидат должно в течение двух лет участвовать в механизме валютных курсов и поддерживать курс национальной валюты в заданном диапазоне.

Параллельно валютной интеграции продолжалось расширение ЕС. 1 января 1995 г. является последним примером эффективного сочетания политических и экономических целей интеграции, а Австрия, Финляндия, Швеция способствовали дальнейшему развитию европейской экономики, в целом не создав нового качества территориальных контрастов и не потребовав масштабного расширения фондов регионального развития.

Наибольшее воздействие на проблемы сбалансированного территориального развития оказало самое крупное расширение ЕС в 2004 г. Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония вошли в состав организации, качественно усилив региональные диспропорции. Лишь три государства из этого списка показали устойчивость к экономическому кризису 2009 г. Однако ситуация с региональными контрастами еще более ухудшилась после 1 января 2007 г. — вступления в ЕС Болгарии и Румынии.

Как уже было отмечено, параллельно собственно процессам расширения ЕС развивалась тенденция валютной интеграции. С 1 января 1999 г. 11 стран Европейского союза (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Италия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия и Франция) образовали Экономический и валютный союз (ЭВС) и ввели единую европейскую валюту — евро. Сегодня еврозона — валютный союз, объединяющий 17 стран Европейского союза, официальной валютой которых является евро.

В контексте валютной интеграции проблемы региональной политики актуализируются в связи с тем, что более жесткая финансовая дисциплина неизбежно ограничивает возможности регионального выравнивания [5]. Эффективность европейской валютной интеграции связана не с теми или иными монетарными параметрами и процедурами, проблема в изначальной неоднородности экономического пространства и различных моделях экономического развития. Примером иной трактовки причин происходящего в финансовой сфере Европейского союза могут стать слова президента Франции Франсуа Олланда, который в начале 2013 г., открывая дебаты в Европейском парламенте, сказал: «Мы должны задуматься о роли нашей валюты в мире. Курс евро не может колебаться в зависимости от настроений рынка»[1]. Закономерен вопрос о том, как же должен формироваться этот курс? Совершенствование финансовых и управленческих процедур в Европейском союзе представляется не главной, а подчиненной задачей по отношению к макрорегулированию в целом. Именно такая позиция была озвучена в начале 2013 г. министром экономики Польши Вальдемаром Павляком: «…Государствами, входящими в еврозону, уже на момент создания ЕС не были соблюдены маастрихтские критерии… Для оптимальной валютной зоны необходимы свободное перемещение людей и капитала, приблизительно одинаковый уровень экономического развития, стабильная и низкая инфляция, настойчивая и эффективная дисциплина в области государственного бюджета»[2]. Таким образом, главные проблемы европейской интеграции связаны не с от-

[1] Бюджет ЕС и интересы стран-членов. URL: http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/76975/ (дата обращения: 8.02.2013).

[2] *Мирзаян Г.* Первородный грех еврозоны [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/countries/2012/12/.

казом Франции и Голландии от ратификации общеевропейской конституции, не позицией Европейского конституционного суда, который последовательно подчеркивает приоритет местного законодательства над европейским, а с нарастанием экономических диспропорций в условиях бюджетного кризиса.

Процессы развития интеграционных процессов в СНГ, так же как и в ЕС, можно рассматривать в историческом ключе. Оценивая систему интеграционных связей бывшего СССР, можно сказать, что степень взаимозависимости республиканских экономик была намного выше, чем в ЕС или между отдельными штатами США. Однако объединительные процессы во многом были вызваны не экономической целесообразностью, а действием политических, идеологических факторов.

После распада СССР новые независимые государства почти сразу же приступили к формированию собственных национальных стратегий социально-экономического развития. Разрыв межреспубликанских связей существенно ухудшил экономическое положение всех без исключения республик бывшего СССР. Спад производства в некоторых отраслях, которые являлись частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, достигал 80%. Общей для всех проблемой была острая нехватка ресурсов для модернизации экономики и осуществления рыночных реформ.

До середины 1990-х гг. превалирующим мотивом в отношениях России и новых независимых республик было установление полной политической независимости и экономического обособления этих республик от преемницы СССР — России. Вопросы национального самоопределения выдвигались на первый план, несмотря на то что их решение в столь короткие сроки было экономически нецелесообразным. Постепенный переход к независимому развитию не был бы столь разрушительным для системы экономических связей бывшего СССР, тем более что такого рода программы были подготовлены еще до распада СССР.

Однако к концу 1990-х гг. ситуация стала меняться в сторону большего учета экономических факторов. Разрушенные связи начали восстанавливаться на новой основе, хотя и в меньших масштабах. Наиболее динамично развиваются международные связи республик СНГ со странами дальнего зарубежья, из которых они получают товары, финансовые ресурсы и оборудование для ускоренного развития национальных хозяйств. В рамках же СНГ взаимный товарооборот начал расти незначительными темпами только в 1996 г. При этом в системе международных связей РФ отношения со странами СНГ считаются приоритетным направлением. Это зафиксировано в важнейших государственных документах — «Концепции внешней политики Российской Федерации до 2020 г.» (2008) и «Стратегии национальной безопасности РФ» (2009). Применительно к сфере экономических отношений акцент по-прежнему сделан на задачу интеграции постсоветского пространства. Декларированные приоритеты, однако, слабо подтверждаются итогами сотрудничества России со странами СНГ на практике. Статистические показатели свидетельствуют о тенденциях существенного ослабления хозяйственных связей между бывшими республиками СССР за время их независимого существования. В структуре внешней торговли РФ роль европейского (ЕС) и азиатского векторов (АТР) растет, а значение «вектора СНГ» уменьшается.

Подобная ситуация, безусловно, осознавалась руководством тех стран, которые выступали в качестве лидеров интеграции и инициировали создание новых управленческих структур. Созданная решением президентов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан в конце 2011 г. как единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза и Единого экономического пространства, эта организация имеет статус наднационального органа управления. Орга-

низация не подчинена какому-либо из правительств трех стран. Решения комиссии обязательны для исполнения на территории трех стран. Основной задачей ЕЭК является обеспечение условий функционирования и развития Таможенного союза и Единого экономического пространства, т. е. России, Белоруссии и Казахстана.

Согласно сделанным в самое последнее время российским расчетам и прогнозным оценкам взаимной торговли стран СНГ и Таможенного союза (ТС) при инерционном развитии ситуации, т. е. без учета возможного стимулирующего эффекта последовательного углубления интеграции в рамках ТС и формируемого единого экономического пространства, значимость взаимной торговли для постсоветских государств, в первую очередь для России, в лучшем случае сохранится на прежнем уровне или будет падать. Однако рассматривая вопрос о перспективах интеграции на постсоветском пространстве по состоянию на 2013 г., можно с уверенностью говорить об адекватности масштабов интеграции экономическим возможностям и политическим предпочтениям государств-участников. Разнообразие форм интеграции не меняет общего масштаба, а точнее, направленности идущих процессов.

Следует признать то, что интенсивность процессов экономической дезинтеграции постсоветского пространства обусловлена многими факторами. Обозначим эти факторы и оценим их наличие на постсоветском пространстве и в Европейском союзе.

Расхождение между декларациями российского руководства и реальной практикой постсоветской интеграции. Нельзя, однако, не отметить того, что эта проблема характерна и для европейской интеграции.

В интеграции на постсоветском пространстве участвуют страны, заметно отличающиеся по экономическому потенциалу, при этом в рамках национальных пространств сохраняются региональные диспропорции. И в данном случае ситуация адекватна европейской.

Различными моделями экономической политики, реализуемыми в странах СНГ. В рамках Европейского союза промышленная, сельскохозяйственная, региональная, финансовая политики также сохраняют значимые национальные различия.

Страны СНГ, как и страны, входящие в Европейский союз, имеют различные представления о целях, способах, темпах осуществления интеграционной политики. В этом контексте подходы к интеграции у России и Украины отличаются не больше, чем у Великобритании и Германии.

Интеграция в СНГ долгое время осуществлялась в условиях глубокого экономического кризиса. Развитие европейской интеграции успешно осуществлялось, в том числе и в периоды мировых экономических кризисов, однако в настоящее время развертывающийся финансовый кризис имеет не глобальное, а собственно европейское происхождение. Генезис текущего европейского кризиса, как и происхождение кризиса на постсоветском пространстве, не имеет прямой зависимости с цикличностью развития мировой экономики.

Вместе с тем на развитие постсоветской интеграции оказали влияние факторы, отсутствовавшие в экономическом пространстве европейской интеграции.

В странах СНГ изначально отсутствовали основы рыночных экономических отношений.

Страны, входящие в европейские интеграционные объединения, в течение длительного времени получали определенную поддержку ведущей в мире американской экономики. Интеграция в СНГ сопровождалась противодействием ряда экономических и политических акторов.

С другой стороны, в СНГ существуют определенные предпосылки для эффективной экономической интеграции, отсутствующие полностью или частично в Европейском союзе:

- изначально единое территориально-отраслевое разделение труда, базирующееся на исторических и географических предпосылках;

- тенденция граждан СНГ поддерживать тесные социальные связи в силу активных миграций в предшествующий период, отсутствия языкового барьера.

Общими характеристиками экономической интеграции на постсоветском пространстве и в СНГ следует считать:

- наличие, с определенными изъятиями, единого экономического пространства и режима свободного перемещения рабочей силы;
- технологическая взаимозависимость экономик, единые технические регламенты и стандарты;
- проблема «квази-интеграции» как отражение процессов бюрократизации в объединенной Европе и в СНГ, выражающейся в масштабном производстве бюрократических структур и процедур, не приводящих к адекватному развитию экономического взаимодействия между странами;
- существование элементов общей внешней политики, а также инструментов обеспечения безопасности.

Подведем итоги. Процессы экономической, а значит, и политической интеграции от Лиссабона до Владивостока сталкиваются как с общими вызовами, так и с проблемами, имеющими локальную привязку. Общими проблемами следует считать вызовы сепаратизма и национализма, способствующие политической и экономической дезинтеграции.

Тенденции замедления темпов роста мировой экономики также негативно сказываются на интеграционных процессах. Вместе с тем большинство макроэкономических прогнозов дает для объединенной Европы более низкие усредненные темпы роста, чем пространству Таможенного союза и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

Выбор оптимальной модели экономической интеграции также следует считать сегодня общей проблемой интеграционных объединений.

Принципиальное различие в эволюции интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве заключается в том, что наши европейские соседи и партнеры, достигнув весьма высокого уровня, вынуждены заниматься оптимизацией достигнутого. Медленная и осторожная интеграция на постсоветском пространстве может ориентироваться не только на собственный опыт, но и на анализ европейской практики экономической интеграции.

Литература

1. *Борко Ю.* Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? // Европейская безопасность. 2011. № 26 (42). С. 2–5.
2. *Европейская* региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС? Люксембург, 2009.
3. *Иванов И. Д.* Европа регионов. М., 1998.
4. *Зонова Т. В.* От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5.
5. *Сидорова Е. А.* Особенности бюджетной политики в Европейском союзе. М.: МГИМО, 2012.
6. *Benz A., Eberlein B.* The Europeanization of regional policies: patterns of multi-level governance // Journal of European Public Policy. June 1999. Vol. 6, Issue 2.
7. *Harvie K.* The Rise of Regional Europe. London; New York, 1994.
8. *Nielson B., Stubb A.* The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration. Boulder, 2003.
9. *Study* on the Impact of the Single Market on Cohesion: Implications for Cohesion Policy, Growth and Competitiveness (CCIN 2010CE16BAT006). London School of Economics December 2011.

References

1. *Borko Yu.* Europe-XXI: further up or further down? // European safety. 2011. N 26 (42). P. 2–5

2. *European* regional policy: inspiration source for the countries which aren't included into EU? Luxembourg, 2009.
3. *Ivanov I. D.* Europe of regions. M., 1998.
4. *Zonova T. V.* From Europe of the states to Europe of regions // Polis. 1999. N 5.
5. *Sidorova E. A.* Features of the budgetary policy in the European Union. M.: MGIMO, 2012.
6. *Benz A., Eberlein B.* The Europeanization of regional policies: patterns of multi-level governance // Journal of European Public Policy. June 1999. Vol. 6, Issue 2.
7. *Harvie K.* The Rise of Regional Europe. London; New York, 1994.
8. *Nielson B., Stubb A.* The European Union: Reading on the Theory and History of European Integration. Boulder, 2003.
9. *Study* on the Impact of the Single Market on Cohesion: Implications for Cohesion Policy, Growth and Competitiveness (CCIN 2010CE16BAT006). London School of Economics December 2011.

Ю. В. Косов
В. Г. Халин

Yu. V. Kosov
V. G. Halin

Об определении нормативных затрат на оказание образовательных государственных услуг в системообразующих* вузах России

Determination of Regulatory Costs on Rendering of Educational Public Services in the System-forming Higher Education Institutions of Russia

Косов Юрий Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель директора института
Декан факультета международных отношений
Профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
Доктор философских наук, профессор
kosov@szags.ru

Халин Владимир Георгиевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Экономический факультет
Заведующий кафедрой информационных систем в экономике
Доктор экономических наук, доцент
vhalin@yandex.ru

Kosov Yury Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Dean of the Faculty of International Relations
The Head of the Chair of International Relations
Professor of the Faculty of International Relations of the Saint-Petersburg State University
Doctor of Science (Philosophy), Professor
kosov@szags.ru

Halin Vladimir Georgievich

Saint-Petersburg State University
Faculty of Economy
Head of the Chair of Information Systems in Economy
Doctor of Science (Economic), Associate Professor
vhalin@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

механизм бюджетного финансирования высшей школы, нормативно-подушевое финансирование высшего образования

KEY WORDS

budget mechanism of high school financing, normative per capita funding of higher education

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению современных подходов к финансированию высшего образования в современных условиях. Авторами уделяется значительное внимание проблемам, стоящим перед российским высшим образованием в сфере бюджетной поддержки. Особое внимание уделяется вопросу внедрения модели нормативно-подушевого финансирования высшего образования.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of modern approaches to the financing of higher education in the modern world. The author devotes considerable attention to the problems facing the Russian higher education in the field of budget support. Particular attention is paid to the implementation of the model of normative per capita funding of higher education.

* МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, федеральные университеты, национальные исследовательские университеты и другие вузы, статус которых определен специальными Указами Президента РФ или Постановлениями Правительства РФ.

В последнее время в российской высшей школе произошли значительные институциональные изменения как в нормативно-правовом обеспечении образовательной деятельности, так и в отношении изменения статуса и вида ряда высших учебных заведений России, а именно: присвоение ряду вузов особого статуса, формирование федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, системообразующих и инновационных вузов[1].

В соответствии с принятым 8 мая 2010 г. Федеральным законом № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» предусматривается изменение правового положения существующих бюджетных учреждений — выделение учреждений трех типов: автономных, новых бюджетных и казенных. При этом финансирование бюджетных учреждений по смете заменено финансовым обеспечением выполнения ими государственного или муниципального задания в форме субсидий. Государственное задание для «нового» бюджетного или автономного учреждения будет содержать описание конечного результата и показатели эффективности, за которые и платит бюджет. Эти новые правила касаются, прежде всего, учреждений науки, образования, здравоохранения, культуры.

Вместе с тем указанные выше институциональные изменения в российской высшей школе и дополнительная государственная поддержка ведущих университетов, к сожалению, не позволяют говорить о достижении стратегических целей реформирования российской системы образования с точки зрения повышения доступности, эффективности и качества образования[2]. Более того, можно обоснованно говорить о реальном снижении доступности для российских граждан получения бесплатного высшего профессионального образования, а также о том, что практически не ставится и не решается вопрос о повышении заработной платы, престижа и социального статуса научно-педагогических работников российских вузов, что не позволяет российским университетам выдерживать глобальную конкуренцию[3].

Важнейшей проблемой, обеспечивающей достижение стратегических целей реформирования высшей школы России и требующей безотлагательного решения в условиях проходящих институциональных изменений, является финансирование высшей школы. Формирование новых институтов и механизмов эффективного использования бюджетных средств в российской системе образования до сих пор остается одной из базовых проблем, от решения которой во многом зависит результат достижения стратегических целей модернизации российской системы образования. Еще в законе «Об образовании» 1992 г. было установлено, что финансирование образовательных учреждений осуществляется на основе нормативов, определяемых в расчете на одного обучающегося, воспитанника по каждому типу, виду и категории образовательного учреждения.

---

[1] Так, в последние два–три года из 673 государственных и муниципальных вузов 38 получили особый статус (2 — МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ, 7 федеральных университетов, 29 национальных исследовательских университетов). Эти вузы (каждый) получили дополнительную государственную поддержку — 5 млрд руб., 3 млрд руб. и 1,8 млрд рублей соответственно. Помимо этого, в рамках высшей школы реализуются такие федеральные целевые проекты и программы, как приоритетный национальный проект «Образование», целевая программа «Государственная поддержка ведущих университетов» и др. Общая сумма государственной поддержки ведущих университетов в 2010–2012 гг. составила дополнительно около 90 млрд руб.

[2] Выступление Президента РФ В. В. Путина на заседании Государственного совета РФ от 29 августа 2001 г.

[3] Доклад «Высшее образование в России: вызовы и решения» на пленарном заседании Общественной палаты России 3 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oprf.ru/ (дата обращения: 07.11.2010).

Основными направлениями, по которым сегодня происходит совершенствование механизмов финансирования образования в России, являются: создание системы нормативного финансирования; разработка системы финансирования, основанной на идее государственных именных финансовых обязательств (ГИФО)[1], развитие системы субсидирования образования и использование системы кредитования в образовании [3].

В настоящее время бюджетное финансирование высшего и среднего профессионального образования в России составляет 0,7% ВВП, что в 2 раза ниже, чем в развитых странах (средний показатель по странам ОЭСР — 1,3% ВВП). Научные бюджеты российских университетов составляют не более 0,04% ВВП, в то время как в развитых странах — 0,25–0,4%. Для восстановления эффективной системы высшего образования в России бюджетный вклад планируется к 2015 г. довести до 1,3–1,4% ВВП (на университетскую науку — до 0,3% ВВП). Вклад семей в финансирование высшего образования будет оставаться стабильным (на уровне 0,4–0,5% ВВП), в то время как вклад предприятий увеличится (с 0,05 до 0,2–0,3% ВВП). Все это позволит вывести ресурсное обеспечение высшего образования на уровень, соответствующий странам-лидерам, — свыше 2% ВВП [4].

В последние годы в российской системе высшего профессионального образования наблюдается рост бюджетного финансирования. Так, только с 2004 по 2010 г. объем бюджетного финансирования вырос в 4,5 раза. Однако за этот же период число студентов-бюджетников не увеличилось, а наоборот, упало. И это привело к существенному росту расходов на обучение каждого бюджетника. К 2010 г. расходы в расчете на одного студента составили в среднем почти 135 000 руб., а если взять расходы на студента очного отделения, то показатель будет еще более высоким — почти 185 000 руб. При этом около 10% государственных вузов используют бóльшую часть всех бюджетных средств, выделенных на все вузы, а объемы полученных отдельными вузами бюджетных средств различаются более чем в 7,5 раз — они дифференцируются от 42 000 до 315 000 руб. на одного студента в год[2].

Далее. По данным Росстата, заработная плата в образовании в первом полугодии 2010 г. составила 63,2% от средней по экономике, а этот же показатель в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, соответственно, составил 77,1%. Очевидно, что такой уровень заработной платы не позволяет осуществлять воспроизводство научно-педагогических кадров высшей школы на конкурентоспособном уровне для страны, стремящейся занять привлекательную нишу на мировом рынке образовательных услуг.

Недофинансирование учреждений высшего профессионального образования, существенная дифференциация бюджетного финансирования вузов в расчете на одного студента, низкий уровень заработной платы преподавателей высшей школы, различия в стоимости обучения на аналогичных образовательных программах в разных вузах свидетельствуют о нерешенности проблем финансирования высшего образования. Одной из важнейших причин неэффективного бюджетного финансирования вузов является отсутствие утвержденной модели бюджетного финансирования и методики определения стоимости образовательных программ.

Принятие и внедрение научно обоснованной модели бюджетного финансирования ВПО и на ее основе унифициро-

[1] ГИФО по существу является фактом закрепления за конкретным студентом (обучающимся) некоторой денежной суммы, которую государство готово потратить на оплату его обучения. См.: Постановление правительства РФ от 14.01.2002 г. № 6.

[2] *Клячко Т.* Экономика высшего образования — смена модели [Электронный ресурс]. URL: http://opec.ru/1340471.html (дата обращения: 11.08.2011).

ванной методики определения стоимости образовательных программ должно способствовать повышению эффективности использования бюджетных средств, которые наряду с другими финансовыми источниками будут обеспечивать достижение стратегической цели функционирования системы высшего образования — подготовку высококвалифицированных кадров, конкурентоспособных как в России, так и за рубежом [1].

Несмотря на то что с начала реформ в российской высшей школе был осуществлен ряд разработок по моделям финансирования высшего профессионального образования [2], как нам представляется, эффективного решения пока не найдено. С нашей точки зрения, переход на нормативно-подушевое финансирование представляет собой комплексную проблему, требующую как научного решения, так и серьезной практической проработки. В частности, отсутствуют научный прогноз и оценка последствий введения нормативно-подушевого финансирования как для всей системы высшего образования в целом, так и для отдельных вузов в частности. Сегодня требуется: обеспечение стабильного и достаточного финансирования работы вузов; повышение заработной платы преподавателей; модернизация материально-технической базы; развитие в вузах НИР; обеспечение закрепления в вузах молодых преподавателей; обновление учебников и учебных пособий; формирование современной информационной среды; повышение квалификации преподавателей [4]. Некоторые вузы пытаются решать эти проблемы самостоятельно, но их возможности весьма ограничены.

В программе развития образования, принятой Минобрнауки России[1], с 2012 г. был запланирован переход вузов на нормативно-подушевое финансирование, при этом в качестве основного варианта рассматривается модель нормативно-подушевого финансирования высшего образования, которая подготовлена специалистами ГУ-ВШЭ и основана на идее государственных именных финансовых обязательств. Согласно этой модели бюджетные средства должны направляться в государственные вузы в форме субсидий на обучение студентов с высокой успеваемостью по результатам школьного ЕГЭ по русскому языку и математике. Провозглашается принцип «Деньги следуют за студентами» и отменяется механизм контрольных цифр приема. Так, например, при поступлении в вуз на первый курс абитуриенты, имеющие результаты ЕГЭ от 55 до 70 баллов, получают субсидию первого уровня в размере 100 000 руб. в год, а абитуриенты, имеющие результаты ЕГЭ выше 70 баллов, получат субсидию второго уровня в размере 200 000 руб. в год. Еще 10% абитуриентов (со средними баллами ЕГЭ не менее 51) получат право на льготный образовательный кредит в размере 100 000 руб. в год. Поступающие в магистратуру получают субсидии в зависимости от вуза, в который они зачислены: 340 000 руб. в год для обучения в МГУ, СПбГУ, в федеральных, а также в национальных исследовательских университетах; 170 000 руб. в год — для обучения в других вузах. При этом предполагается увеличение доли обучающихся в магистратуре в вузах с особым статусом в общей численности магистрантов в 2010–2015 гг. с 21 до 45%.

Один из авторов данной модели, ректор ГУ-ВШЭ Я. И. Кузьминов, считает, что сейчас для России главный резерв экономии в системе высшего профессионального образования — прекращение бюджетного финансирования обучения слабых, плохо успевающих студентов[2]. Возможно, что с этой точки зрения использование модели нормативно-подушевого финансирования высшего образования (далее — «Модель ГУ-ВШЭ») вполне оправдано, однако возникает со-

[1] Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://mon.gov.ru/ruk/ministr/dok/6853/ (дата обращения: 11.10.2012).

[2] Интервью газете «Поиск» 15 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.poisk-news.ru/ (дата обращения: 15.10.2012).

всем другой вопрос: как это соотносится со стратегическими целями реформирования российской системы образования в целом?

Анализ показывает, что повсеместное применение Модели ГУ-ВШЭ в качестве основного механизма бюджетного финансирования высшей школы России приведет к ситуации, когда через 3–5 лет больше половины государственных вузов России практически лишатся госбюджетной поддержки, а основные госбюджетные ресурсы будут сосредоточены в 100–150 вузах-лидерах. Нам представляется, что при таком подходе произойдет реальное разрушение российской высшей школы, которая в настоящее время ни концептуально, ни организационно не готова к фронтальному переходу на предлагаемую модель нормативно-подушевого финансирования. На государственном уровне отсутствуют четко сформулированные цели, задачи и ожидаемые результаты такого перехода; нет научно обоснованного прогноза последствий и оценки предлагаемого нового механизма финансирования высшего образования. Отсутствует соотнесение ожидаемых результатов такого перехода со стратегическими целями реформирования системы высшего образования.

Существенно снижаются конкурентоспособность и привлекательность российской высшей школы, в том числе и в связи с потерей экономической устойчивости большей части государственных вузов России, ориентацией вузов на краткосрочную перспективу своего развития и утратой основных достоинств отечественного образования — его фундаментальности, высокого уровня научности и междисциплинарного характера. В силу вышеизложенного нам представляется целесообразным и единственно возможным следующее. При обсуждении проектов моделей нормативно-подушевого финансирования высшего образования прежде всего надо исходить из необходимости решения общих задач и проблем российского высшего образования, в том числе связанных с происходящими институциональными изменениями высшей школы, и только после этого можно переходить к рассмотрению конкретных вопросов, таких как разработка новых механизмов финансирования высшего образования.

Новые модели нормативно-подушевого финансирования прежде всего должны стать инструментом достижения общих целей реформирования российской высшей школы в современных условиях, которые необходимо четко сформулировать на государственном уровне с учетом принятых Россией обязательств в рамках Болонского процесса, но не приводить в противоречие с задачами усиления конкурентоспособности и фундаментальности российской высшей школы, сохранения самодостаточности национальной системы высшего образования.

С учетом обозначенной выше позиции, на наш взгляд, значительно более перспективными моделями финансирования российской высшей школы в современных условиях являются Модель нормативно-подушевого финансирования вузов при их категорировании — выделении национальных университетов и системообразующих вузов, а также Модель финансирования на нормативно-подушевой основе образовательных программ [2]. Остановимся на этих подходах более подробно. Идея выделения ведущих вузов и их повышенного бюджетного финансирования была выдвинута еще в 2000 г. и была связана не только с необходимостью концентрации образовательного и научного потенциала высшей школы, но и с попыткой решения проблемы острой нехватки бюджетных средств в российском образовании.

Категорирование вузов в условиях, когда в России фактически действует «всеобщее» высшее образование, представляется обоснованной и необходимой мерой по повышению эффективности функционирования государственных вузов, качества образовательных услуг, обеспечению конкурентоспособности российского высшего образования на мировом рынке образовательных услуг. В данной модели при категорировании вузов предполагается, что нор-

матив подушевого финансирования в национальных университетах будет примерно в 5 раз больше, чем в обычном вузе, а в системообразующих — в 3 раза. Такой подход и объемы госбюджетного финансирования позволили бы еще в 2004 г. создать 10–20 национальных университетов и 100–200 системообразующих вузов. В данной модели национальные университеты и системообразующие вузы рассматриваются в качестве локомотивов по повышению конкурентоспособности российского высшего образования на мировых образовательных рынках, что способствует привлечению в них дополнительных внебюджетных средств от обучения иностранных студентов. Данная задача является актуальной и на современном этапе реформирования российской высшей школы.

Достаточно показательным в этом направлении является опыт последних 10–15 лет модернизации высшего образования в Китае, позволивший улучшить научно-техническую базу сильнейших университетов КНР и сделать их конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг. Так, при реализации проектов «211» и «985» были отобраны 110 ведущих вузов страны, развитие которых было признано приоритетным для национального образования. Именно эти вузы должны достойно представлять Китай на международном уровне, заниматься ключевыми научными исследованиями, формировать «элиту» современного образования. Именно в этих университетах, представляющих не более 6% от общего числа вузов, обучаются половина иностранных студентов, 2/3 всех аспирантов и 4/5 всех докторантов. Помимо этого, 96% всех научных лабораторий страны находятся именно в этих учреждениях. Около 70% всех бюджетных ассигнований приходится именно на эти вузы, что связано с их исключительной важностью для китайского образования. На финансирование данных проектов было затрачено более 10 млрд евро.

Зарубежный опыт финансирования высшего образования показывает, что особая роль в стимулировании развития образования должна принадлежать государству и государственной политике. Несмотря на то что во всех странах мира идет поиск дополнительных источников финансирования образовательной сферы и путей повышения гибкости в подготовке специалистов, ни одна из развитых стран не отказывается от государственной поддержки образования. Три ведущие европейские страны в области образования — Германия, Франция и Великобритания — имеют бюджетное финансирование, покрывающее свыше 80% всех расходов на образование. Финляндия, занимающая в настоящее время лидирующие позиции в европейском образовательном процессе, закрепляет принцип бесплатности образования законодательно, рассматривая его не просто как социальное достижение, а как гарантию качества образования. США являются единственной страной с развитым образованием, где уровень бюджетного финансирования этой сферы на сегодняшний день ниже 50%[1].

В настоящее время большинство стран стремится использовать комбинированные подходы, пытаясь найти оптимальные варианты, позволяющие не только обеспечить для своих граждан доступ к высшему образованию, но и контролировать качество работы вуза и результаты обучения студентов. В большинстве государств формула подушевого финансирования основана на данных о численности студентов за предыдущий год и, как следствие, расчеты по формулам являются прозрачными. В Австралии, Германии, Новой Зеландии, Франции и Великобритании численность студентов используется в качестве центрального параметра при расчетах объемов финансирования вузов.

С целью дифференциации норматива в зависимости от направления обучения (специальности) в большинстве государств используются различные тариф-

[1] *Климов А. А.* Нормативно-подушевое финансирование вузов [Электронный ресурс]. URL: http://www.smb.ru/analitics.html?id=meg_klimov (дата обращения: 10.04.2011).

ные сетки и корректирующие коэффициенты (Дания, Нидерланды, Швеция, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Чили). Примеры корректирующих коэффициентов по направлениям и уровням образования, применяемые в Австралии, приведены в табл. 1 и 2.

В соответствии с выделенными группами образовательных программ нормативы подушевого финансирования изменяются от 1 до 2,7 при подготовке бакалавров, от 1,4 до 3 при подготовке магистров и от 2,0 до 4,7 от базового уровня при подготовке аспирантов.

Одной из основных тем дискуссий относительно моделей нормативно-подушевого финансирования высшего образования является финансовое наполнение и структура норматива. Финансовое наполнение норматива определяется в первую очередь финансовыми возможностями бюджета государства. На рисунке приведена структура удельных расходов на обучение студентов в ряде государств. Из приведенных данных следует, что, несмотря на определенные различия, принципиальная структура удельных расходов вузов является достаточно схожей во всех рассмотренных странах и включает следующие основные элементы — заработную плату профессорско-преподавательского состава (ППС), заработную плату обеспечивающего персонала, затраты на прочие текущие расходы и капитальные затраты.

Представленные данные показывают, что, несмотря на различие зарубежных моделей финансирования высшего образования, существенную роль в затратах занимает оплата труда ППС и обеспечивающего персонала, — она доходит до 70% уровня всех затрат на обучение студентов. Это еще раз подтверждает значимость и важность трудового ресурса, обеспечивающего качество и профессиональный уровень подготовки кадров в высшей школе. На это необходимо обратить особое внимание именно потому, что для высшей школы России проблема уровня оплаты труда работников, в первую очередь ее профессорско-преподавательского состава, является чрезвычайно острой и актуальной.

Суть модели финансирования на нормативно-подушевой основе образовательных программ состоит в том, что норматив подушевого финансирования рассчитывается на базовую образова-

Таблица 1

Группы образовательных программ высшего образования в Австралии

Группа	Бакалавры	Магистры	Аспиранты
1	Бухгалтерский учет, экономика, юриспруденция	Бухгалтерский учет, экономика, юриспруденция, статистика, другие гуманитарные и социальные науки	Бухгалтерский учет, экономика, юриспруденция, статистика, другие гуманитарные и социальные науки, информационные технологии, медсестринское дело, лингвистика
2	Поведенческие науки, педагогика, математика, статистика, другие социальные науки		
3	Информационные технологии, медсестринское дело, лингвистика	Информационные технологии, медсестринское дело, лингвистика	
4	Инженерное дело, технические науки	Инженерное дело, технические науки	Инженерное дело, технические науки, агрономия, стоматология, медицина, ветеринария
5	Агрономия, стоматология, медицина, ветеринария	Агрономия, стоматология, медицина, ветеринария	

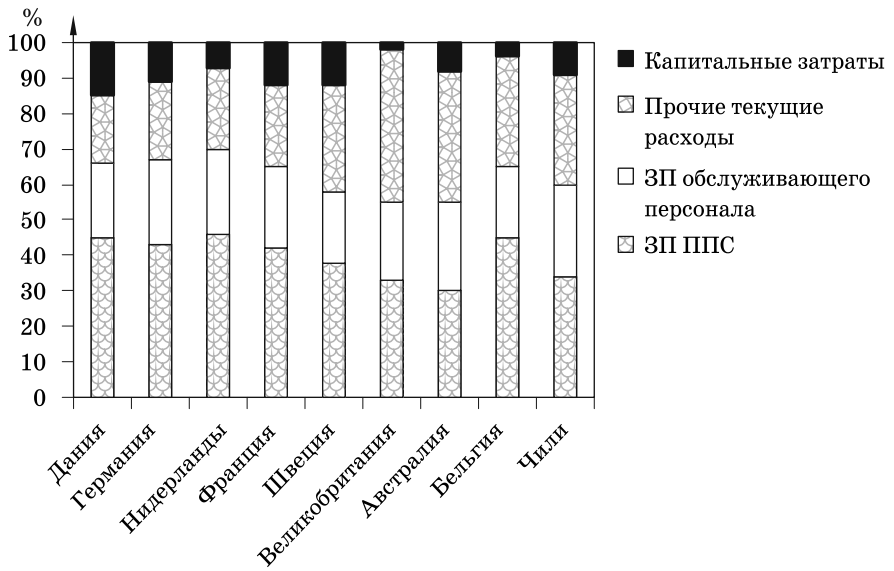
Источник: [2, с. 67].

Таблица 2

Дифференциация нормативов финансирования образовательных программ в Австралии

Группа образовательных программ	Коэффициенты по направлениям и уровням высшего образования		
	бакалавры	магистры	аспиранты
1	1,0	1,4	2,0
2	1,3		
3	1,6	1,8	
4	2,2	3,0	4,7
5	2,7		

Источник: [2, с. 68].



Структура удельных расходов вузов в зарубежных странах

Источник: Климов А. А. Нормативно-подушевое финансирование вузов. URL: http://www.smb.ru/analitics.html?id=meg_klimov (дата обращения: 10.04.2011).

тельную программу высшего профессионального образования (далее — ВПО), а остальные программы оцениваются путем умножения указанного норматива на корректирующие коэффициенты фондоемкости и сложности. Данный подход во многом схож с механизмами финансирования, которые в последние годы активно внедряются за рубежом, и описан выше. В рамках этой модели для условий 2005 г. в России были предложены следующие нормативы подушевого финансирования и поправочные коэффициенты: бакалавриат (специалитет) — 24 000 руб. в расчете на одного студента в год; магистратура — норматив на одного студента бакалавриата (специалитета) с поправочным коэффициентом 3, т. е. 72 000 руб. на человека; коэффициент дифференциации в зависимости от фондоемкости специальности (направления): по стандартным специальностям и направлениям подготовки — 1; по фондоемким програм-

мам — 2,1; коэффициент дифференциации в зависимости от формы обучения: для очной формы обучения — 1,0; для очно-заочной формы — 0,5; для заочной формы — 0,25; экстерната — 0,1.

Современные исследования в данной области показывают, что при определении достаточного и справедливого финансирования, которое государство предполагает выделять в виде субсидий на реализацию образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования, следует учитывать ряд факторов, которые существенно сказываются на стоимости реализации образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования. К таким факторам относятся: образовательный ценз и вид образовательной программы, уровни или ступени, профессиональная направленность или фондоемкость образовательной программы, форма и основа обучения по образовательной программе, уровень средней заработной платы ППС, тип или особенности вуза, реализующего образовательные программы, доля расходов на заработную плату всех категорий работников вуза с начислениями[1] в общих затратах на реализацию данных образовательных программ.

Учет данных факторов и подходы, изложенные в методике расчетов нормативов финансирования учреждений высшего и среднего профессионального образования[2], позволяют оценить норматив подушевого финансирования, который можно считать ценой соответствующей образовательной услуги, предоставляемой государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования за счет средств государства в виде субсидии. В частности, например, если размер государственных субсидий будет равен размеру субсидий в Модели ГУ-ВШЭ[3], то уровень средней заработной платы профессорско-преподавательского состава в системообразующих вузах России при реализации программ бакалавров (специалистов) будет равен около 8000 руб. в месяц, а в случае реализации программ магистров — около 27 000 руб. Совершенно очевидно, что такой уровень средней заработной платы ППС является явно недостаточным и не позволит вывести ресурсное обеспечение российской высшей школы на уровень, соответствующий странам-лидерам.

* * *

Рассмотренный анализ российской и зарубежной практики финансирования высшего образования показывает, что при использовании нормативно-подушевого метода для определения нормативных затрат на оказание образовательных государственных услуг в высшей школе России следует особое внимание уделять учету следующих вариантов проявления факторов риска недофинансирования реализации образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования:

- необоснованные нормативы соотношения между числом студентов (обучающихся) и закрепленным за ним числом единиц профессорско-преподавательского состава (ППС)[4];

[1] Расходы по статье 210 включают в себя затраты на оплату труда ППС, учебно-вспомогательного, административно-управленческого и прочего обслуживающего персонала вуза, а также начисления на заработную плату.

[2] Методика расчетов нормативов финансирования учреждений высшего и среднего профессионального образования // Университетское управление: практика и анализ. 2001. № 1 (16). С. 24–45.

[3] Субсидия первого уровня в размере 100 000 руб. в год на одного бакалавра или специалиста и субсидия для магистрантов в зависимости от вуза, в который они зачислены, — 340 000 руб. в год для обучения в МГУ, СПбГУ, в федеральных, а также в национальных исследовательских университетах; и 170 000 руб. в год — для обучения в других вузах.

[4] Примером, подтверждающим данный фактор риска, является тот факт, что с момента утверждения 10 августа 1993 г. Постановлением Госкомвуза России № 42 положения о магистерской подготовке в Российской Федерации до настоящего времени так и не определен

- недостаточный уровень средней заработной платы ППС, участвующих в реализации конкретных образовательных программ[1];
- необоснованные нормативы соотношения фонда оплаты труда ППС и фонда оплаты труда других категорий работников вузов (административно-управленческого, учебно-вспомогательного и прочего обслуживающего персонала вуза)[2];
- необоснованный норматив доли затрат на оплату труда всех категорий работников вуза в общих затратах на реализацию конкретных образовательных программ;
- неправильный учет специфики образовательных программ (например, учет уровней, форм и профессиональной направленности образовательных программ)[3];
- неправильный учет специфики и статуса российского вуза, в котором реализуются конкретные образовательные программы (например, учет статуса МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, федеральных, национальных исследовательских университетов и других системообразующих вузов России).

Низкий уровень нормативно-правового обеспечения модернизации российской высшей школы в условиях ее перехода на нормативно-подушевое финансирование является одним из основных препятствий на пути ее развития. Решение этой проблемы требует новых подходов к обеспечению организации управления разработкой нормативно-правового сопровождения реформирования российской высшей школы в условиях построения инновационной экономики и обеспечения ее конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг, что требует кардинальных институциональных преобразований с четко обозначенными целями, задачами и ожидаемыми результатами. Неэффективная организация управления в этой области ведет к развитию процессов дезорганизации и крупным экономическим потерям.

порядок финансирования магистратуры и не утверждено на федеральном уровне соотношение между числом студентов-магистрантов и закрепленным за ним числом единиц ППС.

[1] Анализ показывает, что существенную роль в общих затратах на обучение студентов занимает оплата труда ППС и обеспечивающего персонала, она составляет от 55 до 70% уровня всех затрат на обучение студентов. Вместе с тем в РФ в настоящее время отсутствуют на федеральном уровне документы, регламентирующие уровень оплаты труда ППС в российских вузах, поскольку с 1 января 2005 г. была отменена статья 54 Закона РФ «Об образовании», которая предусматривала, что размер средней ставки заработной платы и должностного оклада ППС в вузах должны устанавливаться на уровне, в 2 раза превышающем уровень средней заработной платы работников промышленности РФ. В августе 2011 г. на встрече с ректорами ведущих вузов страны премьер-министра России В. В. Путина отмечалось, что средняя зарплата преподавателей в российских вузах сейчас составляет 21 700 руб., что ниже средней по экономике «в целом» (22 500 руб.).

[2] Влияние данного фактора риска недофинансирования возрастает в условиях отмены Постановлением Правительства РФ от 5 августа 2008 г. № 583 с 1 декабря 2008 г. единой тарифной сетки оплаты труда работников бюджетной сферы.

[3] В настоящее время в российской высшей школе при определении объемов финансирования никак не учитывается уровень программ магистратуры и нет четкой дифференциации финансирования образовательных программ в зависимости от их профессиональной направленности (фондоемкости).

Литература

1. *Балыхин Г. А.* Управление развитием образования: организационно-экономический аспект. М.: Экономика, 2003. 428 с.
2. *Беляков С. А., Беляков Н. С., Клячко Т. Л.* Анализ и оценка экономической устойчивости вузов. М.: МАКС Пресс, 2008. (Управление. Финансы. Образование). 193 с.

3. *Модели* финансирования вузов: анализ и оценка / Под ред. С. А. Белякова. М.: Технопечать, 2005. 274 с.
4. *Кузьминов Я., Мау В., Синельников-Мурылев С.* Страна, где много-много плохих вузов // Эксперт. 2009. № 37. С. 72–77.
5. *Сенашенко В. С., Халин В. Г., Кузнецова В. Н.* О перечне направлений высшего профессионального образования как составной части государственного образовательного стандарта третьего поколения // Высшее образование в России. 2007. № 3. С. 25–35.

References

1. *Balykhin G. A.* Management of a development of education: organizational and economic aspect. M.: Economica publishing house, 2003. 428 p.
2. *Belyakov S. A., Belyakov N. S., Klyachko T. L.* Analysis and assessment of economic stability of higher education institutions. M.: MAX Press, 2008. (Management. Finance. Education). 193 p.
3. *Models* of financing of higher education institutions: analysis and assessment / Under the editorship of S. A. Belyakov. M.: Technopress, 2005. 274 p.
4. *Kuzminov Ya., Mau V. A., Sinelnikov-Murylev S.* The country where there are a lot of bad higher education institutions // Expert. 2009. N 37. P. 72–77.
5. *Senashenko V. S., Halin V. G., Kuznetsova V. N.* About the list of the directions of higher education as component of the state educational standard of the third generation // The higher education in Russia. 2007. N 3. P. 25–35.

В. А. Курзенев
Е. Б. Лычагина

V. A. Kurzenev
E. B. Lychagina

Стохастическое моделирование динамики экономической системы

Stochastic Modelling of Dynamics of Economic System

Курзенев Владимир Анатольевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой математики и моделирования социально-экономических процессов
Доктор технических наук, профессор
kurzenev-va@szags.ru

Kurzenev Vladimir Anatolyevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Mathematics and Modeling of Social and Economic Processes
Doctor of Science (Technical Sciences), Professor
kurzenev-va@szags.ru

Лычагина Елена Борисовна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра информатики
Старший преподаватель
elenal355@mail.ru

Lychagina Elena Borisovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Assistant Professor of the Chair of Informatics
elenal355@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
модель, экономика, стохастические дифференциальные уравнения, интегрирование

KEY WORDS
model, economic, stochastic differential equations, integration

РЕФЕРАТ
В статье предложена динамическая модель для односекторной экономики на основе стохастических дифференциальных уравнений. Модель относится к классу экзогенных моделей. Отличием ее является учет случайных воздействий на экономическую систему, включая «шоковые» воздействия, а также ее реализуемость на основе компьютерных технологий с применением численных методов интегрирования.

ABSTRACT
In this article is presented the efficient dynamic model for one-sector economic on the base of stochastic differential equations. This model belongs to the exogenous class. Essential novelty of the model is in accounting of casual influences on economic system, including shock influences as well as its implementability on the base of computer technologies by using numerical methods of integration.

Макроэкономическая динамика определяется совокупностью сложных процессов. На значения переменных, участвующих в них, влияет множество факторов, в том числе и политические решения, что существенно усложняет задачу моделирования экономического развития.

В настоящее время разработано и опробовано большое количество математических моделей, позволяющих анализировать экономическое состояние и развитие региона. Основной недостаток большинства моделей заключается в том, что они являются детерминированными, т. е. в отношении основных величин предполагается их стабильность, случайными воздействиями пренебрегают, таким образом, не учитывается случайный характер воздействия различных факторов.

Характер явлений, с которыми приходится иметь дело при исследовании социальных и экономических процессов и управлении ими, требует применения

стохастических моделей. Применение стохастических моделей при исследовании экономических процессов заключается как в заимствовании и адаптации моделей из других областей, так и в разработке специальных моделей. Экономическая модель, учитывающая влияние стохастических воздействий, должна отражать степень, с которой они могут повлиять на конечные результаты моделирования.

Рассмотрим более подробно макроэкономическую модель, где в качестве базовой взята динамическая модель Солоу, позволяющая описать основные тенденции развития экономики, в том числе на региональном уровне [1]. В модели рассматриваются следующие показатели: Y — валовой внутренний продукт (ВВП), I — валовые инвестиции (валовой фонд накопления), C — фонд непроизводственного потребления, K — основные производственные фонды, L — численность трудовых ресурсов.

Y, L, C являются потоковыми показателями, т. е. их значения накапливаются в течение года, а K и L — мгновенные, или запасовые переменные, т. е. их значения можно измерить в любой момент времени.

Модель Солоу с непрерывным временем

$$Y(t) = F(K(t),\ L(t)),$$

$$Y(t) = I(t) + C(t),$$

$$\frac{dK}{dt} = -\mu K + I,\ K(0) = K_0,$$

$$\frac{dL}{dt} = \nu L,\ L(0) = L_0,\ t \in [0,\ T],$$

$$\frac{dA}{dt} = \eta A,\ A(0) = A_0,$$

$$I(t) = \rho Y(t),$$

где $t = 0$ — базовый год изучаемого периода, $t = T$ — конечный год, K_0, I_0, L_0, A_0 считаются заданными, μ — коэффициент износа основных производственных фондов (ОПФ) за год, ν — годовой темп прироста числа занятых, ρ — норма накопления, η — коэффициент технического прогресса, причем коэффициенты μ, ν, ρ и η предполагаются постоянными.

Первое уравнение характеризует ВВП как производственную функцию, зависящую от ресурсов — ОПФ и численности занятых. Второе уравнение определяет распределение ВВП на потребление и валовые инвестиции. Третье уравнение характеризует изменение фондов в результате износа и инвестиций. Это важнейший элемент модели, уравнение динамики капитала. Четвертое уравнение характеризует рост числа занятых.

Поскольку в реальной экономике важным фактором является распределение валового внутреннего продукта на накопление и потребление, второе уравнение можно рассматривать как управляющее. Экономика в данной модели является динамической системой, так как в ее составе присутствуют динамические элементы.

Модель нелинейна, поскольку связь между выпуском и затратами задана как нелинейная производственная функция. Модель является односекторной моделью экономического роста, рассматривает экономику региона как единую однородную систему без разделения ее по секторам. Модель отражает важнейшие макроэкономические аспекты процесса воспроизводства и позволяет в общих чертах анализировать соотношение между потреблением и накоплением.

Основной ее недостаток заключается в том, что она является детерминированной и не учитывает случайный характер воздействия различных факторов. Перейдем к стохастической модели, где в исходные уравнения с абсолютными показателями вносится неопределенность. Таким образом, анализ динамики экономической системы региона при случайных внешних воздействиях состоит в исследовании вероятностных и статистических свойств решений систем дифференциальных уравнений, возмущенных случайными процессами. Такие системы

в общем случае описываются уравнением [3]:

$$\frac{dx_t}{dt} = a(x_t, u(t), t) + \Sigma(x_t, t)r_t, \quad (1)$$
$$x_0 = x(0, \omega),$$

где $xt \in R^n$ — вектор состояния системы; $u(t)$ — управляющее неслучайное воздействие; rt — стохастическое возмущение; $a(x, u, t)$; $\Sigma(x, t)$ — матричные функции своих аргументов; $x_0 \in R^n$ — вектор начальных условий. Уравнение (1) рассматривается на некотором вероятностном пространстве (Ω, F, P).

Если в исходные уравнения модели Солоу внести неопределенность по трудовым ресурсам и техническому прогрессу, то в абсолютных показателях модель Солоу может быть записана с помощью следующей системы стохастических дифференциальных уравнений:

$$\begin{aligned} dK &= \rho F(K, AL)dt - \mu K dt, \\ dL &= \nu L(dt + A_1(K, AL)dZ_1), \\ dA &= \eta A(dt + A_2(K, AL)dZ_2), \end{aligned} \quad (2)$$

где $z(t)$ — винеровский процесс; $dZ \in N(0, dt)$; $A_1(K, AL)dZ_1$ — неопределенность для рабочей силы; $A_2(K, AL)dZ_2$ — неопределенность технического прогресса. Полагаем, что $\mathrm{cov}(dZ_1, dZ_2) = r$.

При переходе к модели в удельных показателях применяется правило стохастического дифференцирования Ито к фондовооруженности как случайному процессу $' = \frac{K}{AL}$. Учитывая, что

$$dZ_1 dZ_2 = r dt,$$

$$dZ_1 dt = dZ_2 dt = (dt)2 = 0,$$

$$dZ_1^2 = dZ_2^2 = dt,\ dZ_1,\ dZ_2 \in N(0,\ dt)$$

после преобразований получим следующее уравнение

$$dk = [\rho f(k) - (\eta + \nu + \mu)k + P(k)]dt + R(k)dZ, \quad (3)$$

$$k(0) = k_0 = \frac{K_0}{A_0 L_0},$$

где $P(k) = k(A_1\nu^2 + A_1A_2\nu\eta r + A_2\eta^2)$, $R^2(k) = k^2(A_1^2\nu^2 + 2A_1A_2\nu\eta r + A_2^2\eta^2)$.

Полученное уравнение относится к диффузионному типу

$$dk(t) = b(t,\ k(t))dt + \sigma(t,\ k(t))dZ(t) \quad (4)$$

с коэффициентом сноса $b(t,\ k(t))$ и коэффициентом диффузии $\sigma(t,\ k(t))$.

Структура решения дифференциального уравнения определяется производственной функцией $f(k)$. При исследовании уравнения (3) для различных производственных функций прежде всего ставится вопрос о существовании и единственности сильного решения. Неизвестные параметры производственных функций оцениваются методами математической статистики на основе реальных данных о состоянии развития экономики региона.

Наиболее просто вопрос о существовании и единственности решения уравнения (4) на любом отрезке $[t_0,\ T]$ решается в случае, когда квадраты параметров сноса и диффузии удовлетворяют условию Липшица по второму аргументу как функционалы на пространстве интегрируемых с квадратом функций. Это условие может быть ослаблено, поскольку доказано существование решения при условии непрерывности параметров сноса и диффузии. Решение системы (2) предполагается находить с помощью численных методов решения стохастических дифференциальных уравнений Ито [2].

С помощью общего метода Бьюси можно исследовать различные стохастические системы с использованием метода Монте-Карло. Однако в силу своей общности этот метод не всегда эффективен, так как он не учитывает специфику стохастических систем, определяемую коэффициентами сноса и диффузии.

В численном подходе Кушнера происходит дискретизация временнóй и пространственной переменных. При этом случайные процессы превращаются в цепи Маркова с конечным числом состояний. Этот подход можно применять к задачам лишь с небольшой размерностью пространства состояний, поскольку при численной реализации использование матриц перехода приводит к существенным вычислительным затратам.

С практической точки зрения для решения стохастических уравнений интересен подход, основанный на стохастических аналогах формулы Тейлора. Здесь используется конечная дискретизация временной переменной и осуществляется численное моделирование решения стохастического уравнения в дискретные моменты времени при помощи стохастических аналогов формулы Тейлора. При этом в формулах присутствуют повторные стохастические интегралы в форме Ито или Стратоновича, являющиеся функционалами сложной структуры.

Численное решение стохастических дифференциальных уравнений сводится к рассмотрению систем повторных стохастических интегралов Ито. Для исследования сходимости численных методов рассматриваются два критерия: сильный (среднеквадратический) и слабый, в котором аппроксимируется не решение стохастического уравнения, а его распределение. В вычислительном плане сильные численные методы, которые основаны на сильном критерии сходимости, намного сложнее слабых методов. Каждый из этих критериев сходимости ориентируется на решение определенных классов задач.

Используя сильные численные методы, можно численно строить различные выборочные траектории решения стохастического дифференциального уравнения. Сама по себе задача численного моделирования совокупностей повторных стохастических интегралов, основанная на сильном (среднеквадратическом) критерии сходимости, является достаточно сложной как теоретически, так и вычислительно.

Рассмотрим подробнее наиболее простой численный метод решения стохастических дифференциальных уравнений Ито — метод Эйлера. Сформулируем данный метод для уравнения Ито:

$$\begin{aligned} &Dxt = \mathrm{a}(xt,\ t)dt + \Sigma(xt,\ t)dft, \\ &x_0 = x(0,\ \omega), \end{aligned} \qquad (5)$$

где $xt \in R^n$ — случайный процесс, являющийся решением уравнения (5), $a(x,\ t)$: $Rn \times [0,\ T] \to Rn$, $\Sigma(x,\ t)$: $Rn \times [0,\ T] \to R^{n+m}$ — неслучайные функции, $ft \in R^m$ — стандартный векторный винеровский процесс с независимыми компонентами $f_t^{(i)}$; $i = 1,\ \ldots,\ m$; случайная величина $x_0 \in R^n$ стохастически не зависит от приращений $ft - f_0$ при $t > 0$.

Применительно к уравнению (5) численный метод Эйлера имеет вид:

$$\begin{aligned} y_{p+1} = y_p + a\left(y_p,\ \tau_p\right)\left(\tau_{p+1} - \tau_p\right) + \\ + \Sigma\left(y_p,\ \tau_p\right)\left(f_{\tau_{p+1}} - f_{\tau_p}\right). \end{aligned} \qquad (6)$$

где $y_{\tau p} = y_p$, $\left\{\tau_p\right\}_{p=0}^{N}$ — разбиение промежутка $[0,\ T]$.

$$\begin{aligned} &0 = \tau_0 < t_1 < \ldots < \tau N = T, \\ &\Delta N = \max|\tau_{j+1} - \tau j|,\ 0 \le \mathrm{j} \le N - 1. \end{aligned}$$

Проведем проверку работоспособности исходной стохастической модели. Для этого перепишем формулу (2) в следующем виде:

$$dk = [c_1 k^{0,35} + c_2 k]dt + c_3 k dZ, \qquad (7)$$

где $k^{0,35} = f(k)$ — производственная функция Кобба–Дугласа, коэффициенты c_1, c_2, c_3 выбираются пока произвольным образом.

Для проведения численного эксперимента воспользуемся пакетом Matlab. На каждом шаге интегрирования в Matlab моделируется одна гауссовская случайная величина и подставляется в расчетную формулу. Значение функции в каждой последующей точке рассчитывается через предыдущее. Вычисления выполняются в цикле определенное число раз, затем полученные значения усредняются.

На рис. 1 и 2 видны усредненные траектории решения, полученные методом Эйлера для 20 (рис. 1) и 100 (рис. 2) экспериментов.

Траектории, полученные при решении уравнения (7) методом Мильштейна, мало отличаются от траекторий метода Эйлера, в то время как метод Мильштейна существенно сложнее.

Предлагается использовать соотношения вида (5) для построения и анализа расчетных траекторий ВВП и других

Рис 1. Усредненные траектории решения для 20 экспериментов

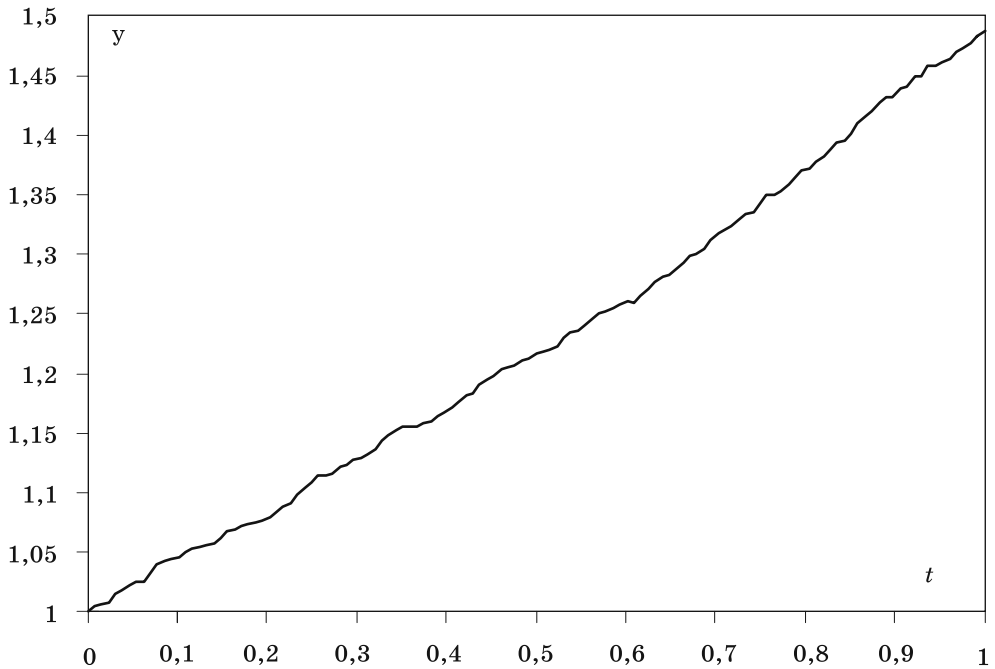


Рис. 2. Усредненные траектории решения для 100 экспериментов

рассматриваемых переменных в процессе компьютерной имитации реализации случайной величины. Основная особенность состоит в том, что для построения расчетных прогнозных траекторий используется только начальное или текущее значение макроэкономического показателя и не учитывается динамика развития в предшествующие периоды. Также значительные проблемы связаны с тем, что не все параметры моделей представлены в статистике.

Предполагается, что разработанную модель можно взять за основу в дальнейших исследованиях при анализе и прогнозировании экономических процессов Северо-Западного региона. На базе этой модели планируется решать задачу оптимального стохастического управления. В дальнейшем планируется провести анализ и решение задач наблюдения и управления на основе реальных статистических данных Северо-Западного региона для основных производственных функций.

Таким образом, в статье предложена динамическая модель для односекторной экономики на основе стохастических дифференциальных уравнений. Модель относится к классу экзогенных моделей. Существенным отличием модели является учет случайных воздействий на экономическую систему, включая «шоковые» воздействия, а также ее реализуемость на основе компьютерных технологий.

Литература

1. *Колемаев В. А.* Математическая экономика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 399 с.
2. *Кузнецов Д. Ф.* Численное интегрирование стохастических дифференциальных уравнений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 712 с.
3. *Курзенев В. А., Лычагина Е. Б.* Динамические модели управления макроэкономикой // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: Моделирование, менеджмент, финансы: Мат-лы II международной конференции (20–21 апреля 2010 г.). СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. С. 30–37.

References

1. *Kolemayev V. A*. Mathematical economy. M.: YuNITI-DANA, 2005. 399 p.
2. *Kuznetsov D. F.* Numerical integration of the stochastic differential equations. SPb.: St. Petersburg State University publishing house, 2001. 712 p.
3. *Kurzenev V. A., Lychagina E. B*. Dynamic models of management of macroeconomic // State and business. Issues of theory and practice: Modeling, management, finance: Materials of the II international conference on April 20–21, 2010. SPb.: SZAGS publishing house, 2010. P. 30–37.

Ю. В. Мишальченко
А. В. Торопыгин
С. Н. Белоусов

Yu. V. Mishalchenko
A. V. Toropygin
S. N. Belousov

О сотрудничестве государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом

About Cooperation of the Customs Union and the Common Economic Space Member States with the European Union

Мишальченко Юрий Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры европейских исследований
Доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор
myv2008@mail.ru

Mishalchenko Yury Vladimirovich
Professor of the Chair of European Researches of Saint-Petersburg State University
Doctor of Science (Law; Economics), Professor
muv2008@mail.ru

Торопыгин Андрей Владимирович
Секретариат Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества (Санкт-Петербург)
Начальник управления межпарламентского взаимодействия
Доктор политических наук
ToropyginAV@mail.ru

Toropygin Andrey Vladimirovich
The EurAsEC Interparliamentary Assembly Secretariat (Saint-Petersburg)
Head of the Interparliamentary Relations Department — Secretary of the IPA EurAsEC Standing Commission on Trade Policy and International Cooperation
Doctor of Political Sciences
ToropyginAV@mail.ru

Белоусов Сергей Николаевич
Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического сообщества (Санкт-Петербург)
Начальник управления
sergbsn@yandex.ru

Belousov Sergey Nikolaevich
Head of department of the EurAsEC Inter-Parliamentary Assembly (Saint-Petersburg)
sergbsc@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Евразийский союз, Европейский союз, единое транспортное пространство, техническое регулирование, торгово-экономическое сотрудничество, сотрудничество в сфере безопасности товаров

KEY WORDS
Eurasian Union, European Union, common transport space, technical regulation, trade and economic cooperation, cooperation in the field of product safety начинать с заглавных?

РЕФЕРАТ
Недавно созданное новое интеграционное объединение Таможенный союз и Единое экономическое пространство в настоящее время вписываются в сложившуюся систему глобальной мировой экономики. Одно из важнейших направлений этого процесса — выстраивание взаимоотношений с Европейским союзом. В статье анализируются основные направления сотрудничества двух крупнейших евразийских интеграционных группировок.

ABSTRACT
The recently launched a new integration association Customs Union and Common Economic Space is now fit into the existing system of global world economy. One of the most important

areas of this process is to build relationships with the European Union. The article analyzes the main directions of cooperation of the two largest Eurasian integration groupings.

Глобализирующийся мир XXI в. держится на «трех китах» — крупнейших экономических макрорегионах, возникших в процессе региональной экономической и политической интеграции: «Большая Европа» (блок ЕС-27), Северная Америка (блок НАФТА-США, Канада, Мексика) и «Большая Азия» в пределах группы стран АСЕАН. Доля ЕС в мировом ВВП составляет около 20%, Северной Америки — примерно 25%, а доля Азии уже превысила 35% и продолжает расти высокими темпами[1].

С этими «китами» глобальной экономики в ближайшей перспективе Таможенному союзу и Единому экономическому пространству необходимо будет выстроить систему отношений.

В программных статьях в газете «Известия» в 2011 г. главы государств Беларуси, Казахстана и России[2] заявили о стремлении расширять горизонты интеграционного сотрудничества Таможенного союза и Единого экономического пространства, переходя по существу к континентальной интеграции на евразийском пространстве, в которую включается сотрудничество государств — членов ЕЭП с Европейским союзом и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для государств — членов ТС и ЕЭП экономическое сотрудничество с Европейским союзом всегда имело и имеет стратегическое значение. По данным статистики Евразийской экономической комиссии 2011 г., Европейский союз выступает основным покупателем экспортируемых государствами — членами Таможенного союза товаров (55,5% совокупного экспорта)[3]. Среди европейских стран наиболее существенны поставки в Нидерланды (23,2% экспорта в страны ЕС), Италию (14,8%), Германию (11,6%), Польшу (7,3%) и Францию (6,2%). Импортные закупки в 2011 г. также были сосредоточены в Европейском регионе (44% совокупного импорта товаров). Наибольшие объемы приходятся на Германию (29,5% импорта из стран ЕС), Италию (10,8%) и Францию (10%).

Для европейцев экономическое сотрудничество со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства также имеет немаловажное значение. По данным Евростата за 2011 г., Таможенный союз также является одним из основных торговых партнеров Европейского союза (11% объема внешней торговли стран ЕС), занимая третье место после Соединенных Штатов (13,8%) и Китая (13,3%). По объему продаж товаров на рынке Евросоюза Таможенный союз, доля которого составляет 13,8% общего объема импорта стран ЕС, занимает второе место после Китая (17,3%), опережая Соединенные Штаты (10,9%). Доля Таможенного союза в экспорте ЕС составила 7,9% (третье место после США (17%) и Китая (8,9%)).

В то же время торговые отношения между государствами Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом нельзя назвать безоблачными. Анализ ограничительных мер в отношении товаров Таможенного союза в торговле с ключевыми партнерами в СНГ и дальнем зарубежьем, проведенный Евразийской экономической комиссией, показал, что

[1] *Рогов С. М.* Стратегия России в Евразии в XXI в. Стране необходима трезвая оценка в многополярном мире // Независимая газета. 2010 г. 26 февраля. С. 7.

[2] 4 октября 2011 г. в «Известиях» была опубликована статья В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня». Затем вышли статьи А. Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» (17 октября 2011 г.) и Н. А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» (25 октября 2011 г.).

[3] Об итогах внешней и взаимной торговли государств — членов Таможенного союза в 2011 г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/db/stat/Analitycs_trade/Documents/Analytics_2011.pdf.

по состоянию на 6 ноября 2012 г. выявлено применение 106 ограничительных мер, оказывающих негативное влияние на доступ товаров государств — членов Таможенного союза на рынки третьих стран[1]. На долю стран дальнего зарубежья приходится 62% от общего количества применяемых мер (66 мер), а наибольшее количество их применяется ЕС (18 мер) и США (18 мер).

ЕС применяет антидемпинговые меры (6 мер) в отношении продукции трубной промышленности России и Беларуси (3 меры)[2], нитрата аммония в отношении России (1 мера)[3], феррокремния в отношении России (1 мера) и стальных тросов и канатов в отношении России (1 мера). Ведется два антидемпинговых расследования в отношении фитингов для труб и желтого фосфора. В странах ЕС действует запрет на импорт шкур рыси и волка, также существует угроза введения запрета на торговлю асбестосодержащими материалами. Действуют три количественных ограничения в отношении поставок в ЕС зерновых (пшеница мягких сортов, ячмень), текстиля, товаров ядерного цикла. ЕС также применяет два технических барьера — необходимость замены маркировки и упаковки для более чем 140 никелевых соединений и необходимость регистрации в Европейском химическом агентстве продукции, содержащей химические вещества (система REACH).

На основе программных заявлений глав государств в «Известиях», а также на основе Декларации о развитии евразийской экономической интеграции, подписанной главами государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства 18 ноября 2011 г. Евразийская экономическая комиссия с момента своего создания приступила к выстраиванию равноправных и взаимовыгодных отношений с Европейским союзом. Члены Коллегии Евразийской экономической комиссии подчеркивают, что в результате евразийской интеграции не появится нечто, что изолирует Россию, Белоруссию и Казахстан от окружающего мира. Евразийский экономический союз создается именно как партнер ЕС и партнер динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона[4].

Одно из направлений активного взаимодействия ТС/ЕЭП и ЕС — переговорный процесс по заключению *Соглашения о свободной торговле между государствами — членами Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации и странами Европейской ассоциации свободной торговли (Швейцария, Норвегия, Лихтенштейн, Исландия)*[5]. Заключение Соглашения о свободной торговле будет способствовать укреплению имеющихся торговых связей и создавать новые возможности для расширения сотрудничества, поскольку будет предусматривать беспошлинную торговлю за исключением особо чувствительных товаров. В рамках будущего Соглашения на сегодня в активном формате обсуждается возможность применения сторонами своих торговых мер, в числе которых санитарные и фитосанитарные меры, техническое регулирование, торговые защитные меры, правила происхождения и защита

[1] Анализ ограничительных мер в отношении товаров Таможенного союза в торговле с ключевыми партнерами в СНГ и дальнем зарубежье // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/news/Documents/analiz%20mer.pdf.

[2] ОАО «Челябинский трубопрокатный завод», ОАО «Первоуральский новотрубный завод».

[3] ОАО «Еврохим».

[4] *Валовая Т.* Евразийский экономический союз видится нам именно как партнер ЕС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/news/Pages/24-05-2012.aspx (дата обращения: 24.05.2012).

[5] В период с 28 по 31 января 2013 г. в Астане прошел седьмой раунд переговоров по заключению Соглашения о свободной торговле между государствами-членами Таможенного союза и странами Европейской ассоциации свободной торговли // Официальный интернет-ресурс Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан. URL: http://www.minplan.gov.kz/pressservice/77/48733/.

интеллектуальной собственности, а также регулирование сектора услуг в соответствии с принципами и правилами ВТО. Улучшение взаимного доступа к рынкам, оговариваемого в рамках Соглашения о свободной торговле, позволит расширить перечень поставляемых товаров и, как следствие, будет способствовать увеличению товарооборота между интеграционными блоками.

Сегодня Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) изучает *опыт Европейского союза в вопросах создания экономически эффективной транспортной политики*. По мнению члена Коллегии ЕЭК (Министра) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии Д. Ахметова, вновь созданному наднациональному органу к 2015 г. крайне важно понять, какова будет транспортная политика России, Казахстана и Беларуси в обозримом будущем. В связи с этим в июне 2012 г. в ходе встречи с вице-президентом Еврокомиссии С. Калласом они обсудили вопросы формирования транспортной политики Евросоюза. Интерес представляет будущее взаимодействие трех стран с Евросоюзом с точки зрения создания эффективных транзитных маршрутов (создание крупных международных транзитных хабов, практика организации мультимодальных перевозок, изучение идеологии единого воздушного пространства, создание единых зон транспортировки)[1].

Важное значение в развитии взаимоотношений с Европейским союзом имеет вопрос *унификации систем технического регулирования, применяемых в ТС/ЕЭП и в ЕС*[2]. Член Коллегии Евразийской экономической комиссии — Министр по вопросам технического регулирования Валерий Корешков отмечает, что вопросы взаимодействия с европейским бизнесом являются одними из ключевых в работе Евразийской экономической комиссии. В этой связи особую важность сегодня приобретает гармонизация технического законодательства Таможенного союза и Евросоюза.

На международной конференции «Сближение систем технического регулирования России и ЕС» в 2012 г. в Казани была принята резолюция, в которой отмечена необходимость сближения законодательства в сфере технического регулирования и ликвидации технических барьеров в торговле между странами Таможенного союза и ЕС. Участники конференции также обсудили «Белую книгу» по техническому регулированию и новую редакцию Соглашения о сотрудничестве между Росстандартом и CEN/CENELEC[3], а также предложили создать Совет по техническому регулированию и стандартизации под эгидой Белорусско-Казахстанско-Российского бизнес-диалога и BUSINESSEUROPE[4]. Основными направлениями деятельности Совета станут вопросы технического регулирования, стандартизации, оценки соответствия и гармонизации технических регламентов Таможенного союза с директивами ЕС. Взаимодействие в рамках данной структуры существенно расширит возможности участия предпринимателей в интеграционных процессах.

Соглашение о сотрудничестве между Росстандартом и CEN/CENELEC — это принципиально новое соглашение. Оно в корне отличается от подобных документов, регламентирующих сотрудничество CEN/CENELEC с органами по стандартизации стран Восточной Европы. Директор департамента международных

[1] ЕЭК изучает опыт ЕС в создании экономически эффективной транспортной политики // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/news/Pages/18-06-2012-1.aspx (дата обращения: 18.06.2012).

[2] Сближение систем технического регулирования // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/news/Pages/26-10-2012-2.aspx (дата обращения: 26.10.2012).

[3] CEN/CENELEC — Европейский комитет по стандартизации. Членами CEN/CENELEC являются национальные организации по стандартизации.

[4] BUSINESSEUROPE — крупнейшее объединение европейских бизнес-структур, включающее более 20 млн компаний из 35 стран Европы.

связей CEN/CENELEC С. Пенни в своем выступлении отметила, что проект соглашения содержит принципиально новые подходы к сотрудничеству, носит не столько коммерческий, сколько практический характер и создает условия для совместной разработки стандартов.

Таможенный союз и Евразийский экономический союз на постоянной основе проводят работу по гармонизации технических регламентов и стандартов. Определен перечень из 18 документов Таможенного союза и соответствующих документов ЕС, по которым может быть достигнута гармонизация. В ближайшее время предполагается выход на подписание Соглашения в области стандартизации между Росстандартом и европейскими органами стандартизации (CEN, CENELEC). Активно развивается сотрудничество между техплатформами России и ЕС[1].

Еще одним важным направлением сотрудничества является *унификация санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер*[2]. В частности, в этом направлении эксперты ТС/ЕЭП и ЕЭП согласовывают форматы двусторонних ветеринарных сертификатов Евросоюза и Таможенного союза (ТС). На экспертном уровне в октябре 2012 г. проведены консультации между представителями ЕЭК, Генерального директората Еврокомиссии по здравоохранению и защите потребителей и ветеринарных служб стран — членов Таможенного союза. В соответствии с принятым в 2011 г. решением Комиссии ТС № 726 «О ветеринарных сертификатах», европейская сторона предоставила в ЕЭК предложения по согласованию 16 двусторонних сертификатов «ЕС-ТС». В результате согласованы и парафированы ветеринарные сертификаты на отдельные виды продукции, экспортируемые из ЕС на территорию Таможенного союза.

---

[1] Интервью заместителя министра А. Е. Лихачева «Наше партнерство строится на взаимовыгодном сотрудничестве» (Коммерсантъ. Приложение «Guide Россия и Европейский союз» от 20 декабря 2012 г.) // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: www.economy.gov.ru.

[2] *Арнаутов О.* Поставки товаров из третьих стран на территорию ТС нельзя приостанавливать по формальным соображениям // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.tsouz.ru/news/Pages/30-08-2012-1.aspx (дата обращения: 30.10.2012).

М. М. Шумилов **M. M. Shumilov**

Новые задачи евразийской интеграции в условиях глобального экономического кризиса

New Objectives of the Eurasian Integration in the Global Economic Crisis

Шумилов Михаил Михайлович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международных отношений
Доктор исторических наук, профессор
mshumilov@mail.ru

Shumilov Mikhail Mikhailovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of International Relations
Doctor of Science (History), Professor
mshumilov@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Евразийский экономический союз (ЕЭС), Евразийский союз (ЕАС), Единое экономическое пространство, Таможенный союз

KEY WORDS
Eurasian Economic Union (EEU), Eurasian Union (EAU), Common Economic Space, Customs Union

РЕФЕРАТ
В статье рассмотрен широкий перечень вопросов, связанных с расширением Таможенного союза и Единого экономического пространства. Внимание автора сосредоточено не столько на содержании самого процесса евразийской интеграции, сколько на анализе научных и публицистических трудов по заявленной теме. Выясняются перспективы Евразийского союза в условиях кризиса теории и практики рыночного фундаментализма.

ABSTRACT
The article presents a wide range of issues related to the extension of the Customs Union and the Common Economic Space. The authors' attention focused on the content of Eurasian integration process as well as on the analysis of scientific and analytical works that refer to the theme under consideration. The article brings to light the prospects of the Eurasian Union in crisis theory and the practice of market fundamentalism.

9 декабря 2010 г. Межгоссовет Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) принял Декларацию о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП) Белоруссии, Казахстана и России. В ней подчеркивалось, что успешное развитие Таможенного союза (ТС) и ЕЭП является предпосылкой создания в дальнейшем Евразийского экономического союза (ЕЭС) «в целях обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом с выходом на создание общего экономического пространства»[1]. Развивая эти идеи, 19 мая 2011 г. председатель Правительства России В. В. Путин выступил с заявлением о необходимости

[1] Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. 9 декабря 2010 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/802 (дата обращения: 06.03.2013).

завершить подготовку договора о ЕЭС к 1 января 2013 г.[1], а 3 октября того же года он выступил с проектом создания ЕЭС на основе постепенного слияния ТС и ЕЭП с последующим выходом на более высокий уровень интеграции — к Евразийскому союзу (ЕАС) — мощному наднациональному объединению, способному стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом[2].

Провозгласив открытость ЕАС, Путин приветствовал присоединение к нему других партнеров, и прежде всего Киргизии и Таджикистана — стран-участниц ЕврАзЭС. Заслуживает внимания и тот факт, что термин «Евразийский союз» повторялся в статье 11 раз, и в него вкладывалось преимущественно экономическое содержание. Затем свое мнение о Евразийском союзе высказали президенты Белоруссии и Казахстана. В статьях А. Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции»[3] и Н. А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»[4] были изложены схожие позиции, получившие широкую общественную поддержку.

Вскоре инициатива В. В. Путина получила одобрение Межгоссовета (Высшего органа ТС). 19 октября 2011 г. на его заседании, проходившем на уровне глав правительств в Санкт-Петербурге, обсуждались подходы к формированию ЕЭС, а 18 ноября 2011 г. в Москве президенты Белоруссии, Казахстана и России окончательно договорились о переходе от ТС к следующему этапу интеграционного строительства — ЕЭП, открытому для присоединения других государств. В принятой по итогам встречи Декларации о евразийской экономической интеграции[5] выражалась уверенность, что создание ЕЭС придаст экономике стран-участниц большую стабильность и поспособствует устойчивому экономическому росту в интересах повышения благосостояния и качества жизни граждан [2, с. 19].

Вместе с тем идея выхода на новый этап экономической интеграции вызвала неоднозначные и противоречивые отклики в России, Белоруссии и Казахстане. Появились многочисленные публикации, авторы которых с разных позиций освещали перспективы евразийской интеграции, высказывали различные суждения относительно реальных и мнимых угроз, стоящих на пути формирования ЕАС, и его роли в системе отношений государства, бизнеса и общества.

Надо сказать, что российские неолибералы в целом весьма скептически оценили заявленные перспективы евразийской интеграции. Прогнозируя превращение Евразии в неконкурентоспособный и депрессивный регион, они в основном сконцентрировались на поддержке заявленной в статье Путина перспективы строительства ЕАС как неотъемлемой части «Большой Европы», объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов, и возможности использования ЕАС странами-участницами для «интеграции» в Европу «на более сильных позициях».

Одновременно, фиксируя внимание на различиях экономических и политических моделей развития участников ТС и ЕЭП, «либералы» сосредоточились на выявлении и драматизации объективно существующих трудностей, стоящих на пути унификации нормативно-правовой базы и проведения единой экономической и

[1] Путин: договор о Евразийском экономическом союзе нужен к началу 2013 г. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2011. 19 мая. URL: http://news.mail.ru/politics/5937460/ (дата обращения: 01.03.2013).

[2] *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое ожидается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.

[3] *Лукашенко А.* О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 октября.

[4] *Назарбаев Н.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 октября.

[5] Декларация о евразийской экономической интеграции. 18 ноября 2011 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1091 (дата обращения: 06.03.2013).

денежно-кредитной политики. Представляется, что их «евразскептицизм» в какой-то мере обусловлен нежеланием прогневить Вашингтон, пытающийся выстроить комплекс самостоятельных военно-политических и экономических связей с центрально-азиатскими государствами. Напомним, что в начале декабря 2012 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон прямо заявила о намерении Вашингтона замедлить и даже предотвратить ресоветизацию евразийского региона и воссоздание СССР в новой версии под вывеской ТС или ЕАС[1]. Сотрудник Исследовательского института международных отношений (Италия) Фабрисси Виельмини прямо говорит о блокировании процесса реинтеграции евразийского пространства непоследовательностью действий нынешней российской элиты, которая, по его словам, стала еще более прозападной, чем в 1990-е гг. Эксперт резонно сомневается в том, что среди членов команды Кремля существует понимание значения евразийского измерения для будущего России, и утверждает: «До тех пор пока правящая элита будет позиционировать Россию исключительно как часть Европы, ни о какой настоящей интеграции в Евразии не может быть и речи»[2].

В свою очередь, приверженцы идеологического и геополитического евразийства, отмечая нестабильную ситуацию в мире, бессилие либеральной экономической модели и ее глобальных институтов в лице МВФ, Всемирного банка и ВТО, провал ЕС как политико-экономического союза, настойчиво призывают к созданию в сжатые сроки ЕАС. К примеру, президент Академии геополитических проблем Л. Г. Ивашов видит в его формировании зачатки новой государственной идеологии и мировоззрения политических верхов, необходимое условие выживания, преодоления предательской позиции значительной части российской «элиты», участвующей в реализации проектов Запада и глобального финансового капитала, восстановления суверенности российского государства. Приветствуя этот разворот с Запада на Восток, он призывает честное научно-экспертное сообщество России и других стран СНГ «наполнить евразийскую идею мощным анализом мировых процессов, теорией, идеологией и стратегией»[3].

Вместе с тем сторонники такого подхода отмечают, что евразийская политика Кремля по-прежнему лишена мировоззренческой основы, идеологического стержня и ценностно-мотивированного поведения. Следует согласиться с приглашенным научным сотрудником Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) С. М. Маркедоновым в том, что без решения политических задач или хотя бы их постановки, без создания ценностных основ евразийской интеграции экономическая кооперация останется «половинчатой и конъюнктурной» и не трансформируется в подлинную интеграцию[4]. Руководитель

[1] *Райбман Н.* США могут пересмотреть доктрину «перезагрузки» [Электронный ресурс] // Ведомости. 2012. 7 декабря. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/6928281/ssha_ne_dopustyat_vossozdaniya_sssr_pod_vidom_ekonomicheskih (дата обращения: 10.12.2012); Клинтон: США не допустят воссоздания СССР [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2012. 7 декабря. URL: http://www.vz.ru/news/2012/12/7/610688.html (дата обращения: 10.12.2012); Шевченко VS Фадеев. Россия не выживет в новом кризисе [Электронный ресурс] // RUSSIA.RU. 2012. 7 декабря. URL: http://www.russia.ru/news/video/2012/12/7/5597.html (дата обращения: 10.12.2012).

[2] Перспективы Евразийского союза — взгляд из Европы [Электронный ресурс] // REGION.KG. 2011. 22 ноября. URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=330:2011-11-22-06-33-17&catid=4:politika&Itemid=5 (дата обращения: 15.01.2013).

[3] *Ивашов Л. Г.* России нужен собственный геополитический проект [Электронный ресурс] // Академия геополитических проблем 2012. 15 сентября. URL: http://www.km.ru/spetsproekty/2012/09/14/strategii-razvitiya-rossii/692308-rossii-nuzhen-sobstvennyi-geopoliticheskii (дата обращения: 1.10.2012).

[4] *Маркедонов С.* Евразийская интеграция: две стороны одной медали [Электронный ресурс] // Новая Евразия. 2012. 13 сентября. URL: http://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2012/09/13/евразийская-интеграция-две-стороны-о/ (дата обращения: 1.10.2012).

белорусской общественной организации «Новая экономика» С. А. Шиптенко также видит проблему объединительного процесса в слабости «целостной ценностно-мировоззренческой основы — четко артикулированной, согласованной», в то время как «все успешные проекты экономической интеграции выходили на уровень комплексного решения общих проблем, включая социальные, политические и иные формирования наднациональных органов с передачей им значимых функций и соответствующих полномочий»[1].

Эту же мысль проводит проректор МГИМО по научной работе А. И. Подберезкин. Констатируя факт отсутствия внятной идеологии современного евразийства и вытекающих из нее политической доктрины и соответствующей стратегии, он указывает, что на территории СНГ не происходит общественно-политической интеграции общества и сохраняется эгоизм национальных элит «постсоветских государств». Все это делает идею экономической интеграции ущербной и обрекает ее в перспективе на серьезные трудности. Ситуация усугубляется вероятностью обновления элит и прихода к власти руководителей, не связанных культурно-исторически, технологически и даже личными связями с Россией: «В результате возможна переориентация этих элит на Китай, на исламский мир, но, прежде всего, на западные развитые государства»[2].

Непримиримую позицию в данном вопросе занимают «истинные евразийцы», претендующие на статус государственно-патриотической силы России. Так, действительный член Академии геополитических проблем В. Б. Павленко настаивает на том, что «проект ЕАС в его нынешнем виде (без соответствующего идеологического наполнения) удивительно органично ложится в геополитическую перспективу „расширенного Запада (за счет России. — Авт.)“, изложенную Бжезинским в вышедшей в 2012 г. книге „Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти“»[3]. Подлинный успех ЕАС возможен лишь в случае наполнения его ценностно-идеологической основы некапиталистическим содержанием, способным стать «как инструментом своей собственной цивилизационной экспансии, так и протектором от чужой»[4].

Признавая исключительную важность и своевременность «евразийского проекта», поддержанного естественными цивилизационными союзниками России — Белоруссией и Казахстаном, главный редактор журнала «Мир и политика» Э. А. Галумов подчеркивает, что иной альтернативы у России попросту нет: либо она наполнит евразийский проект «эффективным ментально-духовным содержанием и серьезно займется реализацией детально проработанной стратегии, либо сбудутся мечты давнего идейного недоброжелателя нашей страны Збигнева Бжезинского, знаменитого еще и своим мрачным прогнозом о том, что Америка в XXI в. будет развиваться „против России, за счет России и на обломках России“». При этом он ратует за исключение из основы проекта спекулятивных идей о том, что «свободный рынок все расставляет по своим местам», а демократия «сама по себе гарантирует социальную стабильность»[5].

---

[1] *Шиптенко С.* Евразийский союз: возрождение на геополитическом пепле [Электронный ресурс] // Newsland. 2011. 2 декабря. URL: http://www.newsland.ru/news/detail/id/834968/1 (дата обращения: 1.10.2012); Белорусский экономист: Евразийский союз — «не только ради колбасы» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2012. 27 марта. URL: http://регнум.рф/news/1514010.html (дата обращения: 1.10.2012).

[2] *Подберёзкин А.* Интеграция на евразийском пространстве [Электронный ресурс] // VIPERSON. 2012. 3 сентября. URL: http://avanesov.viperson.ru/wind.php?ID=653809&soch=1 (дата обращения: 01.10.2012).

[3] «Большая игра» Ротшильдов и Рокфеллеров: на свету и в тени (II) [Электронный ресурс] // Академия геополитических проблем. 2012. 18 сентября. URL: http://akademiagp.ru/v-b-pavlenko-bolshaya-igra-rotshildov-i-rokfellerov-na-svetu-i-v-teni-ii/ (дата обращения: 10.10.2012).

[4] Там же.

[5] *Галумов Э. А.* По поводу WOW! [Электронный ресурс] // Мир и политика. 2011. 10 октября.

Директор Института ЕврАзЭС В. А. Лепехин говорит о необходимости избавить Россию от коррупции, нищеты, хамства и прочих непривлекательных черт, создать ее позитивный образ, который затем можно будет продвигать вовне своих границ. При этом он призывает «принципу „свободной конкуренции“ во внешней политике, когда заведомо побеждает сильнейший и коварнейший... противопоставить принцип равноправной и взаимовыгодной „кооперации“ евразийских и иных близких нам государств. А, соответственно, гегемонистским целям — цели укрепления евразийского содружества, в котором не должно быть гегемона, но может и должна быть обеспечена защита интересов всех участников этого содружества». Кроме того, во избежание риска угодить в информационные ловушки он рекомендует российскому руководству не нагнетать ажиотаж по поводу «жизненно важных интересов» России, а застолбить совместно с партнерами по ЕврАзЭС и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) термин «территория евразийских интересов» с целью укрепления в регионе системы коллективной безопасности, продвижения экономической интеграции, а также культурного обмена в рамках «евразийской субцивилизации»[1].

В свете развернувшейся дискуссии о судьбах и смысловом наполнении формулы евразийской интеграции безусловного внимания заслуживают суждения и комментарии нелиберальных отечественных экономистов, призывающих к отказу от идеологии рыночного фундаментализма и переходу к новой индустриальной политике. В глазах значительной части российского научного сообщества без этого разворота страны в направлении реальной модернизации, развития новых высокотехнологичных производств евразийская экономическая и политическая интеграция могут не набрать достаточных оборотов и забуксовать на переходе к созданию ЕЭС и ЕАС.

Следует согласиться с членом-корреспондентом НАН Украины В. И. Мунтияном в том, что даже такие значимые интеграционные шаги, как создание Зоны свободной торговли, СНГ, ТС и ЕЭП, не соответствуют в полной мере современным вызовам и поэтому нужно срочно проводить большую и глубокую интеграцию, создавать Евразийский экономический союз на новых принципах, новой инновационной, технологической платформе и с новой денежно-кредитной системой. Верно и то, что мировое сообщество, напуганное практикой глобализма, нуждается сегодня в новой мировоззренческой модели, поэтому слепое копирование западного опыта в построении современной экономики на евразийском пространстве не может быть эффективным. «Наш путь, — заявляет Мунтиян, — эволюционное развитие, основанное на ноосферных принципах... путь преобразования сознания через замену потребительской модели на гармонизацию отношений человека и природы, развитие гуманизации и экологизации экономики... Вокруг нового экономического центра начнется формирование принципиально иного баланса сил, произойдет разворот и переформирование потоков мировой торговли и финансовых ресурсов, чего ждут две части света — Европа и Азия, а также населяющие их народы» [1].

Ярким примером нелиберальной экономической перспективы для России и ЕАС может служить политэкономическая концепция редактора журнала «Экономист» С. С. Губанова, который связывает судьбу страны, а значит, и перспективу евразийской интеграции с новой индустриализацией. При этом автор ставит успешность этого пути в прямую зависимость от достижения консенсуса по поводу смены базисной формы собственности и убедительно доказывает необхо-

URL: http://mir-politika.ru/159-po-povodu-wow.html (дата обращения: 01.03.2013).

[1] Владимир Лепехин: Нужно сначала сделать Россию привлекательной, и только потом продвигать этот образ [Электронный ресурс] // Евразийское молодежное движение «МОЛОДАЯ ЕВРАЗИЯ». 2013. 25 февраля. URL: http://yeurasia.org/2013/02/25/владимир-лепехин-нужно-сначала-сдела/ (дата обращения: 01.03.2013).

димость перехода от системы гибридного государственно-олигархического партнерства, когда системное господство остается за олигархической собственностью, к вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной форме собственности, избавляющей государство от олигархического капитала и компрадорской экспортно-сырьевой модели. Основным звеном такой экономики должна стать крупная межотраслевая корпорация, по строению и масштабу однотипная с ТНК: «Раз начавшись, вертикальная интеграция собственности развивается далее по логике воспроизводства в условиях гибких корпоративных цепочек добавленной стоимости, куда в виде звеньев могут входить предприятия различных стран, в первую очередь союзных и дружественных. Вместе с преобразованием отечественной экономики из дезинтегрированной ныне во внутренне интегрированную экономику ТНК фактически создается мощный воспроизводственный фундамент единого экономического пространства, или иначе — общего рынка стран СНГ. Скажем прямо: дезинтегрированная Россия не справится с функцией интегратора СНГ, внутренне интегрированная — справится»[1].

Высказываются и другие суждения относительно содержания и способов осуществления новой индустриализации[2] — модернизации (компьютеризации) созданного производственного аппарата, опережающего создание высокотехнологичных производств и качественных рабочих мест. О своей приверженности курсу на новую индустриализацию неоднократно заявлял и национальный лидер В.В. Путин[3].

Призывая к реальному изменению структуры экономики, преодолению ее офшорного характера и сырьевой однобокости, зависимости от финансовых и сырьевых рынков других стран, Путин при этом уповает на дальнейшую приватизацию, основанную «на честной, открытой продаже госсобственности по справедливой, реальной цене». Он также выражает убеждение в том, что «в центре новой модели роста должны быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм»[4].

Похоже, что в этом вопросе президент страны выступает на стороне представителей нового поколения российского бизнеса, заинтересованных в укреплении права частной собственности и доступности кредитов, в коррекции налоговой системы и создании благоприятной административной среды для инвестиций и ведения бизнеса, развитии перерабаты-

---

[1] *Губанов С. С.* Неоиндустриальный консенсус России и его системные основы [Электронный ресурс] // Правда-TV.ru. 2011. 31 декабря. URL: http://www.pravda-tv.ru/2011/12/31/10828 (дата обращения: 01.10.2012).

[2] См. например: Новая индустриализация. Интервью с А. Идрисовым [Электронный ресурс] // «Стратеджи Партнерс Групп». 2012. 23 апреля. URL: http://www.strategy.ru/new-industrialization-interview-aidrisov/ (дата обращения: 10.12.2012); *Примаков Е.* Нам нужна новая индустриализация индустриализации // [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 9 июня. URL: http://www.rg.ru/2012/06/09/primakov.html (дата обращения: 10.12.2012); Не упрощай оружие. Дмитрий Рогозин объявляет начало новой индустриализации // [Электронный ресурс] // Российская газета. 2012. 26 сентября. URL: http:// http://www.rg.ru/2012/09/26/rogozin.html (дата обращения: 10.12.2012).

[3] В. Путин: Задача – через пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира [Электронный ресурс] // Первый канал. 2011. 24 декабря. URL: http://www.deloros.ru/main.php?mid=213&doc=21772 (дата обращения: 01.06.2012); Полная видеоверсия юбилейного съезда «Деловой России». Часть I [Электронный ресурс] // Телеканал «Россия». 2012. 11 января. URL: http://www.deloros.ru/main.php?mid=24&doc=21815 (дата обращения: 01.06.2012); *Семушин Д.* «Зависимость по необходимости» сохранится: итоги саммита Россия-ЕС [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2012. 23 декабря. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1607787.html (дата обращения: 25.12.2012).

[4] Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. Москва, Кремль [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/17118 (дата обращения: 20.12.2012).

вающего сектора экономики и формировании территориально-производственных (промышленно-технологических) «кластеров» — очагов новой экономики, в создании и модернизации в период до 2020 г. 25 млн рабочих мест[1], не сомневающихся в успехе капиталоемких и динамично развивающихся малых и средних промышленных предприятий, испытывающих вместе с тем недоверие к «вертикально-интегрированным гигантам»[2]. В угоду им Путин потребовал увеличить к 2020 г. долю занятых в малом бизнесе до 50% от экономически активного населения.

На деле же, мы видим, указания президента страны реализуются с точностью до наоборот. В начале 2013 г. по инициативе Правительства произошло двукратное увеличение ставок страховых взносов для индивидуальных предпринимателей (ИП), в результате последние стали в массовом порядке отказываться от ведения бизнеса. По данным ФНС, за первый квартал текущего года прекратили свою деятельность свыше 400 000 ИП. По словам президента общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» А.В. Бречалова, «самый большой удар нанесен по развитию малых территорий»[3]. Председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. В. Крупнов прямо винит председателя Правительства Д. А. Медведева в том, что он, не контролируя фактически ситуацию в 1800 муниципальных районах страны, принимает в нарушение Конституции экономические решения на основе либеральной идеологии, не имеющей никакого отношения «к системе народного хозяйства, ЖКХ, жизни людей, их потребностям, к выращиванию детей, их образованию»[4].

Отмечая противоречивый характер современной политической и экономической ситуации России, президент консалтинговой компании НЕОКОН М. Л. Хазин характеризует ее как острую борьбу, которую В. В. Путину приходится вести с российской либеральной бюрократией, возглавляемой Д. А. Медведевым. По его словам, «Путин отчаянно хочет заставить Правительство и Центробанк реализовать его предвыборные обещания и обеспечить более или менее приличный экономический рост, либералы демонстративно объясняют ему, что это невозможно и занимаются откровенным вредительством»[5]. В этом его поддерживает журналист и политолог В. Т. Третьяков, выражающий уверенность в том, что в 2013 г. В. В. Путин откажется потакать алчной элите «при крайне избирательных эпизодах порки отдельных ее представителей» и выступит с планом новой стратегии, реализация которой потребует от него создания коалиционного правительства на профессиональной основе[6].

Пессимистический взгляд на возможность преодоления данного противоречия

[1] В. Путин: Задача — через пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира; *Галушка А.* Как сделать бизнес патриотическим [Электронный ресурс] // Деловая Россия. 2012. 19 декабря. URL: http://www.deloros.ru/main.php?mid=464&doc=24329 (дата обращения: 25.12.2012).

[2] Новая индустриализация. Интервью с А. Идрисовым.

[3] *Гудкова В.* Сворачивай лавочку // АиФ. 2013. № 8. С. 15.

[4] Юрий Крупнов: коррупция — высокодуховное явление по сравнению с тем, что у нас происходит [Электронный ресурс] // Первый антикоррупционный канал. 2013. 14 января. URL: http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=11109 (дата обращения: 23.02.2013).

[5] *Хазин М.* 1) «Нам нет, нет, нет альтернативы!» Либерал-элита против Путина [Электронный ресурс] // Однако. 2013. 25 января. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_23381/ (дата обращения: 05.02.2013); 2) «Несколько слов о Путине [Электронный ресурс] // WorldCrisis. 2013. 3 февраля. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1065388 (дата обращения: 5.02.2013).

[6] *Третьяков В.* Путин: первый год третьего президентского срока. Итоги и прогноз [Электронный ресурс] // MAXPARK.COM. 2013. 4 марта. URL: http://maxpark.com/user/2311026546/content/1855312?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter (дата обращения: 5.02.2013).

выражает экономист Ю. Ю. Болдырев, отмечающий имитационный характер действий В. В. Путина по изменению курса правительственной политики. Он склоняется к тому, что президент лишь для видимости поручил сотрудникам РАН под кураторством С. Ю. Глазьева разработать концепцию реформирования российской экономики, альтернативную либеральной «Стратегии–2020». Аргументирует он это тем, что за 2012 г. под руководством Путина было «институционализировано и юридически закреплено все то, что прямо противоречит выводам и предложениям из предыдущего глазьевского же доклада (опубликованного осенью 2011 г. — *М. Ш.*)... Это и присоединение к ВТО, причем, отдельно от Белоруссии и Казахстана, и коммерциализация социальной сферы (83-й закон), и новый закон об образовании, и "бюджетное правило", закрепившее вывод из бюджетной системы и отправку за рубеж астрономической суммы в 7% от ВВП... и принятие, собственно, федерального бюджета на текущий год, закрепившего прежнюю экономическую и социальную политику, и решения о продолжении крупномасштабной приватизации госсобственности — в условиях того, что тот же академик Глазьев называет „войной печатных станков"»[1].

После того как В. В. Путин объявил 12 марта 2013 г. о своем решении внести на утверждение Государственной Думы кандидатуру Э. С. Набиуллиной на пост председателя Центробанка, определяющий кредитно-денежную политику страны, М. Л. Хазин фактически солидаризовался с Ю. Ю. Болдыревым и в резком тоне заявил, что результатом такой рокировки станет «продолжение экономического спада, причем, возможно, довольно быстрого... А это, в свою очередь, вызовет резкий рост социального недовольства и падения реального рейтинга самого Путина»[2]. Историк Ю. Н. Афанасьев укоряет В. В. Путина в потворстве «либерал-демократам», внедрившим коррупцию в качестве основного способа «устанавливать и регулировать отношения между людьми, между бизнесом и властью и даже в какой-то мере между народами», а также в расширении за счет «своих людей» круга крупных «властесобственников»[3].

---

[1] *Болдырев Ю.* 1) Нужна национализация президента [Электронный ресурс] // MAXPARK. 2013. 29 января. URL: http://maxpark.com/user/17729/content/1792942 (дата обращения: 5.02.2013); 2) Выступление в прямом эфире на радио «Эхо Петербурга» [Электронный ресурс] // Программа «Ваш информированный собеседник». 2013. 19 февраля. URL: http://www.echomsk.spb.ru/programmes/intervyu-v-efire-eha-peterburga/programma-vash-informirovannyy-sobesednik-19-02-13.html (дата обращения: 5.03.2013); 3) Юрий Болдырев в гостях у Алексея Лушникова в программе «Особый взгляд» [Электронный ресурс] // Polit.PRO. 2013. 19 февраля. URL: http://polit.pro/stuff/1-1-0-11897 (дата обращения: 5.03.2013).

[2] Михаил Хазин: О Центробанке [Электронный ресурс] // WORLDCRISIS.RU. 2013. 13 марта. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1083817 (дата обращения: 18.04.2013). Комментируя предстоящее назначение, экономист М. Г. Делягин уточнил, что оно станет продолжением «либеральной политики отказа от развития России в пользу стабилизации финансовых систем США и Евросоюза за счет средств российского бюджета» **(**Ключи от экономики останутся в прежних руках [Электронный ресурс] // Известия. 2013. 12 марта. URL: // http://izvestia.ru/news/546488 (дата обращения: 18.04.2013)**)**. «Политическое значение ее назначения заключается в том, что либеральный экономический истэблишмент заблокировал назначение Глазьева», — заявил «Голосу Америки» старший научный сотрудник Института международной экономики Петерсона Андерс Ослунд **(**См.: *Кузнецова Е., Григорьев А.* Набиуллина придет в Центробанк РФ [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2013. 13 марта. URL: http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-nabiullina-putin-russian-and-american-experts-opinion/1621116.html (дата обращения: 18.04.2013)**)**.

[3] Юрий Афанасьев против либералов [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2011. 22 марта. URL: http://www.svoboda.org/content/article/2346346.html (дата обращения: 22.02.2013). Согласно сайту журнала CEO, в 2011 г. в России проживало 114 бизнесменов с состоянием более 1 млрд долл., в 2012 г. — 120, а в 2013 г. число российских долларовых миллиардеров достигло 131 человека **(**Число миллиардеров в России достигло рекордного уровня [Электронный ре-

Со своей стороны советник президента России Глазьев серьезно сомневается в возможности достижения нынешним Правительством роста ВВП на 5%[1] при сохранении проводимой денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Он с горечью отмечает, что в результате лоббирования частных интересов извращается промышленная политика. Изменения ключевых компонентов социально-экономического развития и модернизации экономики на базе новейшего технологического уклада не происходит. Серьезную проблему он видит и в том, что «крупнейшие эмитенты мировых резервных валют проводят сегодня агрессивную денежную политику, вливают в экономику огромные средства под нулевые процентные ставки и тем самым создают односторонние конкурентные преимущества своим агентам: они получают кредиты даром на любые сроки. Наши же экономические агенты такой возможности не имеют. Поэтому нынешняя политика ЦБ заведомо ставит наши банки и предприятия в неконкурентные условия»[2].

Критикуя системно-либеральный курс проводимой экономической политики, Е. М. Примаков считает, что рыночный механизм сам по себе не способен сегодня обеспечить сбалансированный рост экономики, а уход государства из управления ею не соответствует текущим интересам страны. Напротив, государство должно остаться в экономике, а его роль в назревших переменах становится определяющей; именно государственное вмешательство приведет к конкуренции, «необходимой для научно-технического прогресса». Следовательно, задача властей заключается в объединении социально ориентированной политики и экономики с истинно либеральными ценностями. В этом, по мнению Примакова, и заключается национальная идея, способная вывести страну на восходящую траекторию развития[3].

В феврале 2013 г. научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, возглавляемый С. Ю. Глазьевым, предложил серьезно усилить влияние государства в экономике, сделав его основным субъектом развития в момент депрессии и финансовой турбулентности, когда рыночные механизмы дают сбой. Авторы рекомендаций пришли к выводу, что президентский курс на модернизацию тормозится действиями Правительства, направленными на приватизацию и выведение чиновников из органов госкорпораций, и что эта линия на окончательную приватизацию «не имеет ни научного, ни методологического обоснования»; она отражает «относительно непродолжительный период стабильного развития западного капитализма на основе роста предыдущего технологиче-

---

сурс] // Deutsche Welle. 2013. 19 февраля. URL: http://inotv.rt.com/2013-02-19/CHislo-milliarderov-v-Rossii-dostiglo (дата обращения: 19.02.2013)**)**. Одновременно, по данным социологов из «Левада-центра», в феврале произошло проседание электорального рейтинга В. В. Путина до 32%, все больше россиян высказывались за восстановление плановой экономики (более 50%) и советской политической системы (37%). Несмотря на это президент России, по словам политолога С. Ф. Черняховского, «не демонстрировал готовности полностью порвать с окружающим его либеральным пулом» **(***Ваньков В.* Большинство россиян устали от Путина [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическая интернет платформа «Русь». 2013. 27 февраля. URL: http://rusplt.ru/articles/vlast/bolshinstvo-rossijan-ustali-ot-Putina.html (дата обращения: 28.02.2013)**)**.

[1] Всемирный банк (ВБ) прогнозирует рост ВВП России в 2013 г. на 3,3%, а в 2014 г. — 3,6%.

[2] Сергей Глазьев: «Мы говорим о необходимых и возможных темпах в 7–8% роста ВВП» [Электронный ресурс] // MAXPARK. 2013. 4 февраля. URL: http://credit.maxpark.com/?id_news_interview=4522673 (дата обращения: 5.02.2013).

[3] См.: Евгений Примаков сформулировал национальную идею [Электронный ресурс] // Голос России. 2012. 17 декабря. URL: http://news.rambler.ru/16829373/?utm_source=smi2&utm_medium=tiser&utm_campaign=obmenka (дата обращения: 28.02.2013).

ского уклада и при подпитке ресурсами рухнувшей мировой социалистической системы» и реализуется «исходя из догматического представления о безусловных преимуществах частной собственности над государственной». Ратуя за создание нового технологического уклада, ученые высказались за прямое государственное управление ключевыми для модернизации субъектами хозяйства, за национализацию их, введение механизмов планирования, кредитование государственными банками государственных же предприятий, формирование конкурентоспособного корпоративного ядра российской экономики, в котором должны преобладать крупные компании, сопоставимые с мировыми («а сейчас даже крупный бизнес мелок, от него не стоит ждать перехода на инновационную модель развития»).

В связи с этим они рекомендовали укрупнить отечественные корпорации «в разы, если не на порядки». Одновременно Глазьев отрицал, что в ходе дискуссии, развернувшейся на Научном совете, ученые призывали к запрету на приватизацию. Напротив, по его словам, они подчеркивали, что приватизация является «одним из инструментов государственной политики в целях повышения эффективности и конкурентоспособности экономики», хотя и допускали ее в пользу стратегических инвесторов лишь в случае возможности контроля их обязательств по модернизации и развитию, а также после того как в стране «сформируется соответствующая технологическая траектория и созданные при поддержке государства хозяйствующие субъекты перейдут в режим расширенного воспроизводства»[1].

Важно отметить, что развернувшаяся в стране дискуссия о стратегии преодоления англо-саксонской либеральной модели и дальнейшего инновационного развития происходит в условиях стремительно меняющейся мировой политической ситуации. Так, по мнению ректора МГИМО-Университета А. В. Торкунова и академика РАН Н. А. Симонии, «компьютеризация финансовой сферы стала грозным оружием массового финансово-экономического разрушения, превращения финансового сектора в мощную самодовлеющую структуру, и отрыва ее от реальной экономики». В результате «почти все механизмы и институты финансового сектора превратились в свою противоположность... в своеобразную „раковую опухоль“ на теле экономики». В мировых СМИ появились «многочисленные требования усиления государственного регулирования и контроля», свидетельствующие о серьезном переломе в общественных настроениях стран Запада, а фактически — о структурном кризисе капитализма[2].

Более того, М. Л. Хазин отмечает, что в 2012 г. произошел раскол мировой финансовой элиты[3], знаменовавший явный переход инициативы к региональным элитам, которые вскоре попытаются взять

---

[1] *Письменная Е.* Сергей Глазьев и ученые РАН дали советы относительно приватизации [Электронный ресурс] // VEDOMOSTI.RU. 2013. 28 февраля. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/9584711/net_privatizacii?full cut (дата обращения: 28.02.2013); *Нижегородцев Д.* СМИ: Ученые РАН призвали приостановить приватизацию в России [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 2013. 28 февраля. URL: http://www.vz.ru/news/2013/2/28/622410.html (дата обращения: 28.02.2013); Сергей Глазьев отрицает, что призывал запретить приватизацию [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 28 февраля. URL: http://ria.ru/economy/20130228/925104018.html (дата обращения: 28.02.2013).

[2] *Торкунов А. В., Симония Н. А.* Финансовые аспекты и социальные последствия структурного кризиса в США [Электронный ресурс] // Мир и политика. 2013. 21 февраля. URL: http://mir-politika.ru/3727-finansovye-aspekty-i-socialnye-posledstviya-strukturnogo-krizisa-v-ssha.html (дата обращения: 1.03.2013).

[3] См.: *Павленко В.* 1) «Большая игра» Ротшильдов и Рокфеллеров: на свету и в тени [Электронный ресурс] // Академия геополитических проблем. 2012. 18 июня. URL: http://akademiagp.ru/v-b-pavlenko-bolshaya-igra-rotshildov-i-rokfellerov-na-svetu-i-v-teni/ (дата обращения: 1.10.2012); 2) «Большая игра» Ротшильдов и Рокфеллеров: на свету и в тени (II).

бразды правления в свои руки, но при этом «будут демонстративно отказываться от того, чтобы брать на себя глобальную ответственность. Это было очень хорошо видно в прошедшем году и по итогам XVIII съезда КПК, на котором к власти пришли откровенные националисты, и по смене руководства США, которое тоже постепенно отходит от своих глобальных амбиций (хотя риторика, скорее всего, некоторое время еще будет оставаться прежней)»[1].

По прогнозу Хазина, в 2013 г. государства окажут поддержку своим бизнес-элитам и пойдут на ограничения трансграничной торговли. Это уменьшит влияние либеральных групп внутри национальных образований и без того ослабленных после распада мировой финансовой элиты. Кроме того, соответствующее давление еще более обесценит роль ВТО. Усиление протекционистских мер приведет к падению объема трансграничной торговли. Упор будет сделан на импортозамещение, что вызовет локальный рост инвестиционной активности и, вероятно, станет причиной торговых войн. Этот рост инвестиционной активности охватит в основном те страны, которые имеют шансы стать региональными эмиссионными лидерами, в частности Бразилию, Мексику, Индию, возможно Индонезию и Россию (если в последней произойдет смена экономической модели)[2].

Говоря о грядущей депрессии, директор Института проблем глобализации М. Г. Делягин предрекает частичную дезорганизацию глобальных хозяйственных связей, а затем — «длительный период распада мира на макрорегионы, вплоть до собственных резервных валют, дешевого сырья, низкого производства, высокой социальной и международной напряженности». Он также считает, что «наметившееся сейчас противостояние между глобальным бизнесом, опирающимся на ФРС и потому стремящимся к сохранению глобального рынка, с одной стороны, и глобальным же бизнесом, готовым вернуться в мир макрорегионов и к их обслуживанию, будет решено в пользу последнего. Это дает России историческую возможность создать свой собственный (либо общий с Европой) макрорегион на основе пакта, предложенного Путиным еще в 2001 г.: „Энергия в обмен на технологии“.

Однако для этого государству предстоит решительно и категорически отказаться от колониальной по своей сути политики подчинения интересов российского общества интересам глобального бизнеса и его российских приказчиков, гениально назвавших себя „оффшорной аристократией“... Необходима полная смена экономической и управленческой модели: с одной стороны, использование системы комплексного целевого и индикативного планирования по образцу недавней Европы и современной Юго-Восточной Азии, с другой — полное преобразование правящей тусовки и переформатирование нынешнего коррупционного, грабительского, трайбалистского авторитаризма в авторитаризм модернизационный»[3].

Солидарную точку зрения высказывает и директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета А. И. Фурсов. По мнению этого автора, неолиберальная глобализация, подорвав национальное государство, полностью исчерпала себя; альтернативой глобальному хаосу становятся «центры постглобальной кристаллизации власти и богатства» — имероподобные образования (ИПО), представляющие собой «более или менее органичные

[1] *Хазин М.* Прогноз на 2013 год [Электронный ресурс] // WorldCrisis. 2013. 7 февраля. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/1067516 (дата обращения: 7.02.2013).

[2] *Хазин М.* 1) Прогноз на 2013 год; 2) Когда я стану руководителем МВФ [Электронный ресурс] // MAXPARK. 2013. 21 февраля. URL: http://maxpark.com/user/1665836271/content/1835136 (дата обращения: 23.02.2013).

[3] *Делягин М.* Либеральные «ежики». По следам заседания Валдайского клуба [Электронный ресурс] // Завтра. 2012. 31 октября. URL: http://zavtra.ru/content/view/liberalnyie-yozhiki-2012-10-31-000000/ (дата обращения: 30.11.2012).

наднациональные блоки с населением не менее 300–350 млн человек»; в ситуации двойного кризиса — мирового и внутреннего — спасением для России становится создание своего ИПО «как бы оно ни называлось: историческая Россия или Евразийский союз — это наш единственный, хотя далеко не беспроблемный шанс». Впрочем, будущее России, как и мирового сообщества в целом, Фурсову видится в недемократическом общественном устройстве по причине преобладания в управленческом механизме госбюрократий, военных и спецслужб[1].

Итак, подведем итоги.

Во-первых, в условиях глобального экономического кризиса, затухания процесса финансовой глобализации и раскола мировой финансовой элиты, нарастающих проблем трансграничной торговли и грядущего усиления макроэкономических регионов России следует активнее продвигать свой евразийский интеграционный проект и всеми силами стремиться к созданию ЕЭС.

Во-вторых, в интересах успешной реализации евразийского проекта необходимо удовлетворить общественную потребность в преодолении «бездуховности», культа потребления, гипериндивидуализма, национализма, религиозного фундаментализма[2].

В-третьих, государству и обществу требуется активизировать усилия по формированию российской национальной идентичности [3], а также мировоззренческих и этических основ, общей системы ценностей формирующегося ЕЭС.

В-четвертых, исходя из того что в условиях мирового кризиса происходит ослабление влияния глобалистской идеологии и ее представителей внутри национальных образований, российской «национальной элите» следует примириться с тем, что частная собственность, конкуренция и рыночный механизм сами по себе не способны обеспечить устойчивый экономический рост национальной экономики, не говоря уже о реализации задач новой индустриализации.

В-пятых, государство не только не должно уйти из экономики, напротив, его роль в назревших переменах должна стать определяющей. Вероятно, потребуется национализация ключевых для модернизации субъектов хозяйства.

В-шестых, в условиях усиления государственного регулирования и контроля важно обеспечить примирение плановой социально ориентированной экономики с истинно либеральными ценностями.

В-седьмых, в России (а также в Белоруссии и Казахстане) должны появиться крупные конкурентоспособные межотраслевые корпорации с государственным участием, объединяющие не только технологически смежные предприятия добывающей и обрабатывающей индустрии, но и специализированные сети средних и малых предприятий. Их роль — обеспечить функцию интегратора евразийского рыночного пространства.

В-восьмых, серьезные перемены должны произойти в денежно-кредитной политике в России и других странах ТС. Прежде всего, речь идет об изменении генеральной линии ЦБ, серьезной реорганизации механизмов кредитования отечественных предприятий, инвестировании в национальную и евразийскую экономику значительных денежных средств под низкие процентные ставки с целью выравнивая конкурентных условий хозяйственной деятельности.

---

[1] А. Фурсов: Наступает эпоха новых империй [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. 2012. 15 января. URL: http://svpressa.ru/society/article/51739/?go=alone (дата обращения: 1.11.2012).

[2] См.: *Веллер М.* Кому доверять-то? // АиФ. 2013. № 9. С. 3.

Литература

1. *Мунтиян В. И.* Евразийский экономический союз — инновационная парадигма развития СНГ // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 50–54.

2. *Торопыгин А. В., Марышев А. А.* Совершенствование национального и наднационального управления в Евразийском экономическом сообществе // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 14–20.
3. *Шумилов М. М.* Проблемы формирования российской нации на современном этапе // Научные труды СЗИ РАНХиГС. 2012. Т. 3. Вып. 2 (6). С. 132–144.

References

1. *Muntiyan V. I.* The Euroasian Economic Union — an innovative paradigm of development of the CIS // Euroasian economic integration. 2012. N 3 (16). P. 50–54.
2. *Toropygin A. V., Maryshev A. A.* Improvement of national and supranational governance in the Euroasian Economic Community // Administrative consultation. 2012. N 3. P. 14–20.
3. *Shumilov M. M.* Problems of formation of the Russian nation at the present stage // Scientific works of the North-West Institute of Management — branch of RANEPA of the President of Russia 2012. Vol. 3. Part. 2 (6). P. 132–144.

С. Л. Сергевнин S. L. Sergevnin

Реализация и охрана Конституции: некоторые структурно-функциональные характеристики

Realization and Protection of Constitution: Some Structural and Functional Characteristics

Сергевнин Сергей Львович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Доктор юридических наук, профессор,
Советник Конституционного Суда Российской Федерации
Заслуженный юрист Российской Федерации
dirz2010@yandex.ru

Sergevnin Sergey Lvovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Theory and History of State and Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation
Honored Lawyer of the Russian Federation
dirz2010@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конституция, реализация и охрана конституционных норм, механизм конституционно-правового регулирования, применение конституционных нормоположений, структурно-функциональный анализ

KEY WORDS

Constitution, realization and protection of constitutional norms, the mechanism of constitutional-legal regulation, the application of constitutional norms, structural-functional analysis

РЕФЕРАТ

В настоящей статье дается общая характеристика механизма конституционно-правового регулирования, т. е. специально-юридического воздействия Конституции в двух срезах — структурно-субъектной его характеристики, а также функционального анализа с позиций реализации, включая самореализацию конституционных норм в формах правопользования, правоисполнения и правособлюдения, и применения нормативных положений Конституции, а также охраны Основного закона.

ABSTRACT

In the article the general characteristic of the mechanism of constitutional and legal regulation, i. e. special and legal influence of the Constitution in two aspects - its structural and subject characteristic, and also the functional analysis from realization positions (including self-realization of the constitutional norms in forms of right using, right execution and right observance) and applications of regulations of the Constitution, and also protection of the Basic Law is given.

Взгляд на Конституцию в динамическом срезе, ее восприятие в качестве действующего и активно воздействующего на общественные процессы акта с неизбежностью предполагают постановку вопроса о механизме ее реализации. В свою очередь, взгляд на реализацию Конституции в контексте конкретных правоотношений во всей их сложности и неоднозначности, вызываемой сложностью и многообразием фактических политических связей, испытывающих Конституцию в политике и испытываемых Конституцией в праве, предопределяет постановку вопроса о механизме ее защиты и охраны. В связи с этими обстоятельствами попытаемся затронуть отдельные структурно-функциональные

характеристики реализации и охраны наиважнейшего в национальной правовой системе нормативного акта.

Конституция государства представляет собой, помимо прочих характеристик, обладающий особыми юридическими качествами нормативный правовой акт, порождающий конституционно-правовые отношения и, следовательно, находящийся в процессе постоянной реализации. Иное понимание основного закона государства приводило бы к утверждению о декларативном либо даже декоративном характере Конституции. Между тем подобные утверждения пришли бы в очевидное противоречие с принципом ее прямого действия (статья 15, часть 1 Конституции Российской Федерации). Именно по этой причине столь существенное значение приобретает вопрос о механизме реализации Конституции.

Однако сначала следует обратить внимание на необходимость различать две категории, характеризующие соответствующие два среза социально-правовой реальности: общесоциальное воздействие Конституции и ее реализацию в смысле специально-правового, следовательно, регулятивного воздействия.

В первом случае имеется в виду информационно-правовое влияние Конституции на общество в целом, его группы и отдельных индивидов, а также ценностно-ориентационное значение основного закона, предопределяющие его воспитательное воздействие. В самом деле ознакомление с конституционным текстом, равно как и в целом с конституционным законодательством, позволяет читателю составить определенное впечатление о тех принципах, на которых функционирует конституционная материя в территориальных границах государства, о наборе важнейших прав и свобод, на реализацию которых в возможных конституционно-правовых отношениях соответствующее лицо впоследствии может рассчитывать, наконец, о конкретных механизмах функционирования системы публичной власти в данном государстве.

Отмечая вместе с тем недопустимость недооценки значения общесоциального воздействия Конституции, надо признать, что для юриста первостепенной важности вопросом становится сила регулятивного воздействия Конституции и возможности реализации ее нормоположений в конституционных правоотношениях. Специфика реализации конституционных норм предопределяется особенностями самих этих норм[1], среди которых можно выделить, в частности, телеологические нормы (нормы-цели), дефинитивные нормы (нормы-определения), нормы-принципы, регулятивные нормы[2], охранительные нормы, оперативные (вводные) нормы.

Применительно к нормам-целям, нормам-принципам и нормам-дефинициям можно говорить об особом значении системного характера Конституции в выяснении механизма их реализации. В самом деле достаточно сложной задачей представляется, например, описание содержания конкретного конституционного правоотношения, порождаемого непосредственно конституционным определением Российской Федерации в качестве демократического федеративного правового государства с республиканской фор-

[1] В общей теории права конституционные нормы иногда относят к группе так называемых конститутивных норм, как бы выпадающих из обычных механизмов правореализации. Подобная характеристика фактически отказывает нормам конституционного права в возможности непосредственной реализации в конкретных правоотношениях. Подобный взгляд представляется в известной мере спорным, ибо существенным образом осложняет объяснение фундаментального принципа прямого действия Конституции, о чем — далее.

[2] Название этой группы конституционных норм весьма условно, поскольку в широком смысле любая юридическая норма теряет свое юридическое качество, если в той или иной мере не несет в себе регулятивный потенциал. Следовательно, в данном контексте регулятивный характер конституционных норм понимается как их способность оказывать непосредственное регулирующее воздействие на конституционные отношения, реализуясь в конкретных правах и обязанностях субъектов.

мой правления (статья 1, часть 1 Конституции Российской Федерации). Однако вне контекста содержания названной дефиниции практически невозможной в том числе становится реализация в конкретных избирательных правоотношениях конституционной регулятивной нормы, закрепляющей право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (статья 32, часть 2 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, под реализацией Конституции следует понимать специально-юридическую форму воздействия Конституции, ее норм, а также нормативных положений конституционного законодательства на общественные отношения, проявляющегося в регулировании с помощью конституционно-правовых средств конкретных прав и обязанностей субъектов конституционных отношений.

В наборе упомянутых в данном определении конституционно-правовых средств следует назвать в том числе нормы самой Конституции, нормы иных актов конституционного законодательства, судебные нормы, содержащиеся в итоговых актах судебного органа конституционного контроля (Конституционного суда), наконец, имеющие конституционно-правовую природу общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы государства.

В связи с отмеченными обстоятельствами закономерно возникает вопрос о формах реализации Конституции. С одной стороны, принцип прямого действия Основного закона предполагает возможность самореализации его норм, точнее самостоятельное приобретение закрепленных Конституцией конкретных прав и обязанностей соответствующими управомоченными и обязанными субъектами конституционных правоотношений. Так, гражданин Российской Федерации, реализуя закрепленное Конституцией Российской Федерации (статья 33) право на петицию, использует его самостоятельно, обращаясь лично либо направляя индивидуальное или коллективное обращение в государственные и муниципальные органы. В этом случае говорят о такой форме реализации конституционных норм как использование конституционного дозволения, т. е. зависящей от дискреции субъекта конституционного правоотношения (правопользователя) реализации закрепленной в диспозиции конституционной нормы правовой возможности.

Раскрывая далее формы самореализации (осуществления) конституционных норм в конкретных правоотношениях, следует обратить внимание на соблюдение конституционных запретов, проявляющееся в воздержании конкретного субъекта конституционного правоотношения от осуществления активных действий, описание которых содержится, как правило, также в диспозиции соответствующей конституционной регулятивной нормы.

К примеру, норма части 4 статьи 3 Конституции Российской Федерации гласит: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации». Обратим при этом внимание на то немаловажное обстоятельство, что названный конституционный запрет, подлежащий реализации в форме пассивного поведения субъектов правоотношений, обеспечен санкцией, имеющей бланкетный характер. Второе предложение той же части цитируемой конституционной нормы закрепляет положение, согласно которому «захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону».

Наконец, необходимо упомянуть еще об одной форме самореализации конституционной нормы, а именно об исполнении конституционных обязанностей, т. е. реализации запрета воздержания от дозволенного диспозицией конституционной нормы поведения. Речь в данном случае идет по сути об исполнении закрепленных в тексте Конституции позитивных обязанностей, например, платить законно установленные налоги и сборы, сохранять природу и

окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (соответственно, статьи 57, 58 Конституции Российской Федерации).

Если в перечисленных трех случаях субъекты конституционных правоотношений самостоятельно действуют либо воздерживаются от определенных действий, то необходимо иметь в виду такие ситуации, когда реализовать закрепленные конституционными нормами права и обязанности без помощи государственных органов невозможно. В данном случае речь идет о такой форме конституционной правореализации, как применение конституционных норм, под которой понимается властно-организующая деятельность компетентных государственных органов по вынесению индивидуально-конкретных правовых актов (решений), принимаемых как результат разрешения юридических дел в специально установленной юрисдикционной либо иной процедуре (процессуальной форме).

Так, реализация активного избирательного права, закрепленного статьей 32 Конституции Российской Федерации, т. е. права избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления, невозможна вне специальной процедуры (избирательного процесса), регламентируемой соответствующим федеральным законом, в первую очередь Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с последующими изменениями и дополнениями)[1]. Соответственно, участие государственных органов, например, избирательных комиссий в качестве субъектов электоральных правоотношений, является необходимым условием реализации позитивных избирательных прав, закрепленных Конституцией и принятых в ее развитие названным федеральным законом.

Таким образом, совокупность правовых средств, обеспечивающих надлежащее претворение конституционных предписаний, запретов и дозволений в конкретных конституционных правоотношениях, составляет юридический механизм реализации Конституции, в который включаются конституционные нормы, среди которых особое место занимают конституционные принципы, субъекты конституционного права, юридические факты и фактические составы, порождающие конституционные правоотношения, конкретные правовые связи в конституционной сфере, т. е. собственно конституционные правоотношения, наконец, акты реализации конституционных прав и обязанностей.

Характеристика механизма реализации отечественной Конституции оказалась бы неполной, если оставить без внимания его специфику, предопределяемую федеративной формой государственного (территориального) устройства Российской Федерации. Нельзя забывать об особой роли и значении конституирующих (учредительных) актов субъектов Российской Федерации — их конституциях и уставах, обладающих, помимо прочего, качеством системообразующих актов по отношению к законодательству субъектов федерации (региональному законодательству). При этом принципиально важно именно применительно к отечественной федерации, которая по своей юридической природе относится к конституционному типу федерации, подчеркнуть, что само по себе региональное законодательство, в основе которого лежит конституция (устав) субъекта федерации, представляет подсистему единой системы законодательства федеративного государства, фундамент которой, в свою очередь, составляет федеральная конституция. Динамика внутренних связей данной сложной системы подчинена логике нормативного содержания статьи 76 (в ее системном единстве со статьями 71, 72, 73, 77 и 78) Конституции Российской Федерации.

В данном контексте следует подчеркнуть, что механизм реализации федеральной Конституции не может успешно функционировать в условиях федератив-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

ного государства без надлежащей гармонизации с конституционными актами регионов. Конституционная федерация в силу своей имманентной юридической характеристики принципиально исключает несоответствие федеральной конституции и конституций (уставов) субъектов федерации.

Характеристика механизма реализации Конституции с необходимостью включает также международно-правовой аспект. Содержащееся в статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации нормативное положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, неизбежно ставит вопрос о соотношении юридической силы упомянутых международно-правовых актов и юридической силы Конституции. Этот вопрос тем более обостряется содержащимся в той же статье Конституции нормативным положением, согласно которому если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

При решении указанного вопроса, напрямую затрагивающего проблематику механизма реализации Конституции, прежде всего необходимо исходить из того принципиального тезиса, что нормы Конституции имеют приоритет в отношении включенных в национальную правовую систему норм международного права. Иной подход мог бы привести к умалению роли Конституции Российской Федерации как акта наивысшей юридической силы, действующего на территории государства, а следовательно, к подрыву основ конституционного устройства Российской Федерации, в том числе ее государственного суверенитета. Следовательно, процитированные нормативные положения статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации не могут быть истолкованы вне контекста статьи 4 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

В подтверждение сказанному можно отметить избранную национальным законодателем модель регулирования правовой ситуации, связанной с включением в отечественную правовую систему таких правил, содержащихся в международном договоре, которые требуют изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации. Согласно статье 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»[1], в этом случае решение о согласии на обязательность международного договора для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке.

Если, говоря о механизме реализации Конституции, мы имеем в виду прежде всего структурно-функциональную характеристику позитивного конституционно-правового воздействия на общественные отношения, то нельзя не признать крайне важным наличие в системе каждого национального конституционно-правового режима корреспондирующего механизма охраны Конституции. Иной подход, при котором реализация Основного закона государства не обеспечивалась бы соответствующими средствами правовой защиты, приводил бы к превращению Конституции в декларацию, не обладающую необходимыми регулятивными качествами специально-правового воздействия на важнейшие общественные отношения.

Анализируя структуру механизма охраны Конституции, в первую очередь необходимо упомянуть о его нормативном компоненте, т. е. о конкретных нормативных положениях, содержащихся в конституционном тексте и обеспечивающих первичные гарантии безопасности Конституции. В названном контексте следует назвать норму-принцип, закрепленную в статье 15, часть 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой ор-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.

ганы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию и законы.

Фундаментальное значение этого нормативного положения трудно переоценить, поскольку генерализация (распространение на предельно широкий субъектный состав) обязанности по соблюдению Конституции по существу лежит в основе собственно правового режима конституционной законности и, как следствие, всей системы конституционного правопорядка.

Нормативная преграда для потенциальных нарушений конституционного правопорядка содержится также в статье 13, часть 5 Конституции Российской Федерации, которая запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства, подрыв его безопасности, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

В рамках нормативного компонента механизма охраны Конституции следует также отметить запреты, содержащиеся в отраслевом законодательстве. Прежде всего речь идет об уголовно-правовых запретах и, соответственно, мерах уголовно-правовой ответственности, предусмотренных соответствующими нормами уголовного законодательства.

Так, в данном контексте наибольший интерес представляет такой состав преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти (статья 278 Уголовного кодекса Российской Федерации), согласно которому соответствующая уголовно-правовая санкция предусмотрена за действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. Цели охраны Конституции преследует также норма национального уголовного закона, предусматривающая уголовную ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации (статья 279 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Возвращаясь к структуре механизма охраны Конституции, необходимо остановиться на характеристике его субъектного компонента. Нельзя недооценивать роль граждан и их объединений как участников охранительных правоотношений, имеющих в качестве своего объекта подлежащие специальной конституционно-правовой охране общественные отношения, в которых находят свое преломление защищаемые конституционные ценности. Прежде всего следует упомянуть в этой связи конституционную норму, согласно которой решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде (статья 46, часть 2 Конституции Российской Федерации).

Конституционный законодатель избрал, таким образом, активную форму правовой деятельности граждан в качестве одной из важнейших гарантий режима конституционной законности. К таким же активным формам следует отнести закрепленное статьей 125, часть 4 Конституции Российской Федерации право граждан на обращение с жалобой в Конституционный суд на нарушение конституционных прав и свобод, в связи с которой высший судебный орган конституционного контроля осуществляет проверку конституционности закона, примененного в конкретном деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде.

Разумеется, нельзя забывать и о таком элементе механизма охраны Конституции, как исполнение соответствующих консти-

туционных обязанностей гражданами. Справедливости ради стоит отметить, что перечень таких обязанностей, непосредственно закрепленных в тексте Конституции, не столь велик, особенно по сравнению с перечнем конституционных прав и свобод: это обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции Российской Федерации), обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (статья 58 Конституции Российской Федерации), наконец, обязанность гражданина Российской Федерации по защите Отечества (статья 59 Конституции Российской Федерации).

Другим видом субъектов охраны Конституции являются соответствующие институты государственной власти, создание которых предусмотрено Основным законом. Речь в данном случае в первую очередь идет о Президенте Российской Федерации, который в силу статьи 80, часть 2 Конституции Российской Федерации является гарантом Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина. Обязанность Президента как главы государства защищать Конституцию непосредственно закреплена в тексте его присяги, которую высшее должностное лицо государства приносит народу при вступлении в должность (статья 82, часть 1 Конституции Российской Федерации).

С учетом того обстоятельства, что именно защита прав и свобод человека, провозглашенные, как уже отмечалось ранее, в качестве высшей конституционной ценности, составляют краеугольный камень функциональной характеристики такого института государственной власти, как Уполномоченный по правам человека (омбудсмен), назначаемого и освобождаемого от должности Государственной Думой (статья 103, пункт «д» части 1 Конституции Российской Федерации) и действующего в соответствии с федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ[1], его также следует отнести к субъектному компоненту механизма охраны Конституции.

Несмотря на то что непосредственно Конституция текстуально не возлагает на Федеральное собрание и его палаты (Государственную Думу и Совет Федерации), Правительство, Верховный суд и Высший арбитражный суд, а также прокуратуру обязанности по охране и защите Конституции, из нормативных положений статьи 2 (в их взаимосвязи со статьей 18) Конституции Российской Федерации, закрепляющих фундаментальную обязанность государства в целом по защите прав и свобод человека и гражданина, которые, будучи непосредственно действующими, определяют смысл и содержание деятельности всего государственного аппарата в лице его структурных составляющих (государственных органов), названные институты государственной власти также включаются в субъектный компонент механизма защиты Конституции.

Особое место в указанном механизме принадлежит Конституционному суду, который, обладая статусом судебного органа конституционного контроля, призван самостоятельно и независимо осуществлять судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Принципиальным в статусной характеристике Конституционного суда представляется акцент на его контрольный характер, что отличает его от Комитета Конституционного надзора Союза ССР[2]. Последний существовал не более двух лет на исходе прежнего союзного государства, правопреемницей которого выступает в настоящее время Российская Федерация. Уже из самого наименования указанного органа следует характеристика его правовой природы как надзорного ведомства, последствия реализации собственных полномочий которого ограничиваются лишь рекомендацией законодателю снять выявленное

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 03.03.1997. № 9. Ст. 1011.

[2] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

в процессе конституционно-надзорной деятельности противоречие. Напротив, результатом основной деятельности Конституционного суда Российской Федерации является нуллификация (дисквалификация) правовой нормы.

Краткий исторический очерк Конституционного суда Российской Федерации в целом может быть представлен в виде характеристики трех основных этапов.

Первый этап (1991–1994 гг.) связан с процессом создания суда, его встраиванием в действующую политико-правовую систему. С учетом того обстоятельства, что сама эта система на том этапе едва ли может быть охарактеризована как устойчивая и устоявшаяся, поскольку находилась в режиме крайне болезненной реконструкции, содержание которой логично следовало за по сути революционной перестройкой отечественной общественной системы в целом, формировавшемуся Конституционному суду приходилось проходить проверку на прочность в том числе и в качестве активного политического субъекта.

Второй этап (1994–2010 гг.) может быть охарактеризован как время, когда суд стал играть роль активного субъекта в процессе формирования и развития современной российской правовой системы. Вполне допустимым представляется признание роли Конституционного суда в указанном процессе не просто как активного, но и определяющего субъекта. На данном этапе состоялась структурная адаптация Конституционного суда (палатный принцип судопроизводства, формирование аппарата суда, установление и модификация механизмов кадровых назначений как судей, так и руководства суда — председателя, его заместителей).

Второй этап, кроме того, характеризуется фактором процессуальной адаптации суда, которая может быть сведена к формированию системы конституционно-правовых обычаев, выполнявших функцию регулятивного правовосполнения и преодолевавших неизбежные (в силу абсолютной новизны института конституционного контроля применительно к отечественной государственно-правовой системе) пробелы и дефекты Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»[1]. Речь в данном случае идет, прежде всего, о конституционном обычае письменного судопроизводства, результатом чего были так называемые определения с позитивным содержанием, вошедшие в структуру правовой системы по существу в качестве самостоятельного вида источников права и оказывавшие существенное воздействие как на нормотворческую практику парламента и структур исполнительной власти, включая региональный уровень, так и особенно на практику судебного правоприменения в системах общей и арбитражной юрисдикций.

Характеризуемый этап примечателен также фактором материально-правовой адаптации, выразившейся главным образом в формировании большого количества правовых позиций, в значительном числе прошедших модификацию в судебные нормы и в качестве таковых органично вошедших в национальную правовую систему. Регулятивная составляющая большинства правовых позиций Конституционного суда столь велика, что позволяет им не только оказывать существенное влияние на правоприменительную практику в случаях судебного пересмотра конкретных дел, но и фактически определять вектор дальнейшего развития законодательной деятельности парламента. Наконец, рассматриваемый этап истории суда примечателен фактором его территориальной адаптации, связанной с переездом из Москвы в Санкт-Петербург.

Третий этап истории Конституционного суда начинается в 2011 г. в связи с внесением существенных изменений в законодательное регулирование организационных и процессуальных аспектов

[1] О Конституционном суде Российской Федерации Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ. В ред. ФКЗ от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2010. № 45. Ст. 5742. (Далее — ФКЗ о КС).

деятельности суда. Происходит легализация результатов двадцатилетней процессуальной адаптации, выразившаяся в формировании уже упоминавшегося конституционного обычая письменного производства и соответственно позитивных определений. При этом легализация данного факта происходит в форме введения нового процессуального института — рассмотрения Конституционным судом дел без проведения слушаний (статья 47.1 ФКЗ о КС).

Анализируемый этап характеризуется существенным уточнением пределов юрисдикции Конституционного суда по рассмотрению обращений граждан на нарушение их конституционных прав, что позволяет снимать многочисленные вопросы, касающиеся допустимости индивидуальной и коллективной жалоб граждан. Речь идет о введенном ограничении рассмотрения жалоб граждан и их объединений лишь законом, примененным (ранее — также подлежащим применению) в конкретном деле, рассмотрение которого завершено (ранее — или начато) в суде (ранее — или ином органе) (пункт 3 части 1 статьи 3, статья 96, статья 97 ФКЗ о КС).

Функциональная характеристика Конституционного суда включает несколько групп полномочий данного органа конституционной юстиции, к которым относятся прежде всего полномочия по нормоконтролю. При этом следует различать так называемый абстрактный нормоконтроль, осуществляемый в виде разрешения дел о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента, палат парламента, Правительства, регионального законодательства по вопросам федерального и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, договоров между федеральными и региональными органами государственной власти, а также договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Абстрактный нормоконтроль следует отграничивать от конкретного нормоконтроля, осуществляемого Конституционным судом по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, а также по запросам судов о проверке конституционности закона. Следует в данном контексте обратить внимание на то обстоятельство, что нормативное закрепление полномочий Конституционного суда — предмет непосредственного регулирования Конституции (статья 125, часть 2). Указанные в Конституции полномочия Конституционного суда по существу воспроизводятся в ФКЗ о КС (статья 3). Между тем федеральный законодатель в пределах смысла упомянутой конституционной нормы уточняет юрисдикцию Конституционного суда применительно к институту конституционной жалобы и конкретного судебного запроса. При этом характеристика допустимости соответствующих жалоб граждан ограничена наличием факта применения судом обжалуемого закона в конкретном деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде. В то же время по запросам судов Конституционный суд проверяет конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле, находящемся в производстве соответствующего суда.

Среди других функциональных характеристик судебного органа конституционного контроля — его полномочие по разрешению споров о компетенции между федеральными органами государственной власти, между федеральными и региональными властными органами, а также между высшими государственными органами субъектов федерации.

Исключительным полномочием (прерогативой) Конституционного суда является толкование Конституции, осуществляемое на основании соответствующих запросов главы государства, палат парламента, федерального правительства, а также региональных законодательных органов.

Наконец, следует привлечь внимание к особому юрисдикционному полномочию Конституционного суда, в рамках которого он, будучи включенным в механизм привлечения главы государства к конституционно-правовой ответствен-

ности, по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента в государственной измене или совершения иного тяжкого преступления (так называемый институт импичмента высшего должностного лица государства).

ФКЗ о КС закрепляет также дополнительные возможности для Конституционного суда использовать вытекающие из содержания договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти права при условии, если они не противоречат юридической природе Конституционного суда как судебного органа конституционного контроля.

Примечательно также включение в текст ФКЗ о КС в качестве его собственного полномочия принятия Регламента по вопросам внутренней деятельности. Практика между тем показывает, что, несмотря на внутренний (локальный) характер данного нормативного акта, последствия применения его положений имеют зачастую внешнюю направленность на правоотношения, участником которых помимо самого Конституционного суда являются иные субъекты (например, прекращение переписки с заявителем в случае повторного его обращения в Конституционный суд по вопросу, по которому ранее было вынесено соответствующее постановление либо решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению или о прекращении производства по делу).

Представляется крайне важной отличительной чертой функционала Конституционного суда, принципиально отграничивающей его правосудные полномочия от соответствующих полномочий судов иной юрисдикционной принадлежности (общей и арбитражной — по крайней мере в части их ординарного и апелляционного уровней), то нормативное положение, согласно которому орган конституционной юстиции решает исключительно вопросы права и при осуществлении производства по своим делам во всех случаях воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств, когда это отнесено к компетенции других судов или иных органов.

Другим моментом, принципиально отличающим Конституционный суд от органов, относящихся к иным судебным юрисдикциям, является характеристика юридической силы решений Конституционного суда, осуществляющего нормоконтроль в особой судебной процедуре конституционного судопроизводства. Речь в данном случае идет о том, что решения Конституционного суда, в результате которых признанные не соответствующими Конституции нормативные положения утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Решения Конституционного суда (прежде всего резолюции его постановлений) обладают качеством общеобязательности, следовательно, нормативности, что свидетельствует о наличии у них признаков особых источников права [2]. Более того, юридическая сила принимаемых Конституционным судом итоговых решений «превышает юридическую силу любого закона, а соответственно практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям» [1, с. 133].

Небезынтересно отметить, что, активно используя достижения мирового опыта регулирования полномочий органов конституционной юстиции, отечественный законодатель тем не менее оставил за скобками такие возможные направления деятельности Конституционного суда, как предварительный нормоконтроль законов (в условиях российской правовой системы предварительный нормокон-

троль существует лишь применительно к не вступившим в силу международным договорам), установление конституционности пробелов в правовом регулировании, контроль проведения выборов и референдумов, проверка конституционности актов и деятельности политических партий и некоторые иные.

Сказанное в целом подтверждает особое место и роль Конституционного суда в структуре и функциональной характеристике механизма охраны Конституции.

Литература

1. *Зорькин В. Д*. Россия и Конституция в XXI в. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008.
2. *Кокотов А. Н*. Обязательность решений Конституционного суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 7–8.

References

1. *Zorkin V. D*. Russia and the Constitution in the XXI century. 2nd edition. M.: Norma, 2008.
2. *Kokotov A. N.* Obligation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of the Constitutional Justice. 2011. N 4. P. 7–8.

Н. А. Заиченко **N. A. Zaichenko**

Институциональные предпосылки образовательных политик

Institutional Preconditions of Educational Politics

Заиченко Наталья Алексеевна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой институциональной экономики
Кандидат педагогических наук, доцент
zanat@mail.ru

Zaichenko Natalia Alekseevna
National Research University «The Higher School of Economy» (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Institutional Economy
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor
zanat@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
образовательная политика, институциональные предпосылки, институты, институциональный разрыв, институциональные пробки, имплицитное знание

KEY WORDS
education policy, institutional prerequisites, institutes, institutional gap, institutional stoppers, implicit knowledge

РЕФЕРАТ
Рассматривается проблема выявления и адекватного использования институциональных предпосылок при формировании образовательных политик. В контексте статьи предлагается «тестирование» новой идеи — авторская трактовка понятий «институциональные предпосылки», «институциональные пробки»; типология институциональных предпосылок в целях формирования и реализации стратегии развития системы образования. Обоснованием актуальности темы являются экспертные выводы автора по результатам анализа программ развития восемнадцати районных систем образования Санкт-Петебурга на период 2011–2016 гг.

ABSTRACT
The problem of identification and adequate exploitation of institutional prerequisites when working out educational strategies is the subject. The report suggests testing new idea where the representation of such concepts as «institutional prerequisites», «institutional stoppers», as well as the typology of institutional prerequisites aimed at crafting and implementing strategy for education system development are being introduced. The authors' expert judgments based on the conclusions of the analysis eighteen local educational systems of St. Petersburg development programs 2011–2016 are the reason for the chosen topic relevance.

Формируя контекст темы «образовательная политика», мы неизбежно сталкиваемся с феноменом реформирования и модернизации в общественном секторе экономики. Как правило, под реформами мы понимаем способность к осуществлению институциональных изменений [2]. При этом имплицитно полагается, что реформирование не уничтожает основ существующей социальной структуры, носит позитивный характер и является прогрессивным преобразованием. Можно предполагать, что подобного рода изменения в общественном секторе имеют свою специфику и в большей степени ограничены политикой государства, чем рыночный сектор экономики. Данное ограничение со стороны государства до 2012 г. включительно сопровождалось соответствующей «страховкой» в виде субсидиарной ответственности государства, распространявшейся

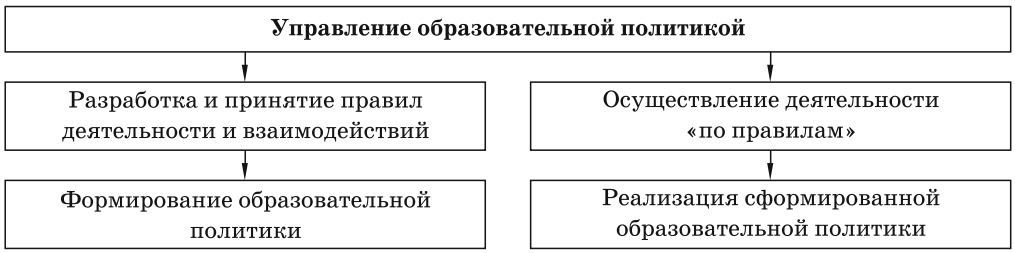


Рис. 1. Статусы в управлении образовательной политикой

на бюджетные учреждения данного сектора. Новые формальные институты[1] изменили эту ситуацию, создав условия для формирования институциональных предпосылок, обеспечивающих изменение взаимоотношений и взаимосвязей игроков на поле общественного сектора. Иными словами, если иметь в виду такую отрасль общественного сектора, как образование, появились базовые основания для корректировки образовательной политики на всех уровнях — федеральном, региональном, местном.

Обозначим ограничительные рамки предмета обсуждения. Базовая идея — рассмотрение взаимосвязи и зависимости между институциональными предпосылками и образовательными политиками; объектом является система общего образования; доказательная география, обосновывающая актуальность предмета обсуждения — районные образовательные системы Санкт-Петербурга; методология исследования не разработана и данная статья-эссе является тестированием самой идеи.

Уточним для адекватного понимания идеи понятийный аппарат, используемый в данном тексте. Базовыми терминами, специализирующими и ограничивающими предмет обсуждения, будем считать «образовательную политику» и «институциональные предпосылки». Понятие «образовательной политики» имеет множественные значения, мы выбираем наиболее приемлемое в контексте обсуждения.

«Образовательная политика — принятые государством *правила* своего поведения по отношению к системе образования и ее элементам, взаимосвязям и взаимодействиям между ними, включая само государство как элемент системы образования, и *осуществление действий* в соответствии с этими правилами» [1].

Выработка правил взаимодействия, их принятие и осуществление действий по этим правилам требует собственного управления. То, что мы относим к «образовательной политике», может быть представлено как минимум двумя статусами: законотворчество и его реализация (исполнение) (рис. 1)[2].

Ключевым словом в выделенном определении является «правило», под которым мы будем понимать такую норму поведения, при которой определены адресат, статус долженствования (может, должен, не должен), цель, условия, действия нормы поведения и санкции при отступлении от этой нормы поведения.

Учитывая разнообразие подходов к понятию «институт», выделяем в целях нашего обсуждения рабочее понятие и договариваемся, что будем понимать под институтом правила (формальные и неформальные), которые устанавливают

[1] Автор имеет в виду Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

[2] Составлено на основании информации статьи С. А. Белякова «Образовательная политика и управление образованием». Источник: www.umj.ru/index.php/pub/inside/1016/.

игроки (организации) для ограничения числа вариантов выбора в ситуации, разрыва между компетентностью игрока и сложностью принятия решения. Во избежание понятийного конфликта между «агентом», «актором», «субъектом», «участником» мы применяем термин «игрок», если иметь в виду «нортовскую расшифровку», где под институтами мы понимаем правила игры и под игроками — ее участников [4].

Потребность игроков (организации, системы) в безопасности (любого типа), а значит, в предсказуемости поведения «природы», т. е. внешней среды по отношению к ним, тем более в ситуации изменений, заставляет их структурировать эту среду и формулировать правила жизни в ней. Логично предположить, что деятельность по обеспечению предсказуемости среды и правил должна иметь соответствующие организационно-экономические и институциональные предпосылки. Так, разрабатывая образовательную политику (или стратегию) на уровне региона, города или местном (районном или муниципальном) уровне, полномочные представители государства в лице соответствующих департаментов и/или комитетов должны иметь аутентичную[1] информацию для понимания уровня готовности системы к изменениям. Эта информация «складывается» в институциональные предпосылки образовательной политики.

Анализ открытых источников информации (электронных ресурсов) в части научных статей и диссертаций, использующих понятие «институциональные предпосылки», показал, что данное понятие относится к феномену «имплицитного знания», так как исследователи не расшифровывают данное понятия.

Предлагаем рабочее определение термина. *Институциональные предпосылки образовательной политики* — это предварительные условия, обеспечивающие изменения в развитии объекта (образовательной политики или образовательной стратегии) и выраженные через формальные и неформальные институты и наблюдаемые явления, которые *влияют, могут влиять или должны влиять* на формирование и реализацию образовательных политик.

Институциональные предпосылки могут быть созданы (или не созданы) посредством применения формальных и неформальных правил и/или наблюдаемы посредством мониторинговых мероприятий, данных статистики и результатов и выводов научно-прикладных исследований.

Нельзя исключать эффект колеи как «связь прошлого с настоящим и будущим» [5], как способа, при помощи которого институты, сформированные в прошлом, влияют на сегодняшние решения и могут формировать (или не формировать) ожидания «на завтра». Данный эффект имеет как минимум два фактора: технологический и институциональный.

Примером технологической «памяти» в образовании может служить применение стандартов. Применение любого стандарта тем выгоднее, чем чаще его применяют, что и происходит в случае строительства новых образовательных учреждений (школ и детских садов) по строительным нормам и правилам, которые не отвечают современным подходам к образовательному процессу, но хорошо согласованы с траекторией развития института «предметно-классно-урочной» системы. Европейские стандарты среды обитания и развития человека «подсказывают» нам, что в физическом пространстве старших школ (и университетов) происходят радикальные изменения. Они связаны с изменениями в ожиданиях обучающихся и педагогов, с новыми подходами в образовании и исследованиях. Представления о школе как наборе классных комнат для «образования» уступают пониманию того, что современное образовательное пространство должно быть гибким, открытым, разнообразным. Физическая среда образования должна обеспечивать возможности не только для трансляции знаний от учителя группе, но

[1] Аутентичность информации — свойство, гарантирующее, что субъект или ресурс идентичны заявленным.

и для взаимодействия, самообразования, проектирования, саморазвития, проживания ситуаций и рефлексии, исследовательской работы и обмена знаниями.

При этом мы используем институт предметно-классно-урочной системы, который был введен в России согласно «Уставу народных училищ» в 1786 г., позже система распространилась по всем уровням образования, тогда же возникла «журнальная технология» для проставления оценок. Данный институт оказался чрезвычайно «живучим», хотя педагоги и психологи давно пришли к выводу о его неэффективности. Так эффект колеи поддерживается и эффектом сопряжения с устаревшими институтами и технологиями.

Формируя перечень источников институциональных предпосылок, следует иметь в виду феномен «имплицитного знания»[1], о котором пишет Д. Норт [5] и которое можно интерпретировать как не сформулированное, ценностно-ориентированное, личностное знание, с помощью которого игроки конструируют «собственные» закономерности в происходящих процессах, помогающие им объяснять эти процессы. Здесь уместно привести пример, заимствованный Нортом у Артура (W. B. Arthur), где речь идет об эксперименте психолога Джулиана Фельдмана. «Фельдман просил участников эксперимента предсказать, какое из двух событий — появление символа 1 или появление символа 0 — случится следующим в последовательности из двухсот попыток, где экспериментатор мог контролировать очередность выпадения 1 или 0... Фельдман обнаружил, что каждый испытуемый быстро находил паттерны в последовательности единиц и нулей и предлагал гипотезы о процессе, который генерирует последовательность... Интересный момент состоит в том, что последовательность единиц и нулей, которая использовалась экспериментатором, была совершенно случайной. Тем не менее каждый испытуемый мог „видеть паттерны, с которыми он работал, хотя они и менялись в ходе эксперимента“» [9].

По аналогии с приведенным примером мы можем наблюдать «производство» таких паттернов у групп влияния на образовательную политику. Каждая из этих групп (игроков) имеет различные интересы и властные возможности, формируя свои «паттерны», основанные на интуитивном знании, они будут оказывать влияние на формирование образовательной политики, выделение основных направлений и индикаторов развития системы. Согласно модели Менделоу всех заинтересованных лиц можно классифицировать в зависимости от двух переменных — их интересов и их власти: власть определяет способность стейкхолдера[2] оказывать влияние на систему; интерес стейкхолдера определяется его желанием влиять на систему. И только достаточный уровень компетентности игрока может служить страховкой от «плохих» паттернов и стимулом для «хороших» паттернов, являющихся источником институциональных предпосылок. Примером «плохого паттерна» может служить миф о платном общем образовании, сформированный группами влияния, при изменении организационно-правовой формы образовательных учреждений и переводе их в бюджетные, казенные и автономные государственные учреждения[3].

Разработка и реализация образовательных политик должна сопровождаться анализом происходящих или произошедших событий — наблюдаемых явлений, способных быть измеренными количественно или качественно. Необ-

[1] Термины «эксплицитное» и «имплицитное» знание ввел англо-американский философ Майкл Полани (см.: [7]).

[2] В целях данной статьи под стейкхолдерами мы понимаем группы влияния, оказывающие воздействие на изменения (реформирование), происходящие в образовании. Эти воздействия следует учитывать при формировании политик и осуществлении изменений. Интересы стейкхолдеров могут вступать в противоречие друг с другом.

[3] Выявлено автором при экспертизе Программ развития районных образовательных систем Санкт-Петербурга.

ходимым и типовым мероприятием является проведение SWOT-анализа для оценки факторов и явлений, влияющих на развитие системы. Экспертиза текстов SWOT-анализа в программах развития районных образовательных систем Санкт-Петербурга (16 программ из 18 возможных) дает основания для вывода о том, что SWOT строится на модели имплицитного знания, а не объективных, измеряемых наблюдениях.

Включение в перечень источников институциональных предпосылок типа «наблюдаемые и *количественно* измеряемые явления» аргументировано множественными примерами, связанными со статистическими наблюдениями, имеющими практическую ценность: анкетные наблюдения и бюджетные исследования, выборочные и единовременные наблюдения, анамнестические исследования. К базовым явлениям, формирующим институциональные предпосылки, являющиеся источником преобразований в образовании, относятся изменения в качестве и количестве населения: демографические процессы, миграционные потоки, качество человеческого капитала. Такие изменения подают основные сигналы разработчикам политик о потенциальных институциональных изменениях, о наличии или отсутствии институциональных предпосылок для этих изменений. К этому ряду источников относятся и мониторинговые мероприятия, используемые для выявления состояния критических или находящихся в состоянии изменения явлений образовательной среды, обеспечения обратной связи, в отношении предыдущих успешных и неуспешных событий образовательной политики.

Включение в перечень институциональных предпосылок типа «наблюдаемые и *качественно* измеряемые явления» аргументировано необходимостью интерпретации формализованных и неформализованных действий в образовательной сфере, что позволяет получить информацию о мотивах поведения, установках и мнениях людей. Эта информация может быть выражена как числовым, так и нечисловым способом. Важно, что ее содержание несет в себе смысл, непосредственно характеризующий самого носителя информации, и позволяет анализировать внутреннюю структуру и взаимосвязи изучаемого явления, а значит, воздействовать на него.

Нельзя не учитывать при формировании и реализации образовательных политик сложившиеся неписаные стандарты, нормы поведения и ожидания, как правила игры. Учитывая консерватизм системы в целом, следует особым образом выделять неформальные институты, дающие как позитивные, так и негативные внешние эффекты.

К источникам институциональных предпосылок типа «наблюдаемых и качественно измеряемых явлений» следует относить и феномен «моды» в образовательной политике, перенесенный в сферу образования из более высокого класса политических решений — из федеральных документов стратегического развития. Так, в двух из шестнадцати проанализированных программ развития районных образовательных систем Санкт-Петербурга встречается вектор «кластерного» развития, без определения понятий и описания организационно-экономических механизмов, удерживающих развитие этих самых образовательных кластеров на уровне районных систем. К этой же категории можно отнести применение в текстах стратегических документов, формирующих образовательную политику районной системы, понятия «инновация» без какой-либо содержательной трактовки, но встречающееся «тотально» во всех программах развития районных образовательных систем. Анализ реальных практик реализации образовательных политик указывает на формирование неэффективного института «имитации инноваций». Под «инновации» подгоняется любой модерн в организации жизнедеятельности, новизна в процессе, например учебном, образовательном, воспитательном, новеллы в юридической практике и в самом законотворчестве. Вероятно, это необходимая стадия вхождения в инновационный образ мышления и инновационное

1. Формальные институты

2. Эффект колеи

3. Наблюдаемые и количественно измеряемые явления

4. Наблюдаемые и качественно измеряемые явления

5. Имплицитное знание

6. Неформальные институты

Рис. 2. Типы институциональных предпосылок

поведение субъектов образовательной политики. Образовательная организация, как «культурный слепок» времени, безусловно, является активным участником и проводником этой, пока «квазиинновационной» культуры. Тем не менее данный феномен «моды на инновации» заслуживает того, чтобы войти в список источников для институциональных предпосылок в образовательных политиках.

Мы конструируем несколько типов институциональных предпосылок для формирования образовательных политик, исходя из того, что является их источником, их «родовым гнездом» (рис. 2).

В реальной практике формирования и реализации политик источник для предпосылок может существовать, но предпосылка может быть не институциализирована по аналогии с тем, как некорректно исполняемое или не исполняемое вовсе писаное правило может существовать в наличии, но институтом не являться. Смысловое содержание каждого типа-источника институциональных предпосылок (ИП) представлено в таблице.

Влияние институциональных предпосылок может иметь как положительные, так и отрицательные последствия при формировании и реализации образовательных политик. Реальные практики формирования политик[1]:

- могут обходиться (и обходятся) без анализа действительности о наличии институциональных предпосылок;
- следуют норме формальных правил, т. е. подчинены исключительно писаным законам, которые в большей степени являются формальными «квазиинститутами»;
- не учитывают наличие институциональных разрывов, когда нет связки между смежными правилами или различными типами «источников» предпосылок;
- не учитывают феномен «институциональных пробок», когда количество новых формальных правил превышает допустимые нормы их синхронного внедрения в практику и институциализации.

Сложность выявления как наличия институциональных предпосылок, так и уровня их готовности к организации деятельности по изменениям в образовательной сфере может и будет приводить к формированию неадекватных образовательных политик. При этом практическая значимость образовательных политик состоит в уменьшении «глубины» и частоты институциональных разрывов. Следовательно, необходимы практики их прогнозирования, что связано с умением выявлять институциональные предпосылки и уровень готовности предпосылок для проведения прогрессивных изменений.

[1] Выявлено автором при экспертизе Программ развития районных образовательных систем Санкт-Петербурга.

Смысловое содержание институциональных предпосылок

Источник ИП	Смысл ИП
Формальные институты	Писаные правила поведения, взаимодействия и взаимосвязей на любых уровнях управления (федеральный, региональный, местный) создают базовую основу для формирования образовательных политик и должны являться источником институциональных предпосылок в случае адекватного и систематического соблюдения этих правил
Эффект колеи	Зависимость от предшествующего развития институтов и технологий создает основания для институционального разрыва между неэффективными старыми институтами и современными требованиями развития
Наблюдаемые и количественно измеряемые явления	Формируются на основе анализа организационно экономических предпосылок и обеспечивают «портфель базовой информации» для разработки направлений развития образовательных систем, прогнозных оценок потенциальных рисков, проблем и задач для решения этих проблем
Наблюдаемые и качественно измеряемые явления	Дают возможность выделить мотивационную составляющую восприятия людьми системы образования в целом, повышая, таким образом, информативность выводов для формирования образовательной политики, что, в свою очередь, позволяет анализировать взаимосвязи изучаемого явления, а значит, воздействовать на него; не исключает имитационное воздействие на образовательную политику типа «моды» на инновации и кластерную организацию образовательной системы
Имплицитное знание	Обеспечивает интуитивную предсказательность явлений и процессов, основанных на опыте предшествующих взаимодействий, формируя паттерны
Неформальные институты	Дают информацию о социальных нормах, о социальном капитале, уровне доверия игроков друг к другу и, следовательно, о потенциальном уменьшении или увеличении трансакционных издержек реализации образовательных политик

Литература

1. *Беляков С. А.* Образовательная политика и управление образованием // Университетское управление: практика и анализ (Екатеринбург). 2008. № 6. С. 12–31.
2. *Институты:* от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин. К 6-й Международной научной конференции «Модернизация экономики и выращивание институтов». (Москва, 5–7 апреля 2005 г.). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 83, [1] с.
3. *Кирдина С. Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98.
4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
5. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 256 с. (Экономическая теория).

6. *Нуриев* Р. М. Россия после кризиса — эффект колеи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 2. С. 7–26.
7. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / Под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; Пер. с англ. М.: Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М., 1995.
8. *Пространство* и время в мировой политике и международных отношениях: Мат-лы IV Конвента РАМИ: В 10 т. / Под ред. А. Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. 188 с.
9. *Arthur W. B.* On Learning and Adaptation in the Economy // Queens Institute for Economics Research Discussion Paper. 1992. N 854 (May).
10. *Post J. E., Preston L. E., Sash S.* Redefining the Corporation: Stakeholder Management and Organization Wealth. Stanford University Press: Stanford, 2002.

References

1. *Belyakov S. A.* Educational policy and management of education // University management: practice and analysis. 2008. N 6. P. 12–31.
2. *Institutes:* from loan to cultivation. Experience of the Russian reforms and possibility of cultivation of institutional changes / Ya. I. Kuzminov, V. V. Radayev, A. A. Yakovlev, E. G. Yasin. To the 6th International scientific conference «Modernization of Economy and Cultivation of Institutes». (Moscow, 5–7 april 2005). M.: Publishing House GU HSE, 2005. 83, [1] p.
3. *Kirdina S. G.* Institutional structure of modern Russia: the evolutionary modernization // Economy questions. 2004. N 10. P. 89–98.
4. *Nort D.* Institutes, institutional changes and economy functioning / Translation from English A. N. Nesterenko; scientific editor B. Z. Milner. M.: Fund of the economic book Beginning, 1997. 180 p. (The modern institutional and evolutionary theory).
5. *Nort D.* Understanding of the process of economic changes / Translation from English K. Martynov, N. Edelman; State University — the Higher School of Economy. M.: Publishing house of State University — the Higher school of economy, 2010. 256 p. (Economic theory).
6. *Nuriev R. M.* Russia after the crisis — effect of a track // Journal of Institutional Studies. 2010. Vol. 2, N 2. P. 7–26.
7. *Polanyi M.* Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy/ Under the editorship of V. A. Lektorsky, V. A. Arshinov; translation from English M. B. Gnedovsky, N. M. Smirnova, B. A. Starostin. M., 1995.
8. *Space* and time in world politics and the international relations: materials of 4th Convent of RAMI: In 10 vol. / Under the editorship of. A. Yu. Melvil; Russian association of the international researches. Vol. 1: Actors in space and time of world politics / Under edition of M. M. Lebedev. M.: MGIMO University, 2007. 188 p.
9. *Arthur W. B.* On Learning and Adaptation in the Economy // Queens Institute for Economics Research Discussion Paper. 1992. N 854 (May).
10. *Post J. E., Preston L. E., Sash S.* Redefining the Corporation: Stakeholder Management and Organization Wealth. Stanford University Press: Stanford, 2002.

Н. В. Бахарева
В. А. Плотников

N. V. Bakhareva
V. A. Plotnikov

Феномены доверия и недоверия в международных отношениях

The Phenomena of Confidence and Distrust in International Relations

Бахарева Нина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Старший преподаватель факультета международных отношений
bakhareva@mail.sir.ru

Плотников Владислав Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель декана факультета международных отношений
Кандидат политических наук
plotnikov@szags.ru

Bakhareva Nina Vladimirovna

Saint-Petersburg State University
Senior lecturer of the Faculty of International Relations
bakhareva@mail.sir.ru

Plotnikov Vladislav Alexandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Vice-dean of the Faculty of International Relations
PhD in Political Sciences
plotnikov@szags.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

доверие в международных отношениях, современная дипломатия, политическая психология

KEY WORDS

confidence in international relations, modern diplomacy, political psychology

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные аспекты существования доверия и взаимной подозрительности в современной системе международных отношений. Для изучения этого феномена авторы прибегают к рассмотрению наиболее полярных вариантов его проявления — в условиях конфликтов и полного согласия. В статье также делается попытка увязать феномен доверия как с множественностью интересов в условиях современного развития дипломатических отношений, так и с его психологическими основами.

ABSTRACT

The article discusses the main aspects of the existence of confidence and mutual suspicion in the modern system of international relations. To study this phenomenon the authors resort to a review of the opposite variants of its manifestations — in conflict and full consent. The paper also attempts to link the phenomenon of confidence to the plurality of interests in the modern development of diplomatic relations, as well to its psychological foundations.

Феномен политического доверия имеет довольно глубокие корни, которые отсылают нас к периоду становления первых демократических форм правления. В качестве примера можно привести следующее определение. «Доверие (в политической сфере) — уверенность большей или значительной части общества, человека в добросовестности, искренности политиков, правильности проводимой политики» [5]. Доверие как объект анализа в ходе рассмотрения общественных отношений начали рассматривать английские философы XVII–XVIII вв. Дж. Гоббс и Т. Локк. В этом случае внимание уделялось взаимоотношению населения и сюзерена, представители общества воспринимались как доверители,

предоставляющие возможность действовать государю самостоятельно ради сохранения мира и безопасности. Необходимо отметить, что политическое доверие рассматривается в качестве неотъемлемой части политической легитимности, а одним из критериев, используемых М. Вебером при классификации видов власти, выступает уровень доверия населения к органам власти.

В межгосударственных отношениях доверие начинает рассматриваться с 1970-х гг. в период разрядки в течение холодной войны. Осмысление исследователями международных отношений причин и обоснование политики «сдерживания» зарубежных исследователей, анализ взаимного недоверия между противоборствующими странами носили в основном ретроспективный характер. Однако это положило начало развитию методологического инструментария для изучения феномена доверия/недоверия в международных отношениях. Новая волна привлечения внимания ученых к проблеме началась в 1990-е гг. в период наиболее серьезной трансформации системы международных отношений последнего времени.

В современном мире доверие приобретает все большее значение во всех сферах международного взаимодействия. Так, государственные деятели Китая и Соединенных Штатов Америки оценивают современные отношения обоих государств в оптимистической, позитивной тональности. В публичных выступлениях они уверяют о расширении сфер взаимного сотрудничества, общих интересах и готовности развивать партнерские отношения. Но в Юго-Восточной Азии соперничество приобрело уже комплексный характер и видны черты противоборства двух стран за региональное лидерство. Американо-китайское соперничество можно наблюдать и в других регионах мира. Конкуренция в реализации экономических интересов, расхождение в подходах к урегулированию кризисных ситуаций, связанных с государствами-изгоями, по мнению США потерявших доверие, и многие другие противоречия усиливают стратегическое недоверие этих двух стран. Поскольку между странами нет стратегической основы реального (а не только декларативного) практического взаимодействия, отношения могут развиваться до возможных серьезных противоречий. Целый ряд аналитиков в США считают даже возможными в будущем американо-китайские конфликты. Среди этих аналитиков, как известно, и Збигнев Бжезинский, и Дж. Най, и Г. Киссинджер, и Ф. Закария, и Р. Росс, и многие другие.

Известно, что подход к развитию советско-американских отношений формировался в атмосфере страха и недоверия к коммунистам. Это отмечают многие американские исследователи. Даже миролюбивые шаги СССР в то время воспринимались как враждебные. Об этом пишет в воспоминаниях Джордж Кеннан [2]. Второй психологический фактор, затрудняющий развитие доверительных отношений: американцы традиционно привыкли воспринимать свою страну сильной, контролирующей и манипулирующей другими странами путем наказаний и угроз. Это играло огромную роль в принятии внешнеполитических решений.

Психологи рассматривают доверие как подсознательное, интуитивное и всегда субъективное отношение. Как и все отношения, доверие имеет сложную структуру, но если несколько упростить, то можно убедиться, что главной в нем чаще всего является эмоциональная составляющая, затем действенная и лишь в последнюю очередь появляется рациональная часть, т. е. осмысление своего доверия к чему-то или к кому-то. Недоверие — еще более интуитивно и эмоционально, и, как все отрицательные отношения, приносит больше отрицательных, разрушительных результатов в сравнении с количеством положительных и конструктивных.

Длинную историю стойкого непреодолимого недоверия имеют региональные конфликты. В первую очередь — это недоверие лидеров и других действующих лиц с обеих сторон конфликта. Это недоверие, обычно декларативное, зача-

стую подпитывается личными мотивами, а не интересами народа, и подстрекается к тому же заинтересованной частью наблюдателей извне. Конечно, и обычные, простые люди не вполне доверяют друг другу. Даже если последние обострения отношений их национальных, этнических, религиозных или племенных сообществ случались давно, их «историческая память» может быть перегружена предубеждениями, стереотипами, легендами и мифами далеко не дружественных оттенков.

Но что удивительно, когда надо, то в деловом общении люди конфликтующих сторон находят общий язык для вполне доверительного и спокойного взаимодействия. В арабо-израильском конфликте, например, деловые контакты Израиля с палестинцами существовали и существуют более полувека. Во времена, когда в палестинской автономии была жуткая безработица, в Израиль на работу шли сотни и тысячи арабов-палестинцев. Иногда проходили через контрольные пункты и шахиды, тогда доверие к палестинцам после терактов резко падало. Но все понимали, что террористов готовят руководители радикальных движений. Они формируют отношения ненависти к израильцам — «пришельцам», внушают неприемлемость «чужих» по религии, недоверие и подозрительность их в стремлении к доминированию и прочих грехах. Палестинцам постоянно разные радикалы внушают, что «нужна победа», что «за ценой они не постоят» и т. п. И родные, почти не колеблясь, провожают своих еще не повзрослевших детей (но уже ставших по чьей-то воле шахидами) на смерть, «на борьбу с неверными». И радуются, когда «Аллах возьмет» их детей. В Афганистане нам приходилось видеть жуткую по здравому смыслу церемонию провожания души погибшего сына: захоронив тело сына, погибшего утром, родственники соорудили огромный шатер, включили громкую музыку, и после трапезы стали… танцевать. Танцевали и старые, и молодые, но особенно жутко было смотреть на танцующую мать. У нее еще недавно душманы (себя они называли моджахедами) забрали в банду младшего сына. В этой жестокой гражданской войне братья были на разных сторонах в боях. Обычная ситуация в такой войне, которую сейчас не могут остановить в Афганистане и американцы. Индо-пакистанский, нагорно-карабахский, курдский, североирландский и многие другие конфликты в истоках своей истории имеют драматически развивающиеся, разные по основам и содержанию, но одинаково катастрофические отношения недоверия. Эти отношения формируются и даже подчас оплачиваются корыстными подстрекателями, по замкнутому кругу формируют новые предубеждения, ложные стереотипы, которые сохранятся и в следующем поколении. Они используются политиками разных категорий (религиозных, этнических, партийных и прочих) и углубляют не только региональные противоречия [8]. Недоверие поддерживает тлеющие угли противоречий и взаимных претензий в межличностных отношениях, сомнения в возможности делового и просто соседского бытового взаимодействия и нередко провоцирует межгрупповые, межэтнические, межрелигиозные стычки.

Если недоверие в верхних управленческих слоях общества провоцирует отношения шантажа, манипулирования, интриг и тайных планов, то в народных низах недоверие нередко стимулирует опасную подозрительность к этническим соседям, бытовую агрессию, цинизм и прочие извращения в мирном общении и успешном взаимодействии. Недоверие разрушает отношения на всех уровнях глобального общества.

Исследователи отмечают резкое падение доверия во всех сферах общественной жизни: доверия к правительству, государству, партиям, школе, здравоохранению, церкви и т. д. В Соединенных Штатах опрос известного социолога Харриса несколько лет назад выявил, что только 22% опрошенных доверяют СМИ, 8% — партиям, 27% — правительству и всего 12% — большим компаниям. Британский социолог Д. Халперс выяснил, что еще хуже с доверием между людьми: доверяют другим людям лишь 34% жи-

телей Латинской Америки, в Великобритании доверие упало за несколько десятилетий с 60 до 29%. Правда, в Мексике, Дании, Швеции и Норвегии, по данным исследователя, доверие к другим не упало, но даже повысилось. По последним данным, повысилось доверие и в нашей стране к главе государства после его решительных шагов в борьбе с коррупцией. Несмотря на нежелание большинства населения страны услышать результаты расследований, у всех есть надежда, что последующие шаги укрепят доверие президенту и ко многим его соратникам, и тогда даже имидж страны значительно улучшится в глазах россиян и в восприятии мирового сообщества.

Доверие народа — надежная основа и влиянию лидера, не меньше, чем другие важные факторы. И наиболее результативным феноменом при этом является харизма лидера. Она, как сказочная фея, формирует доверие даже безо всяких рассуждений и аргументов. Очень разные по оценкам истории были харизматические лидеры: Наполеон и Махатма Ганди, Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин, Мать Тереза и Б. Ельцин, Киссинджер и Чжоу Эньлай. Перечислить можно очень многих харизматических лидеров с высоким доверием народа, которое поколебать невозможно было даже ужасными фактами действий некоторых из них. Но в целом если провидение преподносит лидеру харизматический авторитет, то и требует от него особую ответственность перед ожиданиями. И это большая ноша.

Нельзя не напомнить, что история международных отношений даже за последние десятилетия предоставляет примеры действия лидеров, которые сумели изменить годами существовавшее недоверие к их стране и правительствам, на доверие. Примером такой метаморфозы в памяти мировой общественности — свидетелей событий того времени останутся перестройка М. Горбачева, развитие им контактов и взаимодействия с Западом, падение при его помощи Берлинской стены, вывод войск из Германии, содержание которых стоило нам очень дорого, а стратегической пользы не предвещало. Или неожиданный для всех — хотя хорошо подготовленный — визит президента Египта Анвара Садата в Израиль, вопреки возражениям и негодованию арабского мира. Позже, на трудных переговорах в пригороде Вашингтона Кэмп-Дэвиде с участием Дж. Картера были подписаны соглашения, за которые лидеры А. Садат и М. Бегин получили Нобелевскую премию мира. И шанс на развитие доверия.

Примерно в те же годы мы проводили в студенческом летнем лагере в Сочи (совсем, конечно, не сопоставимые по масштабу) эксперименты по примирению групп иностранных студентов из конфликтующих стран и регионов. Неприемлемость свою они выражали протестами против «вражеских» флагов, против соседства с «врагами» в столовой, поселения рядом и т. д. Изменить взаимное недоверие можно было только психологическими методами. В результате появившиеся ростки робкой толерантности позволили противникам участвовать сначала в разных играх, соревнованиях, совместных экскурсиях, а потом и более сложных формах взаимодействия, и растущее доверие позволило успешно поднять взаимную приемлемость в совместном довольно трудном походе в горы. Мы написали большой отчет о работе и результатах, хотя политическое доверие или недоверие, конечно, не затрагивали.

Доверие в групповом взаимодействии, как показали многочисленные исследования, способствует эффективности труда и творческой атмосферы, стимулирует развитие личности. И доктрина «человеческих отношений», широко распространившая психологическую теорию в практике многих западных корпораций, подтвердила тогда, во второй половине XX в., что доверие управленцев и рабочих может сделать больше для обеих сторон, чем забастовки. Межличностное доверие даже в очень ответственных видах взаимодействия всегда конструктивно. Это показывает опыт взаимодействия космонав-

тов в длительных полетах и дипломатов в трудных переговорах.

Что касается доверия во взаимодействии дипломатов, его конструктивной роли, то в своих воспоминаниях почти каждый из них подчеркивает, что только доверительные отношения, например в команде переговорщиков, способствуют взаимопониманию с полуслова и полувзгляда, что в конечном счете сопутствует успеху [см.: 1; 3; 7]. Известный дипломат Ю. Квицинский вспоминает о доверительных отношениях, которые они установили и с дипломатами Соединенных Штатов в Германии, и многие вопросы доверительно согласовывали еще до официальных переговоров. Это очень интересные и полезные данные. Правда, есть в философии универсальное понятие меры. И стоит вспомнить, что известные дипломаты с большим опытом (например, В. И. Попов, да и другие [см.: 4; 7]) напоминают, что иногда близкие дружеские отношения в деловых переговорах могут затруднить принципиальные, т. е. партнерские подходы, и так же помешать своим интересам, как предубеждение и недоверие при неприязни.

Одним из важнейших показателей доверия в межгосударственных отношениях является исполнение государствами своих международных обязательств и выполнение условий соглашений. Среди исследователей этого феномена в последние годы укрепилось представление о том, что если бы две стороны могли доверять друг другу, конфликтов удалось бы избежать. Говоря о таком условии возникновения доверия в межгосударственных отношениях, как психологическая готовность сторон к доверию, стоит отметить, что государства часто упускают возможность сотрудничества, даже имея схожие предпочтения, поскольку политические лидеры и принимающие решения лица могут делать некорректные выводы и заявления о мотивах и намерениях своих оппонентов.

Дипломаты могут привести множество примеров, когда современные международные отношения требуют не столько доверия, сколько трудных и глубоких размышлений для правильного понимания всей полноты мотивации, интересов и предполагаемых действий оппонентов, а зачастую и своих партнеров.

Итак, доверие — хрупкая вещь, и пользоваться этим достижением или подарком судьбы приходится осторожно и профессионально. Несмотря на то что исследование феномена имеет длительную историю, методологической проблемой остается выработка единых критериев для измерения и оценки интенсивности и динамики доверия в современной системе международных отношений.

Литература

1. *Василенко И. А.* Политические переговоры. М.: Гардарики, 2006.
2. *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002.
3. *Кови Стивен*. Скорость доверия: То, что меняет все. М.: Альпина Паблишер, 2012.
4. *Медведева С. М.* Проблемы политических стереотипов в зарубежной политической психологии. М.: МГИМО, 2005.
5. *Ольшанский Д. В., Пеньков В. Ф.* Политический консалтинг. СПб.: Питер, 2005.
6. *Практическая* психология для дипломатов. М.: МГИМО, 2011.
7. *Попов В. И.* Современная дипломатия: теория и практика. М.: Международные отношения, 2010.
8. *Почебут Л. Г.* Кросс-культурная и этническая психология. Теория и практика. СПб.: Питер, 2012.

References

1. *Vasilenko I. A.* Political negotiations. M.: Gardariki, 2006.
2. *Kennan G.* Diplomacy of World War II by eyes of the American ambassador in the USSR George Kennan. M.: Tsentrpoligraf, 2002.

3. *Stephen R.* Covey. The Speed of Trust: That changes everything. M.: Alpina Pablisher, 2012.
4. *Medvedeva S. M.* Problems of political stereotypes in foreign political psychology. M.: MGIMO, 2005.
5. *Olshansky D. V., Penkov V. F.* Political consulting. SPb.: Piter, 2005.
6. *Practical* psychology for diplomats. M.: MGIMO, 2011.
7. *Popov V. I.* Modern diplomacy: theory and practice. M.: International relations, 2010.
8. *Pochebut L. G.* Cross-cultural and ethnic psychology. Theory and practice. SPb.: Piter, 2012.

А. И. Лушин **A. I. Lushin**

Советское государство и права человека в СССР: ретроспективный анализ эмиграционной политики 1960–1980-х гг.

Soviet State and the Human Rights in the USSR: Retrospective Analysis the Emigration Policy in 1960–1980th

Лушин Александр Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и мировой политики
Доктор исторических наук
lushinai@mail.ru

Lushin Alexandr Ivanovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of History and Global Politics
Doctor of Science (History)
lushinai@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Конституция, права человека, гражданство, эмиграция, «отказники»

KEY WORDS
constitution, human rights, nationality, emigration, refusenik

РЕФЕРАТ
В статье проведен ретроспективный анализ политики в миграционной сфере с первых лет советской власти, при этом основное внимание уделено раскрытию сущностного содержания эмиграционной политики советского государства, осуществлявшейся в 1960–1980-х гг., этапы генезиса и ее результаты.

ABSTRACT
In the article the retrospective analysis of policy in the migratory sphere from first years of the Soviet power is carried out. The main attention is paid to disclosure of the intrinsic maintenance of emigratory policy of the Soviet State which was carried out in 1960 — the 1980th years, stages of genesis and its results.

В декабре текущего года исполняется двадцать лет со дня принятия всенародным голосованием Конституции Российской Федерации. Два десятилетия — небольшой срок для истории, однако сегодняшнее поколение слабо осведомлено о том, что принятию этого важнейшего документа в период 1960–1980-х гг. предшествовала борьба оппозиционных групп и движений за реализацию права на свободную эмиграцию. Как известно, вторая глава Конституции обозначена как «Права и свободы человека и гражданина», без которых само существование основного закона страны сегодня просто не представляется. Впервые в истории страны основной закон зафиксировал признание и гарантировал права и свободы человека и гражданина, согласно общепринятым принципам и нормам международного права (ст. 17).

Следует отметить, что в мировом демократическом сообществе в области защиты прав и свобод личности важное значение имеют государственные органы и организации, механизмы и процедуры их реализации. При этом одним из важнейших факторов является

социально-экономический уровень развития страны, развитость и стабильность ее политических институтов и структур, существующий политический режим. От них зависит место, уделяемое в государстве защите прав и свобод личности, следовательно, и характер специальных юридических механизмов и процедур.

Однако, как свидетельствует мировой исторический опыт, права и свободы личности могут грубо попираться и нарушаться при любых формах собственности. В СССР, например, на протяжении семи десятилетий особое внимание уделялось социальным правам, при этом практически игнорировались личные или гражданские права, в том числе в политической сфере. При этом нередко грубо попирались право на выбор места жительства, возможности не только покидать свою страну, но и возвращаться в нее. Советская власть, следуя представлению о своих абсолютных прерогативах, считала проблему соблюдения прав человека исключительно политической, а граждан, выступавших в их защиту, рассматривала как серьезных политических оппонентов. Далее в силу вступала немудреная логика: противник — следовательно, враг, а затем и агент западных разведок. Сегодня трудно сказать, насколько верили сами творцы этих идеологических новаций, многие журналисты и пропагандисты всех уровней, тиражируя эти идеи, однако значительная часть советских людей верила в их правоту и незыблемость.

Наиболее болезненным и уязвимым для властей в течение нескольких десятилетий был вопрос о выезде советских граждан из страны на постоянное место жительства за рубеж, т. е. реализация права человека на свободную эмиграцию, зафиксированного Всеобщей декларацией прав человека 10 декабря 1948 г. Принципиально важно, что одной из важных составляющих ныне действующей Конституции РФ является ст. 27, зафиксировавшая возможность для каждого гражданина свободно передвигаться, выбирать место проживания и жительства. «Каждый, — отмечается в п. 2, — может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию»[1].

Сегодня это стало нормой жизни для многих и не вызывает удивления. Однако если осуществить непредвзятый, ретроспективный взгляд в отечественную историю, то ситуация несколько десятилетий назад была, что называется, с точностью до наоборот. Несмотря на наличие многих прав человека, декларируемых Конституциями 1936 и 1977 гг., проблема выбора места жительства и свобода выезда из страны на протяжении многих лет в СССР была одной из самых сложных, а в период 1960–1980-х гг., не без участия западных СМИ, политиков, приобрела к тому же и международный характер.

Известно, что уже буквально в первые недели после установления советской власти в осуществлении прав человека возобладал так называемый классовый подход, который поставил практически вне закона все «нетрудовые элементы». Сотни тысяч людей оказались «лишенцами», т. е. гражданами, лишавшимися возможности быть активными участниками политического процесса. Для многих из них, а это был, прежде всего, цвет российской интеллигенции, были созданы такие «условия» для научной, творческой деятельности, что лучшим путем самосохранения оставалась эмиграция. Это был, пожалуй, единственный способ физически сохранить себя и свои семьи. Именно поэтому первая волна эмиграции будет одной из самых крупных, в ее результате более 2,2 млн граждан России, и прежде всего цвет интеллигенции, окажется на чужбине.

Особое место в борьбе с идеологическими и политическими оппонентами в этот период заняла насильственная вы-

[1] Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Глава 1. Основы конституционного строя. Ст. 27 // Конституция РФ. М., 2012. С. 10.

сылка из страны и лишение гражданства. Эти меры применялись советским правительством в отношении граждан, находившихся за границей и «нежелательных для въезда на территорию СССР». Практически сразу после прихода к власти в ноябре 1917 г. советское правительство по инициативе наркома иностранных дел Л. Троцкого уволило со своих постов «без права выхода на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности» 26 российских дипломатов, находившихся за границей и отказавшихся признать новое правительство.

В январе 1918 г. за отказ подчиниться указаниям СНК был объявлен «вне закона» исполнявший обязанности командующего Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачев. Фактически все они, еще формально не лишенные гражданства, потеряли его, а в случае возвращения на родину подлежали суду военного трибунала. Затем, в 1921 г., лишаются гражданства бывшие российские подданные, проживавшие за границей непрерывно последние пять лет. В 1922 г. из страны были высланы за границу известные политические деятели Ф. И. Дан, Н. А. Бердяев, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, А. В. Пешехонов, И. Н. Ладыженский, Н. О. Лосский, П. Сорокин и др. Среди высланных было немало и тех, кто начинал свою политическую деятельность с «вождем мирового пролетариата» и знавших его лично. Первая волна эмиграции продолжалась, как известно, до 1923 г. В соответствии с законом 1924 г., советские граждане могли быть лишены гражданства и по приговору суда. Однако самовольное возвращение высланного за границу каралось расстрелом, согласно специальному Постановлению ЦИК РСФСР, утвержденному Председателем ВЦИК М. И. Калининым и Министром юстиции Д. И. Курским [14, с. 117].

С конца 1920-х гг. все военнослужащие, имевшие звание выше рядового, не могли покинуть страну на определенный срок или навсегда, теперь они могли выезжать за рубеж только в служебные командировки. Все это было результатом не только шпиономании, но и проведения теории «осажденной крепости» в жизнь, проповедовавшейся политическим руководством страны. С принятием нового Уголовного кодекса РФ в 1934 г. появилась статья «Об измене Родине», дела о которой рассматривались в особом порядке Военной коллегией Верховного суда СССР и военных трибуналов округов. Кроме всего прочего, «изменой Родине» теперь стало считаться и бегство за границу — ее переход, перелет и т. д. Небезынтересно, что и семьи такого рода беглецов теперь тоже становились преступниками. За попытку побега через границу или ее перелет предусматривался расстрел или десятилетнее заключение с конфискацией имущества. Взрослые члены семьи перебежчика приговаривались на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества, а несовершеннолетние члены семьи отправлялись в ссылку.

История, как известно, повторяется, причем нередко как фарс или трагедия, и инициатор лишения гражданства двадцати с лишним дипломатов Троцкий через одиннадцать лет сам будет выслан из страны постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 г. Очевидно, в силу политических причин только через три года Троцкий и его семья в составе 37 человек будут лишены советского гражданства [7, с. 50–51].

Как вид наказания, высылка за границу официально была прекращена в ноябре 1935 г., когда Особое совещание НКВД, созданное в июле 1934 г. и имевшее право применять административную высылку за границу, уточнило, что такая мера наказания применима лишь в отношении иностранных подданных, являвшихся «особо опасными для советского государственного строя».

Вместе с тем следует отметить, что формально никогда советская власть не закрывала двери своей страны перед новыми гражданами и теми, кто захотел вернуться в СССР. Обычно Президиум ВЦИК, а затем и Верховного Совета рассматривал такие просьбы положительно,

а вот судьба вернувшихся или интернированных заканчивалась, как правило, тюрьмой, лагерем, а иногда и расстрелом. Достаточно вспомнить историю с известным политическим деятелем дореволюционной России В. Шульгиным, которого экстрадировали из эмиграции и этапировали на более чем десятилетний срок в тюрьму г. Владимира [23; 24, с. 137–140; 25, с. 306–348]. Восьмилетний срок отбыла в мордовских лагерях жена Н. Махно — Г. А. Кузьменко, интернированная из Парижа и осужденная советским судом как «пособник врага советской власти». Примеры такого рода исчислялись тысячами.

С точки зрения советских властей, человек, побывавший за границей, становился врагом — он видел другой мир, иную жизнь и мог делать политически «неправильные» выводы. Борьба с информацией, приходящей из-за рубежа, стала неотъемлемой частью эмиграционной и иммиграционной политики советского государства. Путем террора и идеологической обработки власти заставили многих своих граждан забыть о самой возможности выезда из страны, приравняв это желание к тяжкому уголовному преступлению. Лишенные права эмигрировать, советские люди не могли и мечтать об изменении своего гражданства несколько десятилетий.

Однако с наступлением незначительного «потепления» международной обстановки проблема выезда советских граждан снова, что называется, всплыла на поверхность. Особую остроту она приобрела во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. и была связана с желанием советских граждан покинуть пределы по самым разным мотивам: от желания воссоединиться со своими семьями до чисто личных, религиозных и т. д. Со своей стороны политическое руководство страны, и в первую очередь Политбюро ЦК КПСС, советское правительство, делали все возможное для ограничения эмиграции. Эти вопросы неоднократно были предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК КПСС и Секретариата ЦК. Так, например, 3 августа 1972 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, затрат на обучение». Затем на его основании Министерствами высшего и среднего специального образования, финансов и внутренних дел была разработана «Инструкция о размерах и порядке возмещения гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, государственных затрат на обучение». Этот документ предусматривал возмещение затрат за получение высшего образования в зависимости от статуса вуза, курса обучения, учебы в аспирантуре и т. д. Самим «дорогим» был определен Московский государственный университет, за полное обучение в котором стоило возместить государству 12 500 руб. За получение образования в экономических, юридических, педагогических вузах необходимо было оплатить 4500 руб., университетах — 6000 руб., медицинских, фармацевтических, стоматологических — 8300, институтах искусств (консерваториях, театральных, художественных и литературных) — 9600 руб. Лица, обучавшиеся в аспирантуре, должны были вернуть «родному государству» по 1700 руб. за каждый год обучения. Определенные суммы обязаны были внести кандидаты (5400 руб.) и доктора наук (7500 руб.). В тот период времени, кстати, это были немалые деньги. Правда, был проявлен «гуманизм» в отношении инвалидов I и II групп, которые освобождались от возмещения затрат. Речь в данном случае шла только о гражданах СССР, выезжающих на Запад, и отнюдь не касалась граждан, эмигрирующих в страны так называемого социалистического лагеря [17, с. 71–73].

Однако по решению Политбюро ЦК КПСС, причем как сообщалось различными источниками, с подачи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, начиная с 20 марта 1973 г. возмещение затрат за получение высшего образования было прекращено и никогда в последующем не возобновлялось. Всего

с августа 1972 г. по март 1973 г. полностью или частично были возмещены затраты за обучение в вузах 900 эмигрантов только по израильским визам на сумму около 4,5 млн руб.

Ограничения выезда за границу на постоянное место жительства имели под собой как идеологические, так и политические причины, ибо эмигранты разрушали «фасад самого передового общественного строя», самим уездом показывая его недостатки и ущербность. Результатом этой ограничительной политики, отсутствия четкой правовой базы для выезда были многократные попытки советских людей любым способом покинуть страну, включая самые невероятные и нередко противоправные: переход границы, попытки угона или захвата самолетов. Достаточно вспомнить убийство 15 октября 1970 г. бортпроводницы Н. Курченко самолета Ан-24, выполнявшего рейс № 244 Батуми — Сухуми — Краснодар, погибшей от рук отца и сына Бразинскасов, совершивших угон самолета в турецкий город Трабзон.

18 сентября 1973 г. Президиум Верховного Совета Союза ССР ратифицировал международный «Пакт о гражданских и политических правах», который ясно и недвусмысленно гарантировал гражданам страны право на выезд из страны и возможность возвращаться в нее. Тем не менее право на выезд окончательно обрело идеологический смысл и рассматривалось властями как антипатриотизм и предательство к своей стране, оставаясь еще длительное время чисто декларативным. Массовые отказы в праве на выезд стали причиной не только недовольства желающих эмигрировать, но и появления «горючего материала» — тысяч «отказников», регулярно обращавшихся не только в советские инстанции, но и зарубежные, периодически устраивавших акции протеста у западных посольств, здания ЦК КПСС, обкомов партии и т. д. Они справедливо считали, что государство грубо нарушает их законное право на свободу эмиграции, закрепленное Всеобщей декларацией прав человека. Ст. 13 этого документа, как известно, гласит: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную и возвращаться в свою страну». Аналогичной точки зрения придерживались и руководители ряда стран Запада, в первую очередь США, многие известные общественные и политические деятели за рубежом. Результатом этой антисоветской кампании было принятие Конгрессом США пресловутой поправки сенаторов Джексона и Вэника о запрете режима наибольшего благоприятствования в торговле с СССР, которая просуществовала почти четыре десятилетия.

«Отказники» шли иногда на радикальные, подчас противоправные меры. На памяти многих ленинградцев попытка угона самолета с аэродрома «Смольный» так называемыми «самолетчиками», осужденными затем судом на длительные сроки заключения, десятками аналогичных попыток в 1970–1980-х гг. в ряде других мест страны. Из ряда вон случай такого рода имел место 8 марта 1988 г., когда жительница г. Иркутска Н. С. Овечкина с девятью детьми (среди них трое малолетних), известных за пределами города и области своим семейным ансамблем «Семь Симеонов», совершили попытку захвата пассажирского самолета Ту-154, выполнявшего рейс Иркутск—Курган—Ленинград. История эта трагически закончилась на военном аэродроме «Вещево» под Ленинградом гибелью девяти человек: самой Овечкиной и ее четверых сыновей, бортпроводницы Т. Жаркой и трех пассажиров самолета, ранением еще почти двух десятков ни в чем не повинных людей [3, с. 151–156; 5; 6].

Тем не менее в «особых» случаях (а эта пресловутая практика в 1970-е гг. начала возрождаться после почти пятидесятилетнего перерыва) в отношении ряда лиц стали применяться лишение гражданства и насильственное выдворение из страны. Так, например, получивший широкое признание за рубежом А. И. Солженицын был лишен советского гражданства и в феврале 1974 г. и, по сути, насильственно интернирован из страны. Таких аналогов зарубежная пра-

вопримительная практика не знала. Советского гражданства были лишены широко известные за рубежом советский музыкант М. Растропович и его супруга певица Г. Вишневская. Следует при этом подчеркнуть, что это лишение не было скоропалительным решением Политбюро ЦК КПСС, а ему предшествовала длительная «подготовка». Сначала, в 1977 г. Растроповичу запретили приехать в СССР на гастроли с Вашингтонским национальным симфоническим оркестром, дирижером которого он тогда являлся. По сути «нежелательным» явилось участие представителей культуры ряда соцстран — НРБ, ВНР, ГДР, Кубы, МНР, ПНР и ЧССР — в конкурсе молодых виолончелистов им. Растроповича с 27 июня по 3 июля в Париже, который был объявлен как одно из мероприятий в связи с 50-летием музыканта [2, с. 8]. Кстати, эти документы рассматривались в ЦК КПСС при решении вопроса о лишении гражданства супругов и недвусмысленно свидетельствовали о том, что речь шла не только о нарушении прав человека, но и просто об их откровенной травле.

В вынужденном изгнании оказался и известный скульптор Э. Неизвестный, режиссер одного из самых известных театров страны Ю. Любимов и знаменитый кинорежиссер А. Тарковский. Устав от тотального контроля и невозможности самореализации, некоторые бежали сами или отказывались возвращаться из зарубежных поездок и становились «предателями», «изменниками», всякое упоминание о которых в советской прессе запрещалось. Поэтому из библиотек изымались книги В. Некрасова и А. Галича, В. Аксенова и В. Максимова и многих других писателей, а из энциклопедий и справочников — их имена. Ученые и шахматисты, артисты балета и мастера литературы, покинувшие страну, оказывались вдруг ярыми врагами советского государства. Не оставили в стороне даже известных физиков-ядерщиков, которых даже в сталинские времена предпочитали не трогать. «Министерство среднего машиностроения, — сообщалось в информационной записке в ЦК КПСС, — внесло предложение о лишении старшего научного сотрудника Объединенного института ядерных исследований Поликанова С. М. орденов и медалей СССР, звания лауреата Ленинской премии, ученой степени доктора физико-математических наук и об исключении его из членов-корреспондентов Академии наук СССР». Это «предложение» мотивировалось тем, что С. М. Поликанов «установил связи с иностранными корреспондентами и снабжает их клеветническими материалами, используемыми западной прессой в антисоветских целях, примкнув к группе лиц, известных своей антиобщественной деятельностью, и участвует в проводимых ими враждебных выступлениях». Специальным Постановлением ЦК КПСС от 25 августа 1978 г. Поликанову с семьей был разрешен выезд на постоянное место жительства в капиталистическую страну [Там же].

Пожалуй, кто был единственным, кого не удалось изгнать за пределы страны по многим соображениям, это — А. Сахаров, которого предпочли сослать в 1980 г. в административную ссылку в г. Горький безо всяких на то юридических оснований.

Идеологическая целесообразность никак не хотела совмещаться с законностью, создавая невероятные юридические коллизии, очевидные даже для политически неграмотных. Так, высылки, изгнания за границу, «обмены», лишения гражданства, о которых узнавала широкая общественность, рассматривались как расправа за убеждения, не имеющая правовой базы. При этом ЦК КПСС, Политбюро часто даже и не пытались создать даже видимость соблюдения законности. Так, например, известных диссидентов И. Габая и А. Марченко в 1968 г. собрались выслать, но, что называется, передумали и уже подготовленный Указ о лишении их гражданства был отменен [11, с. 208–209]. В целом ряде случаев высшее руководство страны действовало весьма непоследовательно. Речь в данном случае идет о В. Тарсисе, одном из первых советских людей в послесталинский период лишенного

гражданства по идеологическим мотивам. Разрешив ему выезд в Англию, Политбюро ЦК КПСС долго не решалось, что предпринимать дальше, и только после записки руководства КГБ СССР было принято решение о его высылке из страны [2, с. 8]. В аналогичной ситуации оказался и философ А. Зиновьев, которого Политбюро ЦК долго изучало, прежде чем выслать из страны.

В некоторых случаях власти шли на определенный компромисс в идеологическом и политическом противостоянии со своей либерально настроенной интеллигенцией и Западом, и тогда во второй половине 1970-х гг. возрождается практика обмена наиболее одиозных фигур для властей на советских граждан, осужденных на Западе, как правило, за разведывательную деятельность. Одним из первых таких случаев в послевоенной советской истории был обмен 10 февраля 1962 г. на мосту Глинике-Брюкке (граница ГДР и Западного Берлина) американского летчика Ф. Г. Пауэрса, выполнявшего шпионский полет над территорией СССР (самолет которого был сбит в районе г. Свердловска 1 мая 1960 г.), на советского разведчика Р. Абеля, осужденного американским судом на 32-летний срок лишения свободы. В декабре 1976 г. осуществлен обмен известного диссидента В. Буковского на Генерального секретаря компартии Чили Л. Корвалана. 27 апреля 1979 г. в Нью-Йоркском аэропорту Кеннеди был совершен обмен пятерых заключенных из СССР на советских граждан В. Энгера и Р. Черняева, осужденных в США на пятидесятилетний срок за шпионаж в пользу СССР. В этой «пятерке» находился А. Гинзбург, известный на Западе как «распорядитель Фонда Солженицына», Г. Винс, секретарь Совета ЕХБ, В. Мороз, украинский ученый-историк, автор широко известного за рубежом эссе «Репортаж из заповедника имени Берия», «самолетчики» М. Дымшиц и Э. Кузнецов, отбывавшие срок заключения за попытку угона самолета из аэропорта «Смольный» под Ленинградом [1; 3, с. 79–83; 4; 8, с. 104; 9; 10; 12; 13; 16, с. 51–52]. (Известный бард А. Северный написал даже песню: «Решили два еврея похитить самолет…», которая хорошо была знакома почитателям его таланта.)

«Разрешительно-ограничительный подход», имевший место в рассматриваемый период и распространявшийся, главным образом, на лиц, считавшихся властями противниками режима и пребывание которых в стране становилось идеологически и политически нецелесообразным, был вынужденной мерой, тем не менее способствовал эмиграции части желающих покинуть страну. Среди них были «отказники», диссиденты, религиозные сектанты, желающие воссоединиться со своими семьями, а иногда и лица, просто не желавшие проживать в стране по другим мотивам. Расширению эмиграции способствовало к тому же подписание политическим руководством страны Хельсинского заключительного акта 1 августа 1975 г.

После подписания этого важнейшего международного документа за весь послевоенный период советское руководство идет на некоторые уступки Западу, в том числе и в гуманитарной сфере. Количество эмигрантов начинает постепенно увеличиваться. Даже неофициальные источники информации сообщали, например, что только в мае 1980 г. из СССР эмигрировали москвичи С. Алексеев, сын известной правозащитницы Л. Алексеевой, проживавшей в это время в США, член СП СМОТ Е. Николаев с супругой, ленинградская поэтесса Ю. Окулова-Вознесенская [18, с. 79; 19–22] и Д. Квачевская с мужем П. Бабичем, жена П. Егидеса, члена редколлегии самиздатовского журнала «Поиски» Т. Самсонова. 20 июня из Ленинграда в Австрию эмигрировали издатели феминистского самиздатовского журнала «Женщина и Россия» Т. Горичева, Т. Мамонова и Н. Малаховская. В начале июля на Запад выехал бывший политзаключенный В. Репников, 8 июля из Ленинграда эмигрировал член МХГ Ю. Ярым-Агаев, 22 июля для «чтения лекций» на два года за пределы СССР выехал известный писатель, сын писательницы Е. Гинзбург,

автора книги воспоминаний о сталинских лагерях «Крутой маршрут», один из издателей самиздатовского альманаха «Метрополь» В. Аксенов [15, с. 41].

Количество эмигрантов, как этому не сопротивлялись Политбюро ЦК КПСС и советское правительство, продолжало увеличиваться, что свидетельствовало о серьезном неблагополучии системы. Из страны евреи эмигрировали в Израиль, США, ФРГ, немцы — в ФРГ, ГДР, греки — в Грецию, армяне — в США, Францию, христиане различного толка (протестанты, толстовцы, молокане и др.) — в США, Канаду. Значительно меньше среди эмигрантов было советских граждан, заключивших браки с иностранцами, тем не менее они также получали разрешение на выезд на родину супруга. (В основном это были студенты из «развивающихся государств».)

Уже в период «перестройки» 28 августа 1986 г. Совет министров принял Постановление № 1064 «О внесении дополнений в «Положение о въезде и выезде из СССР», которое изменило условия выезда граждан СССР за границу. Так, фактически с января 1987 г. (время вступления этих документов в силу) началась так называемая четвертая волна эмиграции из СССР. Следует заметить, что и в тот период времени четкая правовая база не была создана. Так, например, православным украинцам воссоединиться с родственниками в США или Канаде до 1987 г. было невозможно, а украинцам-пятидесятникам разрешалось. Однако в официальных правовых документах, регламентирующих выезд советских граждан из СССР, об этом не упоминалось даже после Хельсинского заключительного акта 1975 г. Указ от 3 августа 1972 г. был формально отменен 20 мая 1991 г. Постановлением Верховного Совета СССР № 2178-1.

Таким образом, советское политическое руководство под давлением, прежде всего, зарубежной общественности и официальных властей западных стран вынуждено было в значительной степени изменить эмиграционную политику. Сегодня ее основные положения зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 г., и процесс выезда и возвращения не является для большинства граждан проблематичным, что свидетельствует о глубоких демократических переменах в стране.

Литература

1. *Ария С.* Самолетное дело // Вечерняя Москва. 2002. 17 января.
2. *Буковский В.* Московский процесс // Русская мысль. 1995. № 4.
3. *Губарев О.И.* Воздушный террор. Хроника преступлений. М.: Вече, 2006.
4. *Евдокимов П.* Обмен «холодной войны» // Спецназ России. 2008. № 44 (139).
5. *Ежелев А.* Невельский. Трагедия в воздухе и на земле // Известия. 1988. 11 марта.
6. *Ермолаев В., Полинский Н., Черненко А.* Приземлился вне расписания // Правда. 1988. 11 марта.
7. *Изгнание* из Эдема: Материалы о ссылке Льва Троцкого // Страна и мир. 1984. № 3. С. 50–51.
8. *Кравцов Б.* Бегство из гетто. М., 1984.
9. *Кузнецов Э.* Мордовский марафон. М.: Эксмо, 2008.
10. *Ленинградская* правда. 1970. 17 июня.
11. *Лушин А.И.* Советское государство и оппозиция в середине 1950–1980-х годов. СПб.: СЗАГС, 2011.
12. *Менделевич И.* Операция «Свадьба». М.; Иерусалим, 1987.
13. *Сахаров А.Д.* Воспоминания: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М., 2006.
14. *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы иммиграционной и эмиграционной политики советского государства. М.: Терра, 1991.
15. *ХЗП* в СССР. 1980. Вып. 39.
16. *Хроника* защиты прав в СССР (далее — ХЗП в СССР). 1979. Вып. 36.
17. *Хроника* текущих событий (далее — ХТС). 1973. Вып. 2.
18. *ХТС.* Вып. 43.

19. *ХТС.* Вып. 46.
20. *ХТС.* Вып. 55.
21. *ХТС.* Вып. 56.
22. *ХТС.* Вып. 57. 1980.
23. *Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920. М., 1991.
24. *Шульгин В. В.* Три столицы. М., 1992. Кн. 1.
25. *Шульгин В. В.* Мистика // Наш современник. 2002. № 3.

References

1. *Arya S*. Aircraft delo // Evening Moscow. 2002. January 17.
2. *Bukovsky V*. Moscow process. Russian thought. 1995. N 4.
3. *Gubarev O. I*. Air terror. Chronicle of crimes. M.: Veche, 2006.
4. *Evdokimov P*. Exchange of «cold war" // Special troops of Russia. 2008. N 44 (139).
5. *Ezhelev A*. Nevelsky the Tragedy in air and on ground // Izvestya. 1988. March, 11.
6. *Yermolaev V., Polinsky N., Chernenko A*. Landed out of the schedule // Pravda. 1988. March, 11.
7. *Exile* from the Eden. Materials about Lev Trotsky's exile // Country and World. 1984. N 3.
8. *Kravtsov B*. Flight from a ghetto. M., 1984.
9. *Kuznetsov E*. Mordovian marathon. M.: Eksmo, 2008.
10. *Leningrad* pravda. 1970, June 17.
11. *Lushin A. I*. The Soviet State and opposition in the middle of the 1950–1980th years. SPb.: SZAGS, 2011.
12. *Mendelevich I*. Operation «Wedding». M.; Jerusalem, 1987.
13. *Sakharov A. D.* Memoirs in 3 vol. Vol. 3. M., 2006.
14. *Felshtinsky Yu*. On the history of our closeness. Legislative basis of immigration and migratory policy of the Soviet State. M.: Terra, 1991.
15. *Chronicle* of protection of the rights in the USSR. Vol. 39. 1980.
16. *The* chronicle of protection of the rights in the USSR. Vyp. 36. 1979.
17. *Chronicle* of the current events. Vyp. 2. 1973.
18. *Chronicle* of the current events. Vyp. 43.
19. *Chronicle* of the current events. Vyp. 46.
20. *Chronicle* of the current events. Vyp. 55.
21. *Chronicle* of the current events. Vyp. 56.
22. *Chronicle* of the current events. Vyp. 57. 1980.
23. *Shulgin V. V*. Years. Days. 1920. M., 1991.
24. *Shulgin V. V*. Three capitals. M., 1992. Book 1.
25. *Shulgin V. V*. Mysticism // Our contemporary. 2002. N 3.

А. В. Плотникова A. V. Plotnikova

Специфика взаимодействия российских и болгарских политических элит в процессе воссоздания государственности Болгарии в конце XIX в.

Specifics of Interaction of the Russian and Bulgarian Political Elite in the Course of the Reconstruction of Statehood of Bulgaria at the End of the XIX Century

Плотникова Анна Викторовна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Преподаватель кафедры международных отношений
evdokimovaa@mail.ru

Plotnikova Anna Viktorovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Lecturer of Chair of the International Relations
evdokimovaa@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Тырновская конституция, В. А. Черкасский, А. М. Дондуков-Корсаков, Болгарское княжество

KEY WORDS
Tyrnovo Constitution, V.A. Cherkassky, A.M. Dondukov-Korsakov, Bulgarian Principality

РЕФЕРАТ
Статья посвящена роли российских и болгарских политических элит в создании независимого Болгарского государства, рассматриваются основные документы, подготовленные при участии русской администрации до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и деятельность временного гражданского управления в Болгарии.

ABSTRACT
The article is devoted to the role of Russian and Bulgarian political elites in the formation of independent Bulgarian state, the main documents, created by Russian administration before the beginning of Russian-Turkish war 1877–1878 and the activity of Russian temporary administration in Bulgaria are analyzed.

Идея создания независимого государства на территории Болгарии оформилась в России еще до начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С предложениями относительно будущего государственного устройства Болгарии выступил князь Владимир Александрович Черкасский, первоначально назначенный заведующим Красным Крестом за Дунаем. Составленная им докладная записка о временном управлении Болгарией была отправлена 1 ноября 1876 г. военному министру Д. А. Милютину [10, с. 151–158].

Князь Черкасский не был сторонником полного уничтожения существующих в Болгарии порядков и введения абсолютно новых методов управления. Он считал возможным замену турецких правительственных учреждений временными русскими. После отхода войск князь

Черкасский планировал заменить русских губернаторов вице-губернаторами-болгарами. Аналогичную замену планировалось произвести и среди начальников округов, которых следовало заменить их помощниками. Начальников предполагалось увольнять постепенно: на первом этапе планировалось половине окружных начальников подчинить по два округа, а вторым этапом стала бы передача округа заместителям-болгарам [1, с. 54].

В записке В. А. Черкасский писал, что Россия примет на себя обязательства организовать устройство в крае и покинуть его тогда, когда будет установлено управление, сразу отмечая, что пребывание не может быть затянуто на неопределенный срок. В связи с этим организация должна быть проведена как можно скорее, а в результате должны быть заложены основы местного самоуправления. Князь считал, что все это может быть выполнено лишь при условии, что все работы по организации управления будут проведены параллельно с ведением военных действий. Как следствие, желательным было бы одновременное учреждение при главнокомандующем армией отдельной канцелярии, на которую была бы возложена ответственность по сбору сведений относительно занятого края, изучение исторических и статистических особенностей, изготовление проектов гражданского устройства и наблюдение за ходом местного управления в тылу. Заведующий гражданской канцелярией, в свою очередь, мог бы принять на себя обязанности по набору добровольцев и образованию местного болгарского войска [Там же, с. 24].

Прибыв в Петербург, князь Черкасский встретился с Александром II, обсудив с ним свое назначение на должность заведующего Красным Крестом и возможность введения под контролем России гражданского управления в Болгарии. Император в разговоре отметил, что, прежде всего, будет необходимо переговорить с князем А. М. Горчаковым, который не желает войны и, скорее всего, будет против обострения положения. Д. Г. Анучин писал, что канцлер, любезно встретив князя Черкасского, немедленно переменил тон, услышав о болгарском вопросе [Там же, с. 26]. Спустя некоторое время докладная записка князя обсуждалась в особом комитете под председательством канцлера А. М. Горчакова, в который кроме самого князя Черкасского входили главнокомандующий армией, военный и финансовый министры, начальник полевого штаба армии.

Во время заседания особого комитета князь Черкасский отметил, что он произвел неблагоприятное впечатление на людей, с которыми ему предстояло работать, «его самоуверенная и властная манера говорить им видимо не понравилась» [10, с. 9]. Из состава комитета князю Черкасскому был знаком только Д. А. Милютин. Князь Горчаков критически относился к записке, считая преждевременными разговоры о возможной войне, не исключая возможности разрешения недоразумений мирным путем. Представители армии, со своей стороны, считали нецелесообразным устраивать управление краем во время войны. По их мнению, нужно было бы дождаться результатов военных действий и принять во внимание успехи, достигнутые войсками. К тому же военные власти изначально не хотели принять идею образования при армии гражданского управления, считая, что армия в содействии и услугах князя Черкасского не нуждается, а стремились только к тому, чтобы «уменьшить по возможности массу нежданных и бесполезных забот, появляющихся с этой стороны» [1, с. 3]. Вопрос о создании гражданского управления при главнокомандующем армией был рассмотрен на первом же заседании, остальные положения могли обсуждаться только в случае принятия положительного заключения. Многие решения, относительно гражданского управления, должны были быть приняты немедленно, в связи с этим военный министр, поддерживая основные положения записки князя Черкасского, отмечал, что детали могут быть доработаны военным министерством чуть позже.

На одном из заседаний возник спор относительно устройства дипломатической части при главнокомандующем, а именно должна ли дипломатическая канцелярия находиться в подчинении заведующего гражданскими делами или главнокомандующего. Канцлер и главнокомандующий высказывались за необходимость образования самостоятельной дипломатической канцелярии, однако в «Положении о полевом управлении войск» говорилось, что в обязанности чиновника министерства иностранных дел, состоящего при главнокомандующем, входит «ведение переписки главнокомандующего по дипломатической части, а именно по сношению с иностранными правительствами, с министерством иностранных дел, с русскими посольствами, миссиями и консульствами за границей, а также по заключению конвенций, перемирий и т. п.» [Там же, с. 29]. Начальником дипломатической канцелярии было предложено стать действительному статскому советнику А. И. Нелидову.

Не менее важной проблемой был вопрос о подчинении консульского корпуса гражданскому управлению. Горчаков был резко против этого, указывая на то, что чиновники консульского корпуса могут быть подчинены только Министерству иностранных дел. Князь Черкасский на это отвечал, что привлечение людей, знающих местные порядки и условия, необходимо, и этим им оказывается высокое доверие [Там же, с. 30].

Что касается отношения к князю Черкасскому, генерал Д. Г. Анучин отмечал: «В просимых сведениях ему не отказывали, но его, видимо, старались сбыть с рук и интереса к порученному ему делу никто не высказывал» [10, с. 27]. Генерал, будучи лично знаком с князем, отмечал, что ему неоднократно приходилось сталкиваться с препятствиями и распространяемыми слухами, однако князю Черкасскому была обеспечена поддержка в лице Д. А. Милютина. В. А. Черкасский, произнося речь на заседании комитета, заявлял, что сам о назначении в Болгарию не просил, но «с благоговением принял предложение государя и готов теперь употребить все свои силы и способности для лучшего выполнения монаршей воли» [1, с. 27]. Кроме того, князь отмечал, что «в Болгарии никто еще не делал карьеры», и он «не намерен ее там искать» [Там же, с. 28].

По результатам работы комиссии, 16 ноября 1876 г. императором было утверждено положение об учреждении при главнокомандующем должности заведующего гражданскими делами и инструкция заведующего. В основу этой инструкции легла докладная записка князя В. А. Черкасского. То, что основой инструкции заведующего гражданскими делами стал именно проект от 31 октября 1876 г., генерал Анучин связывает с тем, что у князя не было оппонентов, способных выдвинуть свой проект [Там же, с. 33].

Русское гражданское управление начало свою деятельность в Болгарии вслед за переходом русской армии через Дунай. Начальник гражданского управления в Болгарии В. А. Черкасский вводил новую администрацию вместо турецких властей [9, с. 14]. Им была поставлена задача не оставлять без управления занимаемые русскими войсками области.

В июне 1877 г., после взятия таких крупных центров, как Систово (14 июня 1877 г.) и Тырново (24 июня 1877), где был назначен русский губернатор М. А. Домантович, в ряде городов было установлено гражданское управление и вступили в действие учрежденные русским гражданским правительством власти. К этому времени основные документы, регламентирующие деятельность временного гражданского управления, были готовы, в том числе был выработан ряд инструкций, определяющих действия местной администрации. Уже в начале мая 1876 г. князем Черкасским был составлен и отправлен в Петербург на утверждение проект прокламации к болгарам и жителям Задунайского края, который предположительно должен был быть обнародован после перехода армией Дуная.

М. С. Дринов в записке о деятельности временного русского управления в Бол-

гарии, зачитанной в Болгарском народном собрании 14 марта 1879 г., отмечает, что в связи с быстрым продвижением русских войск новый гражданский строй не мог дать сразу надлежащее прочное устройство. По его мнению, заведующий гражданским управлением должен был позаботиться о том, чтобы завоеванные территории не оставались без управления, для этого, считает Дринов, достаточно было восстановить самые необходимые функции прежнего управления, несколько улучшить их и передать в новые руки [4, с. 1]. Одновременно с установлением на освобожденной территории нового строя князь Черкасский собирал необходимые сведения для создания нового гражданского управления.

Прибыв в Болгарию, князь Черкасский начал деятельность по введению русского гражданского управления. Были переведены на русский язык законы, в соответствии с которыми ранее велось управление страной[1]. Существующее законодательство частично осталось прежним, внесенные изменения носили незначительный характер [11, с. 52]. Основные проекты, регламентирующие управление краем, были выработаны уже летом 1877 г., в том числе проект главных оснований гражданского управления в санджаках и округах. Особое внимание уделялось организации местного самоуправления. В октябре 1877 г. князь Черкасский поручил генералу Анучину подготовить отчет о деятельности гражданского управления с ноября 1876 г., но военные действия, а также смерть князя Черкасского, скончавшегося в день подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора 19 февраля 1878 г., сделали невозможным дальнейшее составление отчета.

По Сан-Стефанскому договору территория Болгарии расширялась по сравнению с границами, определенными решениями Константинопольской конференции. Такое решение не устраивало Англию и Австро-Венгрию. Согласно статье VI договора, Болгария образовывала самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством и земским войском.

Приказом от 16 апреля 1878 г. заведующим временным гражданским управлением в Болгарии стал генерал-адъютант, генерал от кавалерии князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. Одной из главных задач, которую предстояло решить заведующему гражданским управлением, стала разработка проекта Органического статута. В связи с тем, что Берлинским конгрессом, начавшим свою работу 1 июня 1878 г., были пересмотрены условия Сан-Стефанского мирного договора и был сокращен срок пребывания временного управления до 9 месяцев[2], русской администрации под руководством князя Дондукова-Корсакова предстояло в короткий срок разработать и подготовить к утверждению проект Органического статута.

Кроме князя Дондукова-Корсакова в разработке проекта принимал участие заведующий судебным отделом гражданского управления в Болгарии С. И. Лукьянов. Генерал-майор Н. Р. Овсяный в своей работе пишет, что советом императорского комиссара были изучены конституции Сербии, Румынии и Греции, из них были сделаны извлечения [10, с. 53]. А. М. Дондуков-Корсаков в письме военному министру от 8 июля 1878 г. пишет, что, по его мнению, сербская конституция соответствует нуждам болгарского народа и в достаточной степени предоставляет преимущества княжеской власти[3]. М. П. Гаккель, служивший в Болгарии при князе Дондукове-Корсакове, записал в своем дневнике 2 октября 1878 г.: «Вечером начал занятия с Лукьяновым по разработке Органического статута для Болгарии. Работали до 11 вечера...

[1] Русский биографический словарь / Под ред. Ф. А. Витберга. Т. XXII. Чаадаев—Швитков. СПб., 1905. С. 205.

[2] Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. 462 с. С. 185.

[3] Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1878–1879 гг. / Под ред. Н. Р. Овсяного. СПб., 1903. 297 с. С. 7.

Имея перед собою конституцию Сербии и Румынии, примечали, что подходит к действиям болгар и вводили новые или измененные статьи» [2, л. 15]. Также автор отмечает, что одной из главных задач было «даровать по возможности самое широкое самоуправление снизу, а в руках князя сосредоточить всю административную исполнительную власть», народному собранию предполагали дать право «утверждения и определения бюджета» [Там же]. В дневнике 4 октября записано, что вечером с Лукьяновым закончили «дело Органического устава», в «главных основаниях» пришли к согласию и осталось «передать дело на усмотрение совета» [Там же].

В ходе подготовки проекта Болгарской конституции Дондуков-Корсаков, интересуясь мнением влиятельных граждан Болгарии, разослал им ряд вопросов, которые касались состава народного собрания для избрания князя, вероисповедания царствующей династии, порядка престолонаследия, регентства, совершеннолетия князя, количества палат, порядка избрания их членов, прав, предоставляемых палатам. Также важно было учесть мнение политических и духовных деятелей относительно создания Сената, либо Государственного совета и его состава. Вопросы были разосланы митрополитам, вице-губернаторам, председателям судов, лично болгарскому экзарху Иосифу, управляющему отделом народного просвещения и духовных дел русского гражданского управления в Болгарии профессору Дринову и другим [8, с. 27]. В письме Дринову относительно создания проекта органического устава А. М Дондуков-Корсаков писал, что при исполнении столь важной задачи он считает своим долгом ознакомиться с «взглядами и желаниями почтеннейших представителей Болгарского народа» [5, с. 1]. Князь просил ответить на вопросы по возможности быстрее. Профессор Дринов в ответ писал, что в настоящее время не может высказать определенного мнения относительно будущего государственного устройства Болгарского княжества. Большинство опрошенных высказались за конституционно-монархическую форму правления при достаточно больших полномочиях князя [7, с. 27].

Проект Органического статута был отправлен в Петербург военному министру Милютину, он рассматривался в Министерстве иностранных дел, затем военном министерстве, а после был направлен на рассмотрение в особую комиссию при II отделении собственной Е. И. В. канцелярии. Проект, с внесенными в него изменениями, был возвращен императорскому комиссару 27 декабря 1878 г. [10, с. 56] и по приказу князя Дондукова-Корсакова переведен на болгарский язык.

По Петербургскому проекту Болгарское княжество являлось конституционной наследственной монархией с народным представительством. Исполнительная власть должна принадлежать князю, он же является командующим вооруженными силами страны. Народное собрание могло быть обыкновенным и Чрезвычайным, или Великим. Предполагалось, что в Обыкновенное народное собрание должны входить экзарх, митрополиты, председатели и члены суда высшей инстанции и окружных и губернских судов. В собрание входили половина митрополитов и половина членов окружных и губернских судов, участвуя в собраниях по очереди. Депутатов должны были избирать прямым голосованием по одному на 20 000 жителей. Великое Народное собрание должно было созываться для решения территориальных вопросов княжества, изменения или пересмотра Органического статута [3, с. 78]. Предположительно высшими правительственными учреждениями становились Государственный совет, в который должны входить лица, назначенные князем и выдвинутые Народным собранием, Совет министров и министерства.

Органический статут рассматривался собранием именитых людей в Тырново, созванным 10 февраля 1879 г. Относительно выборов в собрание в общей инструкции от 10 апреля 1878 г. князю Дондукову-Корсакову было предписано обратить внимание на условия Берлин-

ского трактата. При выборах и выработке Органического устава в местностях, где проживает не только болгарское население, было необходимо обратить особое внимание на их потребности[1]. В состав Народного собрания по званию вошло 118 человек, а также 89 человек, избранных населением Болгарии.

В десять утра князь Дондуков-Корсаков открыл Народное собрание. Обращаясь к его членам, заведующий гражданским управлением отметил, что турецкое управление уже заменено национальным, а временные правила управления со временем должны подвергнуться изменениям и дополнениям, но этим должно будет заняться будущее правительство. Для разрешения вопросов, которые могли бы возникнуть в ходе обсуждения проекта Органического устава, Дондуков-Корсаков назначил своим уполномоченным на время работы Народного собрания управляющего судебным отделом С. И. Лукьянова. К. Стоилов предложил Народному собранию избрать комиссию из 15 человек, которые должны были подробно рассмотреть проект устава. Эта комиссия представила собранию доклад, посвященный рассмотрению Органического статута[2].

В ходе обсуждения проекта Органического статута в него были внесены изменения, в том числе и в название: Тырновская конституция, которая была принята 16 апреля 1879 г. и подписана уполномоченным императорского комиссара С. И. Лукьяновым, председателем собрания и его членами.

Согласно статье VII Берлинского трактата после разработки Органического статута было необходимо провести выборы князя. Для этого Народным собранием было выработано положение о составе великого собрания, которое должно было состоять только из избранных депутатов. Избиралось по 3 депутата из каждых 10 000 жителей [10, с. 79].

17 апреля 1879 г. собрание для избрания князя начало свою работу в Тырново. Открывая собрание, А. М. Дондуков-Корсаков подчеркнул, что ни один кандидат из русских подданных не может быть избран болгарским князем. В обращении к членам собрания князь отметил, что заседание должно происходить при закрытых дверях, без присутствия посторонних лиц, кроме того, протокол обсуждения не обязателен для составления, а можно ограничиться протоколом или актом избрания [Там же, с. 83]. Кандидатами были племянник черногорского князя Божидар Петрович, румынский князь Бибеско и Александр Баттенберг, племянник императрицы Марии Александровны, сын принца Александра Гессен-Дармштадтского от морганатического брака с Юлией Гауке [9, с. 24]. Александр Баттенберг являлся компромиссной фигурой и был избран князем Болгарии [6, с. 64]. 18 апреля, выполнив свои задачи, Великое народное собрание завершило свою работу.

Великие державы согласились на продление полномочий императорского комиссара до приезда князя Александра. За это время временному гражданскому управлению было необходимо заменить занимаемые русскими административные должности болгарами в следующем порядке: сначала окружные начальники, затем губернаторы, затем начальники отделов и их управлений, а также окончательно решить вопрос о границах Болгарского княжества. К 20 июля 1879 г., когда князь Александр уже был в Софии, русские войска были полностью выведены из Болгарского княжества, а все чины русской администрации заменены болгарами [10, с. 98]. В Болгарии остались только некоторые военные чины, которые должны были обучить болгарское войско. Для окончания всех дел в княжестве был оставлен полковник Генерального штаба А. А. Шепелев.

---

[1] Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1878–1879 гг. / Под ред. Н. Р. Овсяного. СПб., 1903. 297 с. С. 272.

[2] *Радев С.* Стоителите на съвременна България. Т. 1. София: П-ца на Тане Пъев, 1910 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2845&Level=1 (дата обращения: 10.06.2011).

Подводя итог, можно сказать, что российская политическая элита XIX в. сыграла решающую роль в воссоздании Болгарской государственности. Освобожденная в 1878 г. Болгария стала первым государством, для которого Россией был полностью разработан проект конституции. Затем этот проект был внедрен в жизнь на территории отвоеванной у Османской империи страны, чем определил политическую структуру возрожденного государства.

Литература

1. *Анучин Д. Г.* Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе в Болгаріи в 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895. Т. 83, № 4. С. 43–55.
2. *Гаккель М. П.* // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 212. Оп. 2. Ед. хр. 8.
3. *Григораш И. В.* Россия и становление болгарской государственности (1878–1908) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 78–91.
4. *Дринов М*. Записка о деятельности временного русского управления в Болгарии, читанная по поручению императорского российского комиссара, князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, в Болгарском народном собрании 14 марта профессором Дриновым. Тырново, 1879. 17 с.
5. *Дринов М. С.* Съчинения. Т. 3. София: Държавна Печатница, 1915.
6. *Евдокимова А. В.* Российская политика в Болгарии в конце 70-х гг. XIX в. после завершения русско-турецкой войны // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. Т. 2, вып. 2. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2011. С. 57–66.
7. *Коротких М. Г.* История создания Тырновской конституции 1879 г.: к 100-летию первой Болгарской конституции // Изестия вузов. Правоведение. 1979. № 2. С. 55–61.
8. *Коротких М. Г.* Россия и конституционное строительство в Болгарии (1878–1879). Воронеж, 1982. 126 с.
9. *Матвеев П. А.* Болгария после Берлинского конгресса. СПб., 1887. 239 с.
10. *Овсяный Н. Р.* Русское управление в Болгарии 1877–1878–1879 гг.: Т. 2. СПб., 1906. 291 с.
11. *Овсяный Н. Р.* Устроители Болгарии: князь Черкасский // А. М. Дондуков-Корсаков и Столыпин // Русская старина. 1909. № 1.

References

1. *Anuchin D. G.* Prince V. A. Cherkasskiy and civil administration in Bulgaria in 1877–1878 // Russian old times. 1895. V. 83, N 4. P. 43–55.
2. *Gakkel M. P.* // Archive of the Saint-Petersburg institute of history of the Russian Academy of Sciences. F. 212. Op. 2. Unit st. 8.
3. *Grigorash I. V.* Russia and formation of the Bulgarian statehood (1878–1908) // Modern and contemporary history. 2005. N 6. P. 78–91.
4. *Drinov M.* Note about activity of temporary Russian administration in Bulgaria / read at the request of the imperial Russian commissioner, prince Alexander Mikhaylovich Dondukov-Korsakov, in the Bulgarian people's assembly, on March 14 by professor Drinov. Trnovo, 1879. 17 p.
5. *Drinov M. S.* Collected Works. V. 3. Sofia: Djrzhavn Pechatnitsa, 1915.
6. *Evdokimova A. V.* The Russian policy in Bulgaria in the late 70-th of the XIX century after completion of the Russian-Turkish war // Scientific works of the North-West Academy of Public Administration. V. 2 (2). SPb.: SZAGS publishing house, 2011. P. 57–66.
7. *Korotkih M. G.* History of creation of the Tyrnovsky Constitution of 1879: to the 100 anniversary of the first Bulgarian Constitution // Izv. higher education institutions. Jurisprudence. 1979. N 2. P. 55–61.
8. *Korotkih M. G.* Russia and the constitutional construction in Bulgaria (1878–1879). Voronezh, 1982. 126 p.
9. *Matveev P. A.* Bulgaria after the Berlin congress. SPb., 1887. 239 p.
10. *Ovsyaniy N. R.* The Russian administration in Bulgaria 1877–1878–1879. V. 2. SPb., 1906. 291 p.
11. *Ovsyaniy N. R.* Founders of Bulgaria: prince Cherkassky, prince A. M. Dondukov-Korsakov and Stolypin // Russian old times. 1909. N 1.

Д. А. Акопян **D. A. Akopyan**

Роль и статус русского языка как показатель эволюции украинской политической системы

The Role and Status of Russian Language as an Indicator of Evolution of the Ukrainian Political System

Акопян Дарья Алексеевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
sensata@mail.ru

Akopyan Darya Alekseevna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student
sensata@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
роль и статус русского языка, российско-украинские отношения, русский язык на Украине, украинская политическая система

KEY WORDS
the provision and status of russian language, the Russian-Ukrainian relations, Russian language in Ukraine, the Ukrainian political system

РЕФЕРАТ
Представлены основные документы, регулирующие положение и статус русского языка в Украине. Рассмотрены предвыборные кампании Л. Кравчука, Л. Кучмы, В. Ющенко и В. Януковича. Влияние языкового вопроса на взаимодействие и сотрудничество в государственной сфере.

ABSTRACT
The main documents regulating the provision and status of russian language in Ukraine are submitted. L. Kravchuk, L. Kuchma, V. Yushchenko and V. Yanukovych's pre-election companies are considered. Influence of a language question on interaction and cooperation in the state sphere.

«Великий и могучий» — это не только язык общения для большей части населения, исторически проживающего совместно с русскими, но и средство социальной и межнациональной коммуникации. В современных условиях глобализации, развития и распространения информации в обществе русский язык на всем пространстве бывшего Советского Союза является языком науки, культуры и бытового общения.

После распада СССР в ряде постсоветских государств, особенно на Украине, развернулась целенаправленная кампания по искоренению русского языка из информационной сферы, общественной жизни, которая время от времени приобретает крайние русофобские очертания. Языковой вопрос на Украине год от года становится все более политизированным, а повышенный интерес к статусу русского языка является индикатором противоречий и разногласий в обществе, особенно в вопросах политического и культурного облика страны. Использование языка в качестве инструмента этнополитического давления различными украинскими элитами негативно отражается на общем климате в стране.

После того как конец 1991 г. ознаменовался приобретением украинской независимости и приходом к власти

Л. Кравчука, многие процессы, связанные с суверенизацией и статусом государственного языка, заметно активизировались. Однако конституция страны была принята только спустя пять лет. В период с 1991 по 1995 г. основным законом страны фактически был документ, принятый в апреле 1978 г., а именно Конституция УССР[1], в которую вносились различные поправки. Согласно статье 73 этого документа: «Украинская ССР проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики». Также права русскоязычного населения и людей, использующих другие национальные языки в повседневном общении, регулировались законом о «Мовах в Українській ССР»[2]. Однако уже к выборам 1994 г. взгляды действующего президента приобрели ярко выраженный националистический окрас. Вероятнее всего, именно языковой фактор способствовал приходу к власти Л. Кучмы, который говорил о необходимости предоставления русскому языку статуса второго государственного. Именно при Кучме был подписан основной текст Конституции Украины. Текст основного закона современного украинского государства в отличие от предыдущей редакции действовавшей конституции обеспечивал «свободное развитие, использование и защиту русского языка и других языков национальных меньшинств Украины»[3].

Безусловно, принятие конституции на Украине рассматривалось ведущими политиками и населением республики как большой шаг на пути национального самоопределения и становления государственности. Тем не менее никаких действенных мер по обеспечению языкового равноправия, гарантированного конституцией страны и законом № 8312-11 от 28 октября 1989 г., предпринято не было. Вместо этого в сентябре 2000 г., по сообщениям информационного агентства РИА НОВОСТИ, согласно распоряжению Государственного комитета по информационной политике Украины были закрыты некоторые совместные русско-украинские издания. Позже эти меры коснулись и работы русскоязычных радиостанций[4].

Очередной раз вопрос статуса и положения русского языка был использован в предвыборной кампании 2004 г. в качестве одного из главных козырей. Так, например, именно В. Ющенко, обещавший придать государственный статус русскому языку в своей предвыборной программе «Десять кроків на зустріч

[1] Конституція (Основний Закон) Української Радянської Соціалістичної Республіки / Верховна Рада УРСР; Конституція, Закон від 20.04.1978 № 888-IX; Прийнята ВРУ РСР 9 скликання 20.04.1978; зізмінами і доповненнями, внесеними ЗУ РСР від 1989, 1990,1991, 1992, 1993, 1994, 1995 років; Конституція втратилачинність на підставі Закону № 254/96-ВР від 28.06.96 // ВВР. 1996. № 30, ст. 142 // ЗаконодавствоУкраїни / Верховна Рада України: Офіційний веб-портал [Электронный ресурс]. URL: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/888-09.

[2] Закон Української радянської соціалістичної республіки «Про мови в Українській РСР» № 8312-11 від 28 жовтня 1989 року // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1989. Додаток до № 45, ст. 631; Вводиться в дію Постановою ВР № 8313-11 від 28.10.89 // ВВР. 1989. Додаток до № 45, ст. 632; Іззмінами, внесеними згідноіз Законами № 75/95-ВР від 28.02.95 // ВВР. 1995. № 13, ст. 85 № 594-IV (594-15) від 06.03.2003 // ВВР. 2003. № 24, ст. 159; Закон втративчинність на підставі Закону № 5029-VI (5029-17) від 03.07.2012) // Законодавство України / Верховна Рада України: Офіційний веб-портал [Электронный ресурс]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/8312-11.

[3] Статья 10 / Розділ I — Загальні засади / Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1996. № 30, ст. 141; Текст Конституції України відповідає тексту, щоіснував до внесеннязмін Законом «Про внесеннязмін до КонституціїУкраїни» № 2222-IV від 08.12.2004; Іззмінами, внесенимизгідноіз Законом № 2952-VI від 01.02.2011 // ВВР. 2011. № 10, ст. 68 // ЗаконодавствоУкраїни / Верховна Рада України: Офіційний веб-портал [Электронный ресурс]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр.

[4] В Украине закрывают российские газеты // Интернет-газета Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: http://lenta.ru/world/2000/10/19/smi/

людям»[1], впоследствии, став президентом страны, стал ярым противником всего русского. Кстати, в этот же период и межгосударственные отношения с Россией можно охарактеризовать как достаточно прохладные. Так, например, министерства иностранных дел России и Украины обоюдно обменивались жесткими комментариями по поводу статуса русского языка на Украине.

Как мы полагаем, наибольшее напряжение в украинском обществе было достигнуто в 2006 г. Именно в этом году были распространены официальные комментарии МИДа Российской Федерации о том, что «гонителям русского языка в Украине необходимо, наконец, осознать, что двуязычие в Украине — это исторически сложившееся явление, и поэтому заниматься искоренением русского языка подобными методами просто контрпродуктивно»[2]. Киев, в свою очередь, посчитал обвинения МИДа РФ деструктивными и беспочвенными, призывая российские власти прекратить разыгрывать «языковую карту» как метод влияния на внутриполитическую ситуацию в стране[3].

Что касается конкретной языковой политики, то на Украине началось массовое сокращение русскоязычного информационного пространства. Так, например, 2004 г. ознаменовался прекращением регистрации средств массовой информации, использующих негосударственный язык, т. е. русский и другие языки национальных меньшинств. Политика тотальной украинизации третьего президента Украины коснулась и образовательной сферы. Во многих городах сократилось количество школ, обучающих детей на русском языке, сократилось количество часов русского языка и литературы, а многие смежные дисциплины были полностью переведены на украинский язык, даже в школах с преподаванием на языках национальных меньшинств.

Особого внимания в данном контексте, на наш взгляд, заслуживают учебники по русскому языку для восьмого класса, содержащие специальные материалы для изучения русского молодежного сленга и тюремного жаргона, рекомендованные преподавателям русского языка на Украине на 2009/2010 учебный год. Так, дети «на занятиях по русскому языку вынуждены изучать тюремный жаргон, их заставляют сочинять тексты с такими словами, как „пахан“, „общак“, „стукач“ и другими жаргонизмами».

Немногим раньше, в конце 2008 г., тем же восьмиклассникам Министерством образования и науки Украины был предложен учебник по литературе. Негодование широкой общественности вызвала интерпретированная на современный лад сказка Шарля Перро «Красная Шапочка». В ней «Шапочка курит, пьет вино и плюется», что, по мнению авторов, должно побудить учеников к размышлениям об окружающем мире и о себе, т. е. подобные методы обучения и воспитания должны были не только заставить задуматься учеников о поведении известных литературных героев, но и сформировать негативный образ русского языка.

Тем временем вопрос придания русскому языку статуса официального в украинском государстве по-прежнему оставался открытым. Новая предвыборная гонка 2010 г. и победа Виктора Януковича давали шанс не только нормализовать отношения с Россией, но и решить достаточно болезненный вопрос с языком. Урегулирование отношений началось с подписания харьковских соглашений о продлении базирования Черноморского флота России в Крыму сроком на 25 лет. При новом президенте Украина выразила готовность вступления в Таможенный со-

[1] Десять шагов навстречу людям (прим. авт.).

[2] МИД РФ: дискриминацию русского языка в Украине нельзя игнорировать / Информационное агентство «РИА Новости». 27 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/politics/20060927/54308180.html.

[3] МИД Украины: заявления РФ о дискриминации русского языка «беспочвенны» / Информационное агентство «РИА Новости». 29 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/politics/20060929/54363178.html.

юз России и Белоруссии, также состоялось несколько встреч на высшем уровне. Что касается языкового вопроса, то первые успехи были достигнуты на региональном уровне в г. Луганске и Луганской области. В частности, 27 мая 2011 г. Луганским областным советом было принято решение «О реализации конституционных гарантий на свободное использование русского языка, других языков национальных меньшинств в Луганской области»[1], в котором было рекомендовано руководителям всех учреждений использовать русский язык наряду с государственным.

Но наибольшим достижением аппарата президента В. Януковича стало принятие в июле 2012 г. закона «Про засади державної мовної політики»[2], значительно расширяющего сферу применения русского языка в стране. В данном документе подтверждалось, что государственным языком на территории страны является украинский язык. Но одновременно с этим закон несколько расширил и конкретизировал позиции русского и других языков национальных меньшинств в регионах страны, где их численность достигает 10% и выше. В частности, предусматривается возможность внесения записей в паспорт и другие официальные документы, ведение делопроизводства, выступление на заседаниях Верховной Рады, а также публикация официальных документов на одном из языков национальных меньшинств, используемых в данном регионе.

Принятие данного закона по теме, болезненной для всех жителей страны, вызвало как позитивные, так и негативные отклики в украинском обществе. С резкой критикой выступили первый президент Украины Л. Кравчук, а также Л. Кучма, считающие языковой вопрос слишком политизированным. Безусловно, данный закон — это только первый шаг на пути решения вопроса статуса русского языка на Украине, и, скорее всего, он потребует еще некоторой доработки. Но первые позитивные сдвиги сделаны, что, несомненно, говорит об определенной эволюции украинской политической системы и взглядов высшего руководства на роль и место русского языка.

В заключение считаем необходимым отметить, что до тех пор, пока украинское законодательство определяет украинский язык в качестве единственного государственного, русский язык будет официально рассматриваться либо как язык национальных меньшинств, либо частично признаваться в качестве рабочего языка делопроизводства и общения только на региональном уровне, т. е. в некоторых областях Украины. Дальнейшее развитие этого вопроса, как нам представляется, также зависит от граждан этой страны, прежде всего от общественно-политической активности русскоязычного населения.

---

[1] Решение «О реализации конституционных гарантий на свободное использование русского языка, других языков национальных меньшинств в Луганской области» № 5/25 от 27.05.2011 г. / Повестка дня пятой сессии Луганского областного совета шестого созыва от 27 мая 2011 г. // Сайт Луганского областного совета [Электронный ресурс]. URL: http://oblrada.lg.ua/content/pro-realizatsiyu-konstitutsiinikh-garantii-na-vilne-vikoristannya-rosiiskoi-movi-inshikh-mov.

[2] Закон України «Про засади державної мовної політики» від 03.07.2012 № 5029-VI; Іззмінами, внесенимизгідноіз Законом № 475-VI від 06.11.2012 // ЗаконодавствоУкраїни / Верховна Рада України. Офіційний веб-портал [Электронный ресурс]. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5029-17.

А. В. Щедрин **A. V. Schedrin**

Франчайзинг как механизм интеграции пропульсивного кластера в экономику региона

Franchising as the Mechanism of Integration of a Propulsive Cluster in Regional Economy

Щедрин Андрей Викторович
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)
Аспирант кафедры региональной экономики и менеджмента
reandm@rambler.ru

Schedrin Andrey Viktorovich
South-West State University (Kursk)
Graduate student of Chair of Regional Economy and Management
reandm@rambler.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
кластер, франчайзинг, региональное развитие, региональная экономика, управление развитием

KEY WORDS
cluster, franchising, regional development, regional economy, management of development

РЕФЕРАТ
В статье предложен механизм тиражирования кластерных инициатив на основе франчайзинга и эффекты его использования в интересах стимулирования социально-экономического развития российских регионов.

ABSTRACT
In the article the mechanism of replication of cluster initiatives on the basis of franchising and effects of its use in interests of stimulation of social and economic development of the Russian regions is offered.

Современное развитие бизнеса в регионах России требует решения целого ряда проблем, существенно снижающих экономическую эффективность предпринимательства. К наиболее сложным из этих проблем можно отнести необходимость увеличения объемов реализуемой фирмой на региональном рынке продукции; трудности во взаимодействии малых и крупных предприятий; уменьшение эффективности работы и сокращение срока существования малых предприятий; потребность привлечения специалистов в дилерскую сеть крупного бизнеса [9].

Для решения этих проблем нужны новые экономические механизмы. Одним из таких механизмов, причем довольно действенных, по мнению автора, является франчайзинг [12]. Франчайзинговые методы позволяют увеличить эффективность взаимодействия бизнес-структур региона, наладить экономические отношения между малым и крупным бизнесом, решить множество других актуальных проблем социально-экономического развития.

Франчайзинг представляет собой особый вид экономических отношений между субъектами рынка, при котором одна сторона, называемая «франчайзер», передает другой стороне — «франчайзи» — право на осуществление деятельности под товарным знаком франчайзера, используя его репутацию, имидж, фирменный стиль на возмездной основе. Отметим, что в российской экономической

литературе «франчайзинг» также называют коммерческой концессией.

При франчайзинговой схеме построения экономических отношений существует ряд преимуществ как для франчайзи, так и для франчайзера. Франчайзи получает такие преимущества, как:

- отсутствие основных и специализированных знаний преодолевается благодаря программе обучения, проводимой франчайзером;
- франчайзи одновременно имеет возможность пользоваться услугами и получать постоянную поддержку головной организации и являться при этом владельцем предприятия;
- использование бренда, имиджа и репутации компании, уже получившей признание;
- на создание предприятия в системе франчайзинга потребуется меньше средств по сравнению с открытием аналогичного самостоятельного бизнеса, так как франчайзер, используя накопленный опыт, устраняет ненужные затраты. Кроме того, франчайзер может оказать содействие в доступе к кредитным ресурсам;
- доступ к возможностям франчайзера и всей его сети в области закупок, снабжения, ведения переговоров и др.;
- возможность пользоваться результатами научных разработок и маркетинговых исследований франчайзера, его программами развития, направленными на совершенствование и повышение конкурентоспособности бизнеса.

Франчайзер, в свою очередь, кроме получения дополнительной прибыли в виде франчайзинговых платежей получает при создании системы франчайзинга целый ряд дополнительных выгод:

- быстрое расширение рынков сбыта;
- невысокие затраты на собственный персонал;
- низкий уровень собственных капиталовложений;
- возможность разработки систем производства и продвижения товаров и услуг регионального масштаба ускоренными темпами;
- расширение узнаваемости торговой марки фирмы и признания со стороны клиентуры, рост доверия к качеству и единому ассортименту продукции данной фирмы.

Следовательно, франчайзинг представляет собой взаимовыгодную форму кооперации предприятий. Родоначальником современной системы франчайзинга является И. Зингер, основатель компании «Singer Sewingmachine company» [10]. Уже в 1851 г. он заключал письменные договоры на передачу права на продажу и ремонт швейных машинок на определенной территории Соединенных Штатов, т. е. в современной трактовке — на передачу франшизы.

Считается, что первая франшиза в Россию была продана компанией «Баскин Роббинс». Под этим брендом и сегодня динамично развивается сеть кафе по всей территории нашей страны. На данный момент в стране насчитывается более 500 франчайзеров и около 20 000 франчайзи. В сравнении с франшизными рынками Европы и США, где преобладают франшизы в сфере услуг и общественного питания, в России, наоборот, данные сферы развиты на сегодняшний день достаточно слабо, здесь преимущество отдается сферам торговли, особенно непродовольственному ритейлу.

Однако, на наш взгляд, франчайзинг, как экономический механизм, можно использовать не только для развития конкретного бизнеса, в региональном контексте, но и в более широких масштабах, например, для построения пропульсивного регионального кластера [1; 4; 6; 7 и др.].

Кластеры представляют собой группу географически локализованных и взаимосвязанных предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом [11]. Взаимодействие предприятий, входящих в кластер, — это симбиоз кооперации и конкуренции [8].

В отличие от обычных форм кооперационно-хозяйственных взаимодействий малого, среднего и крупного бизнеса кластерные системы характеризуются следующими особенностями:

- наличие крупного предприятия — лидера, определяющего долговременную хозяйственную, инновационную и иную стратегию всей системы;
- территориальная локализация основной массы хозяйствующих субъектов — участников кластерной системы;
- устойчивость хозяйственных связей хозяйствующих субъектов — участников кластерной системы, доминирующим значением этих связей для большинства ее участников;
- долговременная координация взаимодействия участников системы в рамках ее производственных программ, инновационных процессов; основных систем управления, контроля качества и пр.

В целом различаются три вида кластеров, каждый из которых подчеркивает тот или иной приоритет его функционирования:

- региональные (территориальные) группы внутри одного или родственных секторов промышленности, часто привязанные к тем или иным научным школам (научно-исследовательским институтам, университетам и т. д.);
- вертикальные производственные цепочки; довольно узко определенные секторы, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера (например, цепочка «поставщик — сборщик — сбытовик — клиент»). В эту же категорию попадают сети, формирующиеся вокруг головных фирм;
- промышленные объединения большого масштаба, определенные относительно какой-либо (основной) отрасли (например, химический кластер, агропромышленный кластер).

Наибольший интерес для нас представляют концептуальные основы понятия «региональный кластер». Необходимо отметить, что данный термин в современной экономической литературе, как правило, относится к совокупности территориально ограниченного большего числа взаимосвязанных предприятий, производящих продукцию, оказывающих услуги и выполняющих работы в определенной отрасли. В состав кластера входят фирмы, работающие в одних и тех же отраслях, использующие схожую инфраструктуру и имеющие общих контрагентов.

Применение кластерного подхода является закономерным этапом в развитии экономики, а его повсеместное распространение можно рассматривать в качестве главной черты всех высокоразвитых экономик. Спецификой кластера является получение организациями, входящими в него, синергетического эффекта, выражающегося в повышении конкурентоспособности всей системы по сравнению с отдельными хозяйствующими субъектами [3].

На наш взгляд, примером пропульсивного регионального кластера может являться строительный кластер Белгородской области. В состав кластера входят предприятия стройиндустрии, использующие высокоэффективные инновационные технологии, научные, образовательные, проектно-изыскательские организации, подрядные организации, а также организации, оказывающие государственную поддержку жилищного строительства. К динамично развивающимся предприятиям, внесшим значительный вклад в развитие кластера, относятся: ОАО «Домостроительная компания», ООО «Рудстрой», ООО «Белдорстрой», ОАО «Белгород-асбестоцемент», ОАО «Белгородстройдеталь», ОАО «Стройматериалы», ЗАО «Аэробел», ЗАО «Белшпала», ОАО «Старооскольский завод электромонтажных изделий», ООО «Объединение строительных материалов и бытовой техники».

Наличие на территории региона минерально-сырьевых ресурсов обуславливает высокую концентрацию предприятий по производству строительных материалов. В области производятся строительные материалы широкой номенклатуры. Продукция местных предприятий являет-

ся конкурентоспособной, в том числе и за пределами региона, преимущественно за счет простоты и дешевизны доступа к сырьевым ресурсам, снижающего ее себестоимость. Вместе с тем высокая энергоемкость производств и, как следствие, ограничения по обеспечению топливно-энергетическими ресурсами, усиление конкуренции со стороны стран-импортеров создают риски для развития рассматриваемого кластера.

За последние пять лет на предприятиях стройиндустрии области создано более 30 новых производственных мощностей, в том числе три завода по производству керамического кирпича, два завода по производству товарного бетона, а также налажено производство новых для области видов продукции таких, как: столярные изделия из клееного бруса полной заводской готовности с остеклением стеклопакетами, сухие строительные смеси, детали деревянных щитовых домов, изготавливаемых по канадской технологии, стеновые блоки системы «Теплостен», теплоизоляционные материалы на основе базальтового волокна, экструдированный пенополистирол, стекломагнезиальные плиты и др.

В области динамично растут объемы жилищного строительства. По объему введенного жилья в расчете на 1000 человек населения Белгородская область на протяжении ряда лет входит в лидирующую десятку регионов Российской Федерации, среди областей Центрального федерального округа занимает второе место после Московской области с ежегодным объемом ввода жилья за счет всех источников финансирования более 1 млн м^2.

Основной стратегической задачей дальнейшего развития Белгородского строительного кластера является создание наиболее благоприятных условий для улучшения качества жизни населения области как с точки зрения строительства и развития производственно-экономической базы, так и обеспечения жителей области благоустроенным жильем, социальной инфраструктурой. Решение поставленной задачи осуществляется посредством создания на инновационной основе предприятий, производящих современные строительные материалы с использованием имеющихся в регионе запасов полезных ископаемых, энергосберегающих и экологичных технологий.

Учитывая территориальную близость, схожие геологические и природно-климатические условия, характерные для Курской и Белгородской областей, а также наличие в Курской области достаточно развитой строительной отрасли, по мнению автора, механизм создания и функционирования строительного кластера Белгородской области может быть передан Курской областью на основе франчайзинга.

Для этого имеются необходимые предпосылки. Так, в Курской области имеется ряд успешно работающих предприятий строительной отрасли, такие как завод крупнопанельного домостроения, два кирпичных завода, три завода железобетонных изделий, комбинат строительных материалов и широкая сеть малых фирм стройиндустрии. При поддержке региональной администрации планируется строительство двух цементных заводов в Солнцевском и Щигровском районах области. В 2012 г. в Курской области было введено 422 000 м^2 жилья, что на 57,3% больше, чем в 2011 г. В 2013 г. область планирует построить на 4,3% жилья больше и довести объемы его годового ввода до 440 000 м^2.

Таким образом, в экономике Курской области имеются все предпосылки для образования, развития и успешного функционирования строительного кластера, который, в свою очередь, будет способствовать формированию благоприятных условий для развития специализированных производств и услуг, росту конкурентоспособности региональной экономики как в традиционных, так и новых наукоемких (инновационных) секторах.

Создание кластеров на территории региона является залогом появления точек роста внутреннего рынка и базы для международной экспансии. Вслед за первым в экономике часто образуются новые кла-

стеры, и международная конкурентоспособность страны увеличивается, что, в конечном итоге, способствует эффективному развитию национальных территорий и благоприятствует кардинальному изменению сырьевой модели экономического развития России на модель современной инновационной экономики [2; 5]. Поэтому предложенная нами идея «тиражирования» кластерных инициатив на основе франчайзинга, рассмотренная в данной статье, может быть весьма полезна для ускорения социально-экономического развития российских регионов.

Конечно, автор понимает, что высказанные им идеи дискуссионны и требуют дальнейшей углубленной научной проработки. Но эта проработка, на наш взгляд, касается в большей степени не вопроса осуществимости самой идеи, а обоснования механизмов тиражирования и масштабирования кластерных инициатив, их адаптации к конкретным условиям территорий.

Литература

1. *Бабкин А. В., Мошков А. А., Новиков А. О.* Анализ методов и моделей оценки инновационного потенциала промышленного кластера // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 84–90.
2. *Бабкин А. В., Цыванюк П. В.* Особенности конкурсного размещения заказов на создание научно-технической продукции промышленного кластера // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. 2012. № 3 (149). С. 53–60.
3. *Вертакова Ю. В.* Стратегическое планирование устойчивого развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 48–53.
4. *Вертакова Ю. В., Плотников В. А.* Теоретические аспекты учета динамических характеристик социально-экономических систем в управлении региональным развитием // Известия Русского географического общества. 2011. Т. 143, № 6. С. 42–50.
5. *Вертакова Ю. В., Плотников В. А.* Управление воспроизводственным процессом региона на основе гармонической пропорции // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 89–93.
6. *Воробьев В. П., Липатников В. С.* Формирование инновационно-отраслевых кластеров в инновационной системе региона // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 6. С. 36–44.
7. *Голубецкая Н. П.* Методические подходы к определению приоритетов инновационной политики региона // Экономика и управление. 2011. № 12. С. 45–79.
8. *Иванков А. А.* Количественная оценка вероятностной меры межрыночных связей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2012. № 6 (161). С. 212–218.
9. *Колпакиди Д. В.* Формирование системы инвестиционно-финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне (по материалам г. Иркутска) // Экономика и управление. 2011. № 12. С. 41–45.
10. *Котлер Ф.* Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 2004. 575 с.
11. *Милославский И. С.* Применение кластерного подхода как перспективное направление развития туризма в России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1. С. 122–124.
12. *Плотников В. А., Щедрин А. В.* Проблемы и перспективы развития франчайзинга в России // Теория и практика функционирования финансовой и денежно-кредитной системы России: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (седьмое заседание) (15–16 декабря 2011 г.). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 426–429.

Referens

1. *Babkin A. V., Moshkov A. A., Novikov A. O.* Analysis of methods and models of an assessment of innovative potential of an industrial cluster // Scientific and technical vedomosti of sheets SPbSTU. Series: Economic sciences. 2012. N 4 (151). P. 84–90.
2. *Babkin A. V., Tsyvanyuk P. V.* Features of competitive placement of orders for creation of scientific and technical products of an industrial cluster // Scientific and technical sheets SPBSTU. Series: Economic sciences. 2012. N 3 (149). P. 53–60.

3. *Vertakova Yu. V*. Strategic planning of a sustainable development of the region // Messenger of the Voronezh State University. Series: Economy and management. 2005. N 1. P. 48–53.
4. *Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A*. Theoretical aspects of the accounting of dynamic characteristics of social and economic systems in management of regional development // News of the Russian geographical society. 2011. Vol. 143, N 6. P. 42–50.
5. *Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A.* Management of reproduction process of the region on the basis of a harmonious proportion // News of Irkutsk State Economic Academy. 2010. N 5. P. 89–93.
6. *Vorobyev V. P., Lipatnikov V. S*. Formation of innovative and branch clusters in innovative system of the region // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 6. P. 36–44.
7. *Golubetskaya N. P*. Methodical approaches to definition of priorities of innovative policy of the region // Economy and management. 2011. N 12. P. 45–79.
8. *Ivankov A. A*. Quantitative assessment of a probability measure of intermarket communications // Scientific and technical vedomosti of SPbSTU. Economic sciences. 2012. N 6 (161). P. 212–218.
9. *Kolpakidi D. V*. Formation of system of investment and financial support of subjects of small and average business at municipal level (on materials of Irkutsk) // Economy and management. 2011. N 12. P. 41–45.
10. *Kotler F.* Marketing management. SPb.: Piter, 2004. 575 p.
11. *Miloslavsky I. S*. Using of cluster approach as the perspective direction of development of tourism in Russia // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 1. P. 122–124.
12. *Plotnikov V. A., Schedrin A. V*. Problems and prospects of development of franchising in Russia // Theory and practice of functioning financial and monetary and credit system of Russia: Collection of articles of the international scientific and practical conference (the seventh meeting) (on December 15–16, 2011). Voronezh: IPC «Scientific Book», 2011. P. 426–429.

А. А. Ерпылов A. A. Erpylov

Обоснование необходимости внедрения методов бюджетирования в практику работы учреждений здравоохранения

Justification of Need of Introduction of Methods of Budgeting in Practice of Healthcare Institutions Work

Ерпылов Александр Анатольевич
Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения
97500@mail.ru

Erpylov Alexandr Anatolyevich
North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint-Petersburg)
Graduate student of the Chair of Public Health and Health Care
97500@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
бюджетирование в учреждениях здравоохранения, модель управления финансами, управление финансовыми потоками учреждений здравоохранения

KEY WORDS
budgeting in the health care institutions, a model of financial management, management of financial flows of the public health care institutions Начинать с заглавных?

РЕФЕРАТ
Автором статьи проанализированы современные проблемы и разработаны подходы к повышению эффективности управления финансами учреждений здравоохранения, охарактеризованы возможности и перспективы применения рассматриваемых методов.

ABSTRACT
The author of the article analyses current problems and approaches are developed to increase the efficiency of management of the Finance of health care institutions, describes the opportunities and prospects of application of these methods. Начинать с заглавных?

В современной экономической ситуации учреждения здравоохранения являются довольно крупными предприятиями и организациями, для обеспечения деятельности которых необходимо значительное количество самых разнообразных ресурсов. В то же самое время в отечественной системе здравоохранения механизм управления данной сферой остается устаревшим и нуждается в коренных преобразованиях.

Реализация новых подходов к управлению учреждениями здравоохранения приводит к необходимости решения внешних проблем, среди которых: недостаток финансирования учреждений здравоохранения со стороны государства, наличие несовершенной конкуренции в сфере здравоохранения, отсутствие четкого нормативно-правового регулирования деятельности медицинских организаций (неопределенность организационно-правовых форм учреждений здравоохранения и т. п.), разные источники финансирования учреждений здравоохранения.

Одной из основных проблем, которые встают перед организациями и пред-

приятиями в сфере здравоохранения, является повышение эффективности использования имеющихся ресурсов на основе построения модели управления финансовыми потоками и внедрения системы бюджетирования.

Современное состояние экономики в нашей стране обусловило ее ориентацию на мировые тенденции развития учреждений здравоохранения. Активно начинают внедряться механизмы преобразования управления медицинскими организациями, в качестве приоритетных выделяются рыночные методы. Одним из современных методов, внедряемых в систему управления учреждениями здравоохранения, является бюджетирование и управление финансовыми потоками.

Под управлением финансовыми потоками в международной практике понимается оптимизация финансового механизма организаций, координация финансовых операций, обеспечение упорядоченности финансов и их точной сбалансированности [1, с. 30]. Основной эффект при этом достигается с помощью оптимизации свободных остатков финансовых средств, минимизации рисков, учета долгосрочных факторов развития учреждения здравоохранения.

С помощью использования метода финансовых потоков при планировании финансово-хозяйственной деятельности учреждений здравоохранения могут быть разрешены многие управленческие задачи: от оптимизации организационной структуры до разработки проектов тотальной оптимизации медицинской организации. Преимущество данного метода также заключается в том, что с помощью метода финансовых потоков появляется возможность для анализа целостной картины работы учреждения здравоохранения в режиме реального времени. Располагая комплексной картиной движения финансовых потоков, можно значительно упростить задачу управления финансовыми ресурсами учреждения здравоохранения. В настоящее время технология управления финансовыми потоками осваивается во многих государственных и коммерческих учреждениях здравоохранения.

Прежде чем говорить о необходимости внедрения бюджетной модели в учреждения здравоохранения, рассмотрим разницу в подходах к определению «плана» и «бюджета».

В. В. Ковалевым выделяются ключевые различия понятий «план» и «бюджет» в соответствии с тремя основными признаками: показатели, горизонт планирования, предназначение. С точки зрения автора, для плана характерно использование любых, в том числе и неколичественных, показателей и различный горизонт планирования, а при формировании бюджета применяют в основном стоимостные показатели, горизонт планирования устанавливая в пределах одного года [3, с. 132]. Предназначение плана — формулирование целей, которые нужно достигнуть, и способов достижения, а предназначение бюджета — детализация способов ресурсного обеспечения выбранного варианта достижения целей и быть средством текущего контроля исполнения плана.

Ю. И. Носенко при рассмотрении понятий «план» и «бюджет» придерживается мнения профессора В. В. Ковалева, признавая, что понятие «план» отлично от понятия «бюджет» по определенным признакам [5, с. 7]. А. Д. Шеремет определяет бюджет как финансовый план действий и отмечает соответствие термина «смета» термину «бюджет», в какой-то мере определяя возможную преемственную связь этих понятий [7, с. 93]. С точки зрения Ю. И. Носенко касаемо исследуемого в данной работе объекта — лечебно-профилактического учреждения, — это разные понятия, используемые в качестве инструмента планирования. Этой точки зрения мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Определение бюджета для сферы здравоохранения сформулировано В. З. Кучеренко, С. А. Мартынчик и соавторами: «Бюджет медицинского учреждения — это роспись денежных доходов и расходов на определенный период, утвержденная в установленном порядке» [4, с. 12]. Автор

придерживается точки зрения Ю. И. Носенко [5], что данное определение не отражает основные функции бюджетирования, такие как планирование, анализ, контроль и мотивация. Конкретизированное для санаторно-курортной сферы определение бюджета дано О. Б. Веретенниковой и Л. И. Васильцовой: «Бюджет санаторно-курортного комплекса (организации) — это план развития на финансовый год» [2, с. 20].

Проведя анализ точек зрения различных авторов относительно определения понятия «бюджет», в том числе то небольшое количество определений, данных конкретно для сферы здравоохранения, необходимо отметить присутствие расхождений во взглядах по формулировке данного понятия. С точки зрения автора, нельзя рассматривать бюджет только как документ, представляющий собой признанную и принятую роспись, сбалансированную смету, он должен выступать еще и как инструмент управления денежным хозяйством лечебно-профилактического учреждения.

Методология бюджетирования является первичной и представляет собой некий набор правил, на основании которых необходимо построить всю систему управления финансовыми потоками учреждения здравоохранения. В исследовании В. Е. Хруцкого и соавторов к данной составляющей процесса бюджетирования относятся инструментарий бюджетирования (виды и форматы бюджетов, система целевых нормативов и показателей и т. п.), порядок консолидации бюджетов разных уровней управления и функционального назначения [6, с. 15]. Исходя из специфики деятельности, каждое лечебно-профилактическое учреждение самостоятельно может определить преимущественное использование тех или иных методов и подходов.

Внедрение бюджетирования в учреждениях здравоохранения необходимо одновременно продвигать по двум основным направлениям:

- разработка генерального бюджета учреждения здравоохранения, представляющего собой систему комплексного бюджетного планирования всей деятельности медицинской организации и зависящего от бизнес-процессов в конкретном учреждении здравоохранения;
- построение бюджетов структурных подразделений медицинской организации и консолидированных бюджетов, состав которых зависит от организационной структуры лечебно-профилактического учреждения.

Рассматривая бюджетирование как инструмент управления финансовыми потоками учреждения здравоохранения, с помощью которого руководство может осуществлять контроль уровня затрат определенных видов ресурсов и отыскивать возможность их экономии в будущем, автор приходит к выводу о том, что в бюджетных форматах должны найти отражение не все, а только самые важные статьи затрат.

Таким образом, рассмотрение бюджетирования в качестве инструмента управления финансовыми потоками учреждения здравоохранения, принимая во внимание спорность вопроса об их сущности, привело автора к необходимости изучения основных взглядов ведущих исследователей данной проблемы. Выделяются два подхода к определению финансовых потоков, в основу которых положено соотношение финансовых и денежных потоков.

Разделяя точку зрения исследователей теории финансовых потоков, которые выделяют их из общего денежного оборота и констатируют, что «финансовый поток» представляет собой «специфический денежный поток», сущность которого заключается в движении финансовых ресурсов от одного экономического субъекта к другому с целью его перераспределения посредством создания финансовых схем, мы сформулировали определение финансового потока как совокупности движений финансовых ресурсов в рамках определенного временнóго интервала, связанных с формированием и использованием капитала, получением конечного результата от его

использования, что отражает специфический кругооборот финансовых ресурсов учреждения здравоохранения, обусловленный влиянием внутренних и внешних факторов, в их логической взаимосвязи и взаимообусловленности и не дает основания для его отождествления с денежным потоком.

Литература

1. *Бригхэм Ю., Гапенски Л.* Финансовый менеджмент. Полный курс / Под ред. В. В. Ковалева. СПб.: Экономическая школа, 2007. 461 с.
2. *Веретенникова О. Б., Майданик В. И., Бадаев Ф. И., Носенко Ю. И., Беленцов С. М.* Экономическое обоснование инновационной деятельности многопрофильных больниц // Экономика здравоохранения. 2008. № 7. С. 20–23.
3. *Ковалев В. В.* Введение в финансовый менеджмент. М.: Финансы и статистика, 2012. 768 с.
4. *Кучеренко В. З., Мартынчик С. А., Осокина О. В*. Контроллинг производственно-хозяйственной деятельности медицинского учреждения как инструмент управления в условиях программного бюджетирования // Экономика здравоохранения. 2008. № 6. С. 12–17.
5. *Носенко Ю. И*. Бюджетирование в лечебно-профилактических учреждениях: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2010. 28 с.
6. *Хруцкий В. Е. и др*. Внутрифирменное бюджетирование: Настольная книга по постановке финансового планирования. М.: Финансы и статистика, 2011. 289 с.
7. *Шеремет А. Д., Сайфулин Р. С*. Методика финансового анализа. М.: ИНФРА-М, 2010. 176 с.

References

1. *Brigkhem Yu., Gapensky L*. Financial management. Full course / Under the editorship of V. V. Kovalyov. SPb.: Economic school, 2007. 461 p.
2. *Veretennikova O. B., Maydanik V. I., Badayev F. I., Nosenko Yu. I., Belentsov S. M*. Economic justification of innovative activity of versatile hospitals // Health care Economy. 2008. N 7. P. 20–23.
3. *Kovalev V. V.* Introduction in financial management. M.: Finance and statistics, 2012. 768 p.
4. *Kucherenko V. Z., Martynchik S. A., Osokina O. V*. Controlling of production economic activity of medical institution as the instrument of management in the conditions of program budgeting // Health care Economy. 2008. N 6. P. 12–17.
5. *Nosenko Yu. I.* Budgeting in medical preventive institutions: Dissertation abstract. Yekaterinburg, 2010. 28 p.
6. *Hrutsky V. E. and others.* Intrafirm budgeting: reference book on statement of financial planning. M.: Finance and statistics, 2011. 289 p.
7. *Sheremet A. D., Saifullin R. S*. Technique of the financial analysis. M.: INFRA-M, 2010. 176 p.

В. А. Плотников **V. A. Plotnikov**
В. А. Шамахов **V. A. Shamakhov**

Стратегическое управление: глобальный подход

Strategic Management: a Global Approach

В. Квинт

Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. — М.: Бизнес-Атлас, 2012. — 627 с.

ISBN: 978-5-9900421-6-2

Плотников Владимир Александрович
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Доктор экономических наук, профессор
plotnikov_2000@mail.ru

Plotnikov Vladimir Alexandrovich
Saint-Petersburg Sate Economic University
Doctor of Science (Economy), Professor
plotnikov_2000@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Директор
Доктор экономических наук
director@sziu.ru

Shamakhov Vladimir Alexandrovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Director
Doctor of Science (Economy)
director@sziu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
стратегия, стратегическое управление, деловая среда, глобализация, формирующиеся рынки, инструментарий менеджмента

KEY WORDS
strategy, strategic management, the business environment, the globalization, emerging markets, management tools

РЕФЕРАТ
Статья базируется на анализе экономико-теоретических взглядов, изложенных в книге В. Квинта «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке», и посвящена изучению проблематики развития теории и практики стратегического управления в современных условиях.

ABSTRACT
The article is based on the analysis of the economical and theoretical opinions stated in the book of Vladimir Kvint «The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics», and is devoted to studying of a perspective of development of the theory and practice of strategic management in modern conditions.

Современный мир становится все менее однозначным и предсказуемым. Это следствие проявления множества противоборствующих тенденций и генезиса присущих им противоречий. Безусловно, противоречивость и изменчивость — неотъемлемые спутники любого развития, его движущие силы. Спорить с этим тезисом диалектического подхода, сформулированным Ф. Гегелем, пожалуй, сегодня не станет ни один ученый. В то же время следует отметить, что начало XXI в. ознаменовалось обострением выше обычного уровня противоречивости, нарастанием неопределенности не только бизнес-, но и социальной среды. Эта ситуация требует осмысления и всесторонней оценки.

В этой связи выход в России книги доктора экономических наук, профессора, иностранного члена РАН Владимира Квинта «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» [Там же] — заметное событие для отечественной научной мысли. В. Квинт обладает большим опытом аналитической, практической, научной и преподавательской деятельности в сфере стратегического управления. На протяжении более чем 20 лет он являлся профессором систем стратегического управления нескольких ведущих университетов США, с 2006 г. заведует первой в РФ кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики и руководит Центром стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ им. М.В. Ломоносова; является членом Бреттон-Вудского комитета и Всемирной академии искусств и науки (Швейцария). Профессор В. Квинт — признанный ученый мирового уровня в данной области, поэтому очень отрадно, что его книга, первоначально изданная на английском языке в США, вышла в свет и в России.

Данная книга написана в лучших традициях стратегического мышления, основной лейтмотив которого — не отвергать непредсказуемые перемены деловой среды, но пытаться осмыслить их движущие механизмы, проникнуть в суть взаимосвязей экономических, правовых, социальных, политических, технологических, культурных и иных процессов с тем, чтобы использовать их при разработке и реализации стратегии. Обозначим лишь некоторые из проблем, затрагиваемых автором в исследовании. Это нарастание диспропорций в мировом социально-экономическом развитии; изменение расстановки сил в мировой экономике и политике; технологические изменения и смена технологических укладов на основе инновационных трансформаций; перестройка системы макро- и мегарегулирования хозяйственных связей, в том числе с использованием финансового инструментария; социальные противоречия и проблема терроризма и многое другое.

По каждому из этих направлений имеются самостоятельные исследования, в том числе и принадлежащие авторам данной рецензии [1; 5; 6; 8; 9 и др.]. Но именно в рецензируемом издании сделана попытка всесторонне и комплексно рассмотреть их, оценить их взаимное влияние и возможные направления будущих изменений. Особенностью методологического подхода В. Квинта является рассмотрение вопросов стратегического управления с учетом нового феномена — глобального рыночного пространства (ГРП), а также адаптации известного инструментария менеджмента к специфическим условиям стран с формирующимся рынком (СФР).

Еще одним интересным аспектом рецензируемого издания является его источниковая база. Проявляя добросовестный научный подход, автор при аргументации своих взглядов приводит ссылки на значительное число источников — монографий, выступлений менеджеров, экономистов и политиков, статей в деловой и научной периодике, электронных баз данных, справочников и др. Причем все это — иностранные источники, на русском языке не переиздававшиеся. Таким образом, изучение данной книги позволяет читателю не только оценить взгляды В. Квинта на современные тенденции экономического развития и стратегический анализ, но и адресно обратиться при не-

обходимости к первоисточникам, изданным преимущественно на английском языке.

Начинается книга с авторской стратегической оценки глобального рыночного пространства. Она интересна именно тем, что дается специалистом, хорошо, на практике и личном опыте знающим специфику деловой среды как постсоветских и развивающихся стран, так и стран развитых — США, европейских государств и пр. Это знание и практический опыт позволяют давать более взвешенные, справедливые оценки. Ведь не секрет [2; 4 и др.], что зачастую международные рейтинги, составляемые специалистами развитых стран мира, искусственно (мы полагаем, что не умышленно, а в силу недостаточного понимания ситуации и нехватки объективной информации) занижают позиции России и других стран с формирующимися рынками.

Обращает на себя внимание трактовка автором самого понятия ГРП, под которым понимается [3, с. 37] «система экономических взаимосвязей между потребителями, компаниями, государствами и многонациональными институтами по всему миру, которая позволяет сотрудничать и конкурировать в режиме реального времени независимо от местонахождения взаимодействующих субъектов». В этом определении важен акцент на динамическом аспекте ГРП, что требует для его анализа применения методологии стратегического управления в силу того, что сам предмет анализа постоянно видоизменяется и эволюционирует. Причем хронологическая глубина рассмотрения указанной эволюции достаточно велика — до 2000 лет. В то же время можно согласиться с В. Квинтом, что непосредственный старт формированию современному ГРП был дан с распадом Советского Союза и мировой системы социализма, что привело к «исчезновению… барьеров… препятствовавших формированию единой территории мирового бизнеса» [Там же, с. 41].

К настоящему времени это формирование в целом завершено. В результате «большинство местных, региональных и даже национальных рынков интегрированы в ГРП, — отмечает В. Квинт, — это создает новые проблемы стратегического характера не только для национальных правительств, многонациональных институтов и транснациональных корпораций, на даже для средних и малых компаний, работающих на местных или региональных рынках» [Там же, с. 45]. Соответственно, требуется, с одной стороны, пересмотреть систему стратегических оценок современной деловой среды (чему посвящена первая часть книги), а с другой — модернизировать методологию стратегического анализа (эти вопросы раскрываются автором во второй части книги).

Автором выделяется и подробно, с привлечением методов количественного анализа, анализируется множество тенденций, характерных для ГРП. Это развитие экономики знаний, трансформация глобальной финансовой системы, глобализация конкуренции, перераспределение центров экономического влияния в мире, усиление неравномерности распределения богатства и доходов, распространение технических инноваций, информатизация, изменение производственной структуры экономики и многое другое. При этом следует отметить осторожность оценок В. Квинта (и корректность такого подхода подтвердил мировой кризис). Он не выводит процессы формирования и развития ГРП исключительно из либерализации экономического регулирования, предупреждая: «Не следует делать ошибку и слишком романтично оценивать (а точнее переоценивать) экономические возможности либерализации… [Так как] именно национальные правительства по-прежнему играют основную роль на ГРП… Без государственного регулирования немедленно пришедшая ему на смену анархия сделала бы невозможным функционирование ГРП» [Там же, с. 47].

Отдельный раздел книги посвящен выявлению и анализу ресурсных возможностей ГРП и мировой экономики в

целом. В стратегическом анализе важны не только рыночные возможности, но и их реалистичность, определяемая в том числе и наличием доступных для использования ресурсов. При этом В. Квинт подчеркивает, что важны не только новые ресурсы (инновации, знания, технологии и т. д.), но и традиционные, так как экономические процессы по-прежнему во многом опираются на их наличие: территория, в том числе пахотные земли, пресная вода, энергоносители, комфортная экологическая среда, минеральное сырье, леса, трудоспособное население и его качество и т. д. Именно из-за дефицитности этих ресурсов возникают проблемы в экономическом развитии, эта дефицитность — в основе вызовов и конфликтных ситуаций стратегического уровня, которые предстоит решать управленцам (руководителям корпораций и фирм, государственным чиновникам, управленцам международных организаций) в ближайшие десятилетия.

Наиболее остро эти проблемы и конфликты встают перед странами с формирующимися рынками, к каковым В. Квинт относит и Россию. Эти страны образуют наиболее динамично развивающуюся подсистему ГРП — глобальный формирующийся рынок (ГФР). Под ним в книге понимается «новый экономико-политический феномен глобального рыночного пространства, охватывающий страны с формирующимся рынком и их региональные блоки, которые… объединяются сопоставимыми уровнями рисков и зрелости инфраструктуры свободного рынка, ориентацией векторов развития… в направлении экономической свободы и глобальной интеграции» [Там же, с. 126]. Для компаний из этих стран и международных организаций и корпораций, сотрудничающих с ними, а также для правительств открываются в современных условиях наибольшие возможности развития. Одновременно эти возможности сопряжены с очень большими рисками, преодоление которых — первостепенная задача стратегического управления.

Но какие страны могут быть отнесены к этой категории? Анализ международной статистики и материалов отдельных индивидуальных и выполненных в коллаборации исследований приводит В. Квинта к обоснованному выводу, что такого рода система признаков не выделена. Поэтому он формирует авторскую систему из 45 показателей (слабая защита прав на интеллектуальную собственность; крупномасштабная приватизация; дерегулирование создания и деятельности фирм и других юридических лиц; развитие и расширение среднего класса и др.). «Эти 45 главных характеристик… могут использоваться… в качестве контрольного теста для определения принадлежности интересующей страны к ГФР… Критическая масса этих главных характеристик создает удобную и зачастую привлекательную среду для глобального бизнеса, иностранных инвестиций и международной торговли» [Там же, с. 137].

На основе приведенных характеристик, оценивая силу их проявления, В. Квинт предлагает собственную систему классификации стран, которая выгодно отличается от используемых МВФ, ОЭСР, группой Всемирного банка и других организаций своей политической неангажированностью, четкостью критериев, привязкой не к территории, а к объективным параметрам развития экономики и социальных институтов, ориентированностью на использование в практике стратегического управления. Классификация стран по уровню социально-экономической зрелости включает страны: слаборазвитые; развивающиеся; с формирующимся рынком; развитые. При этом страны с формирующимся рынком проходят следующие стадии развития:

1) страны, приступившие к формированию рынка;
2) формирующиеся рынки в диктатурах;
3) олигархические формирующиеся рынки;
4) демократии с формирующимся рынком;

5) экономики в фазе расцвета (расцветающие экономики).

СФР — наиболее динамичная и многочисленная по количеству участников (83 страны) подсистема мировой экономики, которой в стратегическом управлении следует уделять наибольшее внимание. При этом им присуща интересная закономерность. «По мере зрелости СФР они все больше интегрируются между собой» [Там же, с. 153]. И эта интеграция дает синергетический эффект: «Из 10 крупнейших стран по показателю ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, 4 являются странами с формирующимся рынком. Из 20 ведущих стран глобального рыночного пространства 11 — СФР. И, наконец, из 30 первых стран, оцениваемых по ВВП, рассчитанному по ППС, 19 являются СФР» [Там же, с. 154].

Эти теоретические рассуждения и выкладки, достаточно корректные с научно-методической точки зрения и базирующиеся на системе строгих доказательств и фактов, автор затем переводит в практическую плоскость, формулируя стратегический прогноз в виде ранжированного по степени привлекательности для прямых иностранных инвестиций до 2020 г. списка стран СФР (приведем его полностью в силу важности этого результата): Китай, Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Южная Корея, Польша, Вьетнам, Израиль, Казахстан, Египет, Чехия, ЮАР, Турция, Филиппины, Аргентина, Украина, Румыния, Венгрия, Португалия. Этот список — руководство к действию как для правительств, так и для частных инвесторов, в том числе менеджмента национальных и транснациональных компаний.

Безусловно, каждая из СФР обладает своей спецификой, определяемой как стадией ее развития, так и национально-государственными особенностями. Успешная стратегия должна учитывать эти нюансы, но, прежде всего, она должна строиться на каркасе из основных глобальных закономерностей, предопределяющих стратегии развития в XXI в., анализируемых В. Квинтом в третьей главе книги. Среди них — глобализация, демократизация, политическая дезинтеграция, регионализация, экономическая интеграция, приватизация, интернационализация, усиление террористических угроз и экстремизма, активизация технологического развития. По каждой из этих закономерностей автор приводит конкретные рекомендации по ее учету в стратегии и парированию связанных с ней угроз.

В то же время разработка стратегии (для национальных правительств СФР, проникающих на их рынки зарубежных и международных компаний, местных бизнес-организаций СФР) требует более точной кластеризации СФР, да и вообще всех стран мира. Ведь в ГРП входят 192 страны. Они существенно отличаются друг от друга. В. Квинт в своем исследовании приходит к выводу, что практически все используемые в настоящее время страновые классификации неадекватны задачам разработки и реализации стратегий развития. Они не только не помогают стратегическому управлению, но могут и существенно затруднить его за счет неадекватной оценки рисков и неучета важных характеристик отдельных стран и их блоков. Это касается классификационных подходов группы Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, ООН, рейтинговых агентств и международных банков. Все они последовательно, обстоятельно и по существу критикуются автором.

Но В. Квинт не останавливается на критике имеющихся рейтингов. Он предлагает для практического использования собственный «синтезированный страновой рейтинг», обобщающий параметры технологического, экономического и социального развития стран мира, в котором первое место отводится Швеции, второе — Дании, третье — США и т. д. Всего автором выполнены рейтинговые оценки по 50 странам мира, среди которых, к сожалению, «не учтены Китай и Россия по причине отсутствия требуемой статистической информации в многонациональных институтах» [Там же, с. 256]. Важно отметить принципи-

альную слабость любого ранжирования: как известно, любой рейтинг позволяет упорядочить оцениваемые объекты, но не позволяет выделить количественную меру их предпочтения. Это несколько снижает возможности использования рейтингов в управлении, так как не дает ясного ориентира в выборе приоритетов, достижение которых позволит повысить (и насколько?) показатели.

В исследовании В. Квинта сделана попытка решить эту проблему путем составления кластеризованного и упорядоченного списка стран мира с количественной оценкой их стратегической привлекательности [Там же, с. 258–260]. Отметим, что полученные численные результаты весьма интересны как с научной, так и с практической точки зрения. Так, США позиционируются как единственная в мире сверхдержава, с чем сложно спорить. Ее интегральный оценочный показатель 2. Но при этом точно такое же значение этого показателя имеет и Россия, лидирующая в группе СФР с олигархическими формирующимися рынками. При этом первая в подгруппе технологически лидирующих стран Швеция имеет показатель 5,25, а первый в списке наиболее богатых стран Люксембург — 13,5. Близкое к российской и американской величине интегрального показателя значение имеет Гонконг (2,75 — СФР с экономикой в фазе расцвета) и Тунис (2,25 — СФР, приступившая к формированию рынка).

Эти, казалось бы, парадоксальные результаты, на наш взгляд, весьма полезны для практического управления, так как позволяют более обоснованно принимать стратегические решения без ненужной политической ангажированности. К чему приводит ее наличие, наглядно свидетельствует современная ситуация в ЕС. Основная предпосылка кризиса, который «раздирает» эту интеграционную группировку, по нашему мнению, состоит в том, что присоединяемые к ЕС страны «автоматически» причислялись к развитым, по сути таковыми не являясь. Поэтому проводимая государственная политика в этих странах переставала быть адекватной. Частные компании, работающие на рынках этих стран, также стали принимать неадекватные решения. Некоторое время страновые социально-экономические системы выдерживали неадекватное управление, затем стали давать сбои. Итог — кризис в Греции, Португалии, Испании, на Кипре и т. д.

Итогом изменения мирохозяйственной ситуации и формирования ГРП является зарождение нового, глобального миропорядка. В. Квинт отмечает: «В XXI в. стратеги, как и глобальные и национальные лидеры и командоры бизнеса, как правило, очень критично настроены в отношении существующего глобального миропорядка, производного от рекомендаций Бреттон-Вудской конференции» [Там же, с. 291]. В мировой экономике появляются новые, весьма влиятельные «игроки», которые лишены возможности реального влияния на события, или же это влияние существенно затруднено. «Хотя глобальный миропорядок в первом десятилетии XXI в. фактически является однополярной системой, Соединенные Штаты не застрахованы от потери своего статуса мировой сверхдержавы... И это один из движущих факторов мирового развития... Появление региональных сверхдержав... уже сейчас подрывает доминирование США...» [Там же, с. 295]. И эта динамическая реконфигурация центров экономической мощи и стратегического развития — основной признак нового миропорядка, т. е. среднесрочная перспектива описывается формулой «жизнь в эпоху перемен». Как известно, именно в таких условиях стратегический аспект в управлении выходит на первый план [7], что делает востребованными разработки, представленные в работе профессора В. Квинта.

Следует согласиться с ним, что сегодня требуются новые стратегии, базирующиеся на стратегическом мышлении, учитывающем современные реалии. По мнению В. Квинта, оно включает четыре этапа: «изучение трех стратегических подходов [стратегия принципиально новых возможностей; стратегия совмещения; стратегия совершенствования]... — выбор одного из них или определение

периода их совмещения… — выбор и прояснение основной стратегической идеи… — оценка и развитие фундаментальной стратегической идеи» [3, с. 358] и базируется на 15 правилах (в стратегии нельзя полагаться на здравый смысл; в стратегии мнение большинства чаще всего ошибочно; стратегически настоящее — уже прошлое и др.).

На этой методической основе автор детально излагает в книге систему взаимосвязи стратегического управления с другими его видами, рассматривает пошаговую методику разработки стратегии и ее элементов, дает рекомендации по оценке реализуемости стратегии и расчету необходимых для этого ресурсов, формированию системы стратегического управления уровня компании и т. д. Эти материалы книги могут быть востребованы не только менеджерами и аналитиками-стратегами, но и в учебном процессе, при подготовке специалистов в области экономики и менеджмента, государственного и муниципального управления.

Еще больше прикладной аспект книги В. Квинта проявляется при разработке им комплексных рекомендаций по стратегическому управлению бизнесом с учетом эффектов ГРП и ГФР, представленных в последней, восьмой главе монографии. Она посвящена исследованию механизма прямых иностранных инвестиций начиная от выявления их природы и движущих мотивов и заканчивая оценкой специфических рисков, присущих им. Особо автор выделяет риски СФР, среди которых выделяются природные, политические, экономические, технологические и деловые (обусловленные инфраструктурой бизнеса). Причем эти инвестиции и риски исследуются с позиций различных акторов: национальных и международных корпораций, правительств, международных организаций. Важно отметить, что В. Квинт убедительно доказывает, что ведение бизнеса может быть выгодно в любой стране, даже в той, где идет вой-на или имеется гражданский конфликт. Главное в этой ситуации — правильный выбор стратегии. И это подтверждается конкретными примерами.

Подводя итог, отметим, что книга Владимира Квинта «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» интересна со многих позиций. И как обстоятельное исследование современного мирохозяйственного развития и векторов трансформации глобального мирового пространства. И как практическое руководство по стратегическому управлению в новых условиях. И как учебник для студентов. И… Список этих «и» может быть продолжен. Одним словом, специалисту в области управления и экономики эту книгу рекомендуется прочесть. Даже если вы не согласитесь с какими-то ее положениями и выводами авторами, ей присуще главное, характерное для интересной исследовательской работы: она будит воображение, заставляет задуматься, формирует у читателя стратегическое мышление.

Литература

1. *Вертакова Ю. В.* Использование сетевого подхода для обеспечения устойчивости развития предпринимательских структур в условиях экономического кризиса // Инновационный Вестник Регион. 2009. № 2. С. 36–43.
2. *Каждому* риску — свой рейтинг // Эксперт. 2013. № 11 (843).
3. *Квинт В.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М.: Бизнес-Атлас, 2012. 626 с.
4. *Максимцев И. А., Горбашко Е. А.* Оценка конкурентоспособности страны в формировании посткризисной модели экономического роста // Экономика и управление. 2012. № 11. С. 30–35.
5. *Плотников В. А.* Глобальные проблемы социально-экономического развития и нейтрализации рисков экономической безопасности периода экономического кризиса // Экономика и управление. 2009. № 3.6. С. 12–16.

6. *Платонов В. В., Воробьев В. П., Тихомиров Н. Н.* Системы управления интеллектуальным капиталом на новом этапе технико-экономического развития: методологический аспект // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 2. С. 7–15.
7. *Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж.* Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа. М.: Вильямс, 2007. 928 с.
8. *Черный Ю. И., Рейнгольд Е. А.* Стоимость бизнеса и стратегия развития компании: основные принципы построения интегрированной системы. М.: МАОК, 2009. 214 с.
9. *Шамахов В. А.* Интеграция экономики и инновационное развитие на постсоветском пространстве // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 75–82.

References

1. *Vertakova Yu. V.* Use of network approach for ensuring stability of development of enterprise structures in the conditions of an economic crisis // Innovative Messenger Region. 2009. N 2. P. 36–43.
2. To each risk — the rating // The Expert. 2013. N 11 (843).
3. *Kvint V.* The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. M.: Business-Atlas, 2012. 626 p.
4. *Maksimtsev I. A., Gorbashko E. A.* Assessment of competitiveness of the country in formation of post-crisis model of economic growth // Economy and management. 2012. N 11. P. 30–35.
5. *Plotnikov V. A.* Global problems of social and economic development and risks of economy safety during the economy crisis neutralization // Economy and management. 2009. № 3.6. P. 12–16.
6. *Platonov V. V., Vorobyov V. P., Tikhomirov N. N.* Control systems of the intellectual capital at a new stage of technical and economic development: methodological aspect // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 2. P. 7–15.
7. *Thompson Arthur A., Strickland A. J.* Strategic Management: Concepts and Cases. M.: Villyams, 2007. 928 p.
8. *Tcherniy Yu. I., Reyngold E. A.* Cost of business and strategy of company development: the basic principles of creation of the integrated system. M.: MAOK, 2009. 214 p.
9. *Shamakhov V. A.* Integration of Economy and Innovative Development in the Post-Soviet Space // Administrative Consulting. 2012. N 2. P. 75–82.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
- экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является предоставление двух положительных рекомендаций от рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
- сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
- аннотациями на русском и английском языках, раскрывающими основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
- ключевыми словами (не более 100 знаков с пробелами каждая) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
поля — 2,5 см везде;
- номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
- шрифт — «Times New Roman»;
- аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
- основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
- ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке) — 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:
- инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
- название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
- аннотация на русском языке;
- аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
- ключевые слова на русском языке;
- ключевые слова на английском языке;
- основной текст статьи.

4. Требования к оформлению:
- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
- расстановка переносов не применяется;
- все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
- все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
- выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
- нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
- маркированный список пунктов начинается только в виде тире.

5. Оформление ссылок:
- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
- краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы)[1]. Области библиографического описания разделяются точкой;
- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Китин Евгений Александрович
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой государственного управления и государственной службы
Кандидат юридических наук, доцент.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

[1] Примечание: ссылки на электронные ресурсы содержат следующие элементы: фамилия, имя, отчество автора (если приводится); основное заглавие документа; сведения, относящиеся к заглавию; название сайта, портала; сведения об ответственности (указание принадлежности, назначения сайта); год размещения материала в сети (если указан); режим доступа (URL); дата обращения.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ *монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

♦ *публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *статьи в научных журналах:*

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

3. *Федорков А. И.* Управление процессами обеспечения качества подготовки специалистов в СЗАГС // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2011. Вып. 1. С. 42–51.

4. *Косов Ю. В., Торопыгин А. В.* Российско-Шведские отношения в контексте европейских интеграционных процессов // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2010. Т. 1. Вып. 1. С. 61–66.

♦ *статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос.Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):*

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *электронные ресурсы:*

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства. [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2009).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде». [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2008).

3. Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс] // Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс. URL: http://www.narkotiki.ru/jrussia_6800.html (дата обращения: 28.12.2010).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста).

2013. № 5 (53)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 12.05.2013 г.
Подписано к печати 29.05.2013.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 650 экз.
Заказ № 5/13.

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ
Перевод на русский язык статьи Э. Фелпса –
А. Ш. Гаджиева, научный сотрудник
Центра стратегических исследований ИМИСС
МГУ им. М. В. Ломоносова

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс работ выполнен Издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97